

СОДЕРЖАНИЕ

ВИДЗЁДЛАС. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Год коми языка: итоги или начало?	4
-----------------------------------	---

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

А. Щанов. Цена Победы	10
«Дыр на, дыр на казьтывны ми кутам...». Кывбуръяс	16
О. Бондаренко. «Сбылась мечта быть участником военных действий в защите интересов страны Советов с оружием в руках...»	24
Фронтовой дневник Филиппа Павловича Парилова	30
«Страна, не изменившая присяге...». Стихи	49
Дневник Ивана Максимовича Бутыленкова	54

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ. ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

П. Шахов. Синий патефон. Повесть. Перевод В.Шахова	78
В. Лодыгин. «Ыджыд жё козин – дzonь олём...». Кывбуръяс	128
Г. Юшков. Проблемы роста молодых авторов	131
Съёлём вотёс (Ягода сердца)	133
Л. Прошак. «Та могучая» духовность	135

АРТ-ФАКТ

А. Лебедева. Иллюстрации Геннадия Райшева к роману Еремея Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах»: писатель, художник и тень восстания	145
О. Панкрушева. Война в творчестве Р.Н. Ермолина	154
В. Силин. Ох, уж мне эти портреты!	171
В. Морозова. Здравствуй и прощай, чеховский фестиваль!	177

НОВОСТИ. ЮБИЛЕИ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Новости	186
А. Бенджик, С. Федотов. Роман Г.Спичака «Цитала»	189
Интервью с Паулой Туомикоски, директором отдела культуры Министерства культуры и спорта Финляндии	190
Приложение к журналу CD-диск «Песни Великой Отечественной в исполнении Любови Розе к 65-летию Победы!»	

**Республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический,
художественный журнал**

**Республиканской литературно-публицистической, историко-культурологической,
художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках при финансовой поддержке Правительства Республики Коми.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайтыр»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 09.03.10. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 1550. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йöзöйтöм гижöдъяс редакция оз рецензиурит и авторъяслы найос оз мёдöд. Редакция оз век во ѿти кыйбö авторъяскöд.

ВИДЗЁДЛАС ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Год коми языка: итоги или начало?

Прошлый, 2009 год в нашей республике был объявлен Годом коми языка. Что было сделано в рамках этого года и что не удалось сделать? – об этом шёл разговор на заседании комиссии по вопросам национальной политики Госсовета Республики Коми 17 февраля.

Как отметила на заседании руководитель отдела Министерства национальной политики Республики Коми Светлана Козулина, почти во всех городах и районах были приняты планы мероприятий, которые с особым успехом претворены в жизнь в Сысольском, Усть-Вымском, Усть-Куломском, Ижемском районах, а также в Ухте, Усинске, Инте, Воркуте.

По её словам, в 2009 году было проведено более 800 мероприятий, в которых приняло участие более 90 тысяч человек, в том числе около 3 тысяч учителей и 35 тысяч школьников и студентов.

Среди наиболее крупных мероприятий, проведённых в рамках Года коми языка, Светлана Козулина назвала республиканский молодёжный фестиваль «Этнококтейль», КВН на коми языке, возрождение праздника «Шондібан» и премьеру оперы «Куратов» на коми языке.

По словам заместителя министра образования Республики Коми Натальи Студиград, в проведение Года коми языка активно включилось и Министерство образования Республики Коми. Так, в 2009 году было выделено 12 автобусов и 37 кабинетов для сельских школ, в которых изучается коми язык. Кроме того, она отметила, что победителями конкурса в рамках нацпроекта «Образование» 2009 года стали три учителя коми языка, сразу четыре учителя коми языка стали лауреатами конкурса «Учитель года». Кроме того она сообщила, что в этом году будет выпущено 7 наименований учебной литературы по обучению коми языка.

Однако некоторые участники мероприятия выступили с критикой результатов прошедшего Года коми языка. Так, депутат Госсовета Республики Коми Алексей Цыпанов отметил, что уровень преподавания коми языка в школах никак не изменился за прошедший год.

По словам Первого заместителя Председателя Госсовета Республики Коми Валерия Маркова, Год коми языка также обратил внимание присутствующих на ряд недоработок. «К нашему стыду, в Год коми языка не во всех школах дети, начинающие изучать коми язык, смогли получить буквари. В последний раз они издавались в 2000 году, однако по образовательным нормативам учебники должны обновляться раз в пять лет. Кроме того, мы в пять раз потеряли в программе по поддержке государственных языков», – подчеркнул он.

Мы попросили поделиться своими выводами Председателя комиссии Госсовета по национальным вопросам В.И. Скоробогатову.

В.И. Скоробогатова: «Год коми языка: итоги или начало?»

Итоги начала нового этапа развития языка, – вот так можно ответить на этот вопрос. Почему нового этапа? Потому что сложилась определённая стабильная модель существования двуязычия в Республике, и в этой стабильности, в цивилизованном диалоге можно проанализировать, куда и как нам двигаться дальше.

Определённую позитивную роль для такого переосмысления Год коми языка, конечно, сыграл. И показал, что коми язык должен быть частью современного информационного пространства, вписан в молодёжную субкультуру, для его продвижения требуются новые методики, более привлекательные инструменты.

Надо не только искусственно повышать статус языка, но и расширять сферу его применения, не ограничиваясь культурой и образованием. К сожалению, в новом правительстве Республики Коми нет ни одного представителя, владеющего двумя государственными языками. Это ли не понижение статуса?

Мне думается, надо наметить реальные цели и путь их достижения. Это может быть возрождение начальной национальной школы, пусть для начала в качестве эксперимента, надо создавать программу подготовки и продвижения национальных кадров, объединяя усилия как республиканского уровня, так и высшей школы. У молодёжи должна быть мотивация к изучению и чёткое понимание применения языка во взрослой жизни.

Я думаю, назрела дискуссия с участием национальной элиты Республики о новом этапе развития коми языка в XXI веке.

Своими размышлениями по проведению Года коми языка согласилась поделиться и народная артистка Республики Коми Лидия Петровна Логинова.

Л.П. Логинова:

Кор 2009 во шуисны коми кывлён воён, ме зэв ёна чуйми. Ог тёд, мыйла. Гашкё, сы вёсна, мый меным быд во – коми кывлён во аслам оласног да удж кузя, и дерт, сы вёсна, мый олам Коми му вылын. Но кёсъя пасйыны, мый збылышься казялі тайё воас кутшёмкё кып коми кыв нимёдём кузяыс. Бура унашься корлісны телевидение да радио уджтасъясё, школаясё да детской садьясё, республикаса сикт-грездъясё, медым ётув пасйыны коми кывлён сёвмёмыс. Мед эз ло сізді, кыдзи кывлан йёзкост сёрнишься висьышь морт йылысь: куйліс по дыр, а бёръя луннас весиг чеччыштліс, сёйыштіс, а рытнас... Нöшта на содтышта: чиганлён вóлыс ён, уджалё, но уна сёйё. И мёвпыштіс кёзяиныд, а ог кё по кут вердны, уджалас оз. Лун оз верд, мёдёс, вежон оз верд... А сесся бёрас ачыс жо и чуймалё: дзик нин по вóлой велавліс сёйтёг уджавны, но мыйлакё куліс. Серам серамён, а коми кывлы овны-вывны да водзё ёнмыны-сёвмыны.

И ещё одно размышление на эту тему. На этот раз мы попросили высказаться учительницу коми языка и литературы Ирину Владимировну Калинину (с. Важгорт, Удорский р-н).

И.В. Калинина:

Думаю, что Год коми языка активизировал, в первую очередь, учителей коми языка и литературы в сельских школах, и поэтому основная ответственность за проведение данной акции легла на плечи инициативных, думающих, лёгких на подъём, воодушевляющих своим «горением», любящих свою работу учителей, не считающих себя с личным временем, т.к. творческая работа с детьми не знает определённых рамок и строится в основном во внеурочное время. Уверена, таких

учителей немало в нашей республике. Но... большинство из нас «варится в собственном соку». Не секрет, что нынешняя школа ориентирована на то, чтобы её выпускники были хорошо подготовлены к сдаче обязательных ЕГЭ и ЕГЭ по выбору и набрали большее количество баллов, нужных для поступления в вузы и другие учебные заведения. При этом ребёнок не учится глубоко мыслить, строить речь, анализировать, отстаивать своё мнение – не учится думать! Исчезла забота о воспитании личности в ребёнке. Но ведь живой человек – не набор кнопок на клавиатуре компьютера, ему в любое время, в любую эпоху нужны доброта, любовь, сострадание, умение удивляться миру и открывать его гармонию. Заботиться нужно о душе – о том, что неподвластно математическим формулам и правилам грамматики. Очень много можно дать ребёнку через его родной язык. Поэтому Год коми языка как нельзя лучше помог осмыслить и решить следующие задачи: через «погружение» в язык развивать творческие способности детей, понять силу слова сказанного и написанного; через родной язык и литературу воспитывать искреннюю любовь к родине, её истории и культуре, учиться открывать себя и окружающий мир. Важнейшей способностью человека считаю умение идентифицировать себя со своим этносом. Ведь мы, коми, исчезаем, ассимилируемся, «растворяясь» в общей массе. И дело здесь не только в высокой смертности населения в коми сёлах и деревнях, а и в том, что человек стесняется своей национальности! Сплошь и рядом можно наблюдать такую картину: молодые люди, выросшие в сёлах и деревнях, имеющие глубокие коми корни, закончив школу и получив образование, создают свои семьи, а в них рождаются дети, и если молодая семья проживает в селе, ещё можно ожидать, что дети будут знать родной язык. Но если семья переселяется в посёлки и города, гарантии того, что ребёнок будет коми, нет. Таким образом, молодые родители сознательно отказываются от родного языка, и ребёнок по крови коми искусственно становится русским. (Доходит до смешного: садясь в автобус коми человеком, через 100 км. выходит в Благоево уже русским!) Посмотрите вокруг – сколько таких русских внуков от своих родных коми детей принимают в гости, воспитывают наши сельские бабушки и дедушки!

Конечно, нельзя отрицать влияния глобализации, но ведь умудряются же финны (и не только они) сохранять свой язык, культуру? Так в силу каких причин мы, коми, так легко отказываемся от своего языка, предаём его? Я не боюсь поднимать эту остройшую проблему перед своими учениками. На уроках литературы или занятиях кружка анализируем такое сложнейшее и противоречивое понятие как «коми национальный характер». Кто я? Почему я такой? Чем я похож на отца, деда? Чем отличаюсь? Какой отпечаток на меня накладывает время, в котором я живу? Предлагаю детям провести собственные исследования на основе черт характера каждого члена семьи и сделать выводы. Проведя внутренний анализ проблемы, молодому человеку уже легче строить свои отношения с окружающим миром, он уже вооружён знанием о своём национальном «я». Многие ученики впоследствии признаются, что они столько открывают в себе, а этими знаниями уже делятся со своими родными...

Но усилий только учителя в решении проблемы понимания себя как частицы коми нации недостаточно. Необходима серьёзная государственная программа по сохранению коми этноса. Иначе мы скоро совсем исчезнем, и тема данного разговора станет уже ненужной...

Но вернёмся к итогам Года коми языка в отдельно взятой школе.

Как учитель, я постаралась максимально активизировать своих учеников. Для этого в школе был объявлен конкурс «Коми кывыйсь да литературась медбур велёдчысь» (Лучший ученик по коми языку и литературе), основными критериями которого были: учиться по коми языку и литературе на «4» и «5», участвовать в школьном, районном, республиканском турах олимпиад по коми языку, заочной республиканской олимпиаде по коми литературе и краеведению, в различных районных и республиканских конкурсах, прочитать как можно больше книг на коми языке. Первые итоги этого школьного конкурса были подведены в конце мая, вторые, заключительные, – в декабре 2009 года.

В течение учебного года работали творческое объединение «Литературная Удора» (для учащихся 10-х классов) и краеведческо-литературный кружок «Эжёрвежёр» (для учащихся 3–4 классов). В школе прошла декада коми языка и литературы, в ходе которой проведены различные конкурсы по классам. 16 марта прошёл День коми языка. Дети приняли активное участие в республиканском конкурсе сочинений «Мелілуныс пыдёстём да помтём», есть победители и призёры в районной олимпиаде по коми языку, заочной республиканской олимпиаде по коми литературе. Свои работы направили на конкурс сочинений в ходе фестиваля «Увлечённые чтением», проводимом Удорской библиотекой; эти работы были хорошо оценены. Были напечатаны рассказы-миниатюры учащихся в районной газете (май 2009 года) и в журнале «Би кинь» (декабрь 2009 года). В ходе проведения краеведческой работы дети узнают свои родовые корни, историю своей родины, встречаются с интересными людьми. Приняли участие в районной научно-практической конференции «Ов тэ, дона сикт!», XIII республиканской конференции участников туристско-краеведческого движения «Отечество – Земля Коми». Некоторые занятия творческого объединения «Литературная Удора» прошли на базе музея с. Важгорт. Тесную связь поддерживаем с ветеранами педагогического труда, с односельчанами.

Конечно, скучные строчки статьи не могут передать огромной внутренней работы ума и души детей. Скажу лишь, что любая творческая задумка требует сосредоточенности, поиска, желания узнать, понять. Сколько удивления, искренней радости видишь в глазах детей, когда они, казалось бы, в обыденном открывают для себя значимое. И всё – через родное коми слово! В детях сильна жажда творения. Но требуется и большая сила воли: как движение ума, души и сердца перевести на письменный язык? Одно дело – высказаться, совсем другое – написать! Но именно в этой творческой рутине и черпаем мы – ученики и учителя – силу жить. Многие ребята добились хороших результатов в учёбе, во внеклассной деятельности, участвуя в различных конкурсах, олимпиадах разных уровней, конференциях. Это Реноева Ольга (11 кл.), Коровина Антонида (10 кл.), Титова Анастасия (10 кл.), Петрова Татьяна (10 кл.), Бутырева Галина (9 кл.), Ванеева Ирина (9 кл.), Зорина Мария (9 кл.), Яковлев Руслан (8 кл.), Жданова Александра (8 кл.), Юшкова Виолетта (7 кл.), Тарабукин Василий (7 кл.), Созонова Екатерина (6 кл.), Калинина Алина (6 кл.), Донцова Анна (6 кл.), Локачёва Мария (4 кл.), Амосова Алина (4 кл.), Донцов Дмитрий (3 кл.), Гилева Анастасия (3 кл.), Калинина Светлана (3 кл.), Бозова Ксения (3 кл.), Политова Виктория (3 кл.). Учитель всегда рад за своих учеников.

Анализируя итоги Года коми языка, можно сказать, что сделано немало и есть определённые результаты. Но хотелось бы большей поддержки от членов администрации школы, библиотекарей. Работа по поддержке родного языка, литературы, истории, культуры в целом должна строиться в «связке». Одному учителю объём такой серьёзной работы не осилить. Не оставаться равнодушным, не стоять в стороне и быть просто наблюдателем.

Необходимо объединиться и учителям коми языка. Ведь мы друг друга не знаем, а решаем одни и те же проблемы. Да, мои размышления не лишены субъективности, но я уверена, что многие учителя-языковеды увидели и им знакомые ситуации и проблемы.

Министерству образования РК следовало бы больше обращать внимания на уровень преподавания коми языка, литературы в коми школах, не сокращать часов преподавания, обеспечить школы новыми учебниками. Знаем, что есть новые учебники по коми литературе для 5–11 кл., есть новая программа, но наша школа обеспечена ими не в полном объёме. Нет новых учебников для 7–11 классов. А время идёт. Оно требует изучения новых произведений, постановок новых проблемных вопросов.

Год коми языка – итоги или начало? На этот вопрос отвечу однозначно – начало, и начало долгого пути. Нужна программа сохранения коми языка для коми детей, рассчитанная на 3–5 лет с обязательным анализом результатов. Нацелиться на определённый результат, серьёзно и методично работать всем учителям родного языка, ведь на нас возложена особая миссия – мы тоже отвечаем за сохранение этноса, языка, культуры.

Мы не смогли не обратиться с нашей просьбой высказаться об итогах Года коми языка и к нашим писателям. Слово заместителю председателя правления Союза писателей Республики Коми поэту Андрею Гельевичу Попову.

А.Г. Попов:

Завершился Год коми языка. Лично я ожидал от него большего. На педагогическом, административном и других уровнях были проведены значимые мероприятия. Но, к сожалению, СМИ, особенно газеты, выходящие на русском языке, мало уделяли им внимания. Не запомнились мероприятия массового – общереспубликанского значения – для молодёжи. Не могу утверждать, что их не было. Однако уверен, что большинство населения о них в таком же неведении, как и я. Год коми языка совпал с экономическим кризисом. Это сказалось на книгоиздании.

Книги на коми языке выходили, но, мне кажется, что этого было явно недостаточно даже для того, чтобы просто подчеркнуть, что идёт Год коми языка. А тем более для того, чтобы вести целенаправленную пропаганду коми языка, воспитывать молодёжь на лучших литературных достижениях национальных прозаиков и поэтов.

Дорогие читатели! Мы бы хотели продолжить этот разговор! Свои размышления Вы можете посыпать в редакцию журнала по адресу: 167982, г.Сыктывкар, ул.Карла Маркса, д.229, каб. 136.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Александр Щанов

Александр Иванович Щанов родился в 1923 г. в с. Онежье, на Выми, в семье коми крестьянина. Ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда. Активный участник обороны Ленинграда, офицер. После тяжёлого разрывно-пулевого ранения в 1943 году демобилизован из армии пожизненным инвалидом. По окончании исторического факультета Ленинградского государственного университета преподавал в вузах Сыктывкара. Работал и работает лектором. Недавно издана его книга очерков и рассказов.

Бывший командир пехотной роты Ленинградского и Волховского фронтов, старший лейтенант.

Заслуженный работник Республики Коми, почетный ветеран республики.

Цена Победы

(Из воспоминаний ветерана Великой Отечественной)

На днях в центре Сыктывкара на стене одного из домов увидел свастику, старательно намалёванную цветным мелом. А над зловещим символом фашизма виднелось ещё полуострое кем-то «хайль». Мне стало не по себе – горько и обидно.

Вновь всплыли в моей памяти блокадный, голодный, замерзающий Ленинград, передовая под Синявскими высотами, эсэсовская дивизия «мёртвая голова» и ещё многое, многое другое. И вот решил напомнить тем, чей неразвитый ленивый ум не утруждал себя ведать о чудовищно-кровавых деяниях фашизма, о событиях, которым я был очевидцем.

...После бессонной, тревожной ночи наступило июльское утро сорок второго, да такое солнечное и ласковое, словно сама природа сжалась над нашими воинами, смертельно уставшими в тяжёлых боях с осатаневшими фашистами, и хотела успокоить их, помочь набраться новых сил.

Воцарилась такая тишина, что после привычного грохота и гула от взрывов бомб, снарядов и мин, от скрежета танков и ружейно-пулемётной трескотни заложило уши.

Изуродованная «ничейная» земля отделяла нас от фашистов всего лишь полторастами метров. Слышны были даже ругань немецких солдат, звуки их губных гармошек – словом, всё фашистское окопное бытиё. Необычная тишина настораживала нас: не готовится ли к контратаке немецкий полк?

И вот на бруствере немецкой траншеи появился здоровенный детина в каске.

Он тащил за собой упирающуюся полуголую женщину. Та отбивалась, истошно кричала по-русски.

— Я ваша Наташа! — дошёл до нас знакомый голос.— Умоляю, убейте меня, родные мои!.. Не дайте меня на поругание...

Не дав договорить, фашист ударил её по лицу. И на глазах многих сотен наших воинов изнасиловал свою жертву.

— Вот так будет и с вашими жёнами, сёстрами, невестами, если вы, советские воины, не сложите оружие и не сдадитесь добровольно великой армии нашего фюрера,— кричал на ломанном русском языке фашистский унтер.

Даже невооружённым глазом было видно: да, это была наша красавица Наташа — санинструктор батальона, накануне попавшая в плен к фашистам.

Сколько человеческих жизней спасла она, оттаскивая с поля боя на себе полуживых бойцов и командиров в батальонный медпункт! Сколько ласковых, исцеляющих слов слышали от неё тяжелораненые! Наташа была любимицей всего батальона.

Смотрю, воины моей роты побелели, заскрежетали зубами. В эти мгновения каждый из нас почти физически ощутил родной дом, свою семью — жену, детей, сестёр, невест своих, родителей, образ исстрадавшей родины-матери. И ничто, даже если на наш батальон ринулась теперь вся немецкая дивизия, или даже сама земля встала бы дыбом перед нами — ничто не могло уже заглушить нашу ярость, нашу жгучую ненависть к фашизму.

И случилось то, что и должно было случиться: батальон, как один, на одном дыхании, без всякой команды ротных (в нарушение Устава) открыл ураганный огонь из всех огневых средств и срезал, буквально срезал и озверелого нациста и нашу Наташу...

Это был единственный в данной ситуации выход для избавления от нечеловеческих издевательств и мучений нашей медсестры и единственный правильный наш ответ фашистам.

Словно очнувшись от кошмарного сна, мы поняли: такой звериной акцией фашисты хотели унизить нас, испугать, ослабить у нашей армии непреклонную волю к победе. А заодно и отомстить нам, за тяжёлые потери, которые понесли фашисты в зимних сражениях.

Мы диву давались: как же мог просвещённый и трудолюбивый немецкий народ, народ, давший миру Гегеля и Канта, Шиллера и Гёте, Баха и Бетховена, как же мог дать себя задурить Гитлеру и превратить себя в пушечное мясо немецкому фашизму? Как же немцы могли пасть до уровня варварства?

Надо дать должное Гитлеру и его команде за то, что они с ловкостью разбойников Шиллера сумели спекульнуть на тяжёлом положении немецкого народа после Первой мировой войны, спекульнуть тяжёлыми условиями Версальского мирного договора: или нищета и прозябанье, или спасительная война и мировое господство.

Наслушавшись исторических речей фюрера, немцы «клонули» на его обещание райской жизни. И под бравурные марши немцы ринулись на восток — «Дранг нах остен!» Фашистские орды, невзирая на потери, подгоняемые Гитлером, ломились вперёд, убивая и насилия, грабя и уничтожая всё и вся на своём кровавом пути.

Мы знали и то, что были немцы, не потерявшие рассудка, они не дали себя одурачить человеконенавистнической идеологией фашизма и, рискуя жизнью своей и семьи, мужественно боролись с коричневой чумой XX-го века.

Верно говорит герой повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие» – старшина Федот Ваксов: «Война ведь не просто кто кого перестреляет. Война – это кто кого передумает».

В том, безмерно тяжёлом сорок втором, мы знали, что ещё не скоро обнаглевшие и озвевшие немцы, ставшие профессиональными убийцами, задумаются всерьёз и начнут кое-что соображать. Что ещё не скоро они осознают всю меру своего морального падения, всю меру своей вины и ответственности перед исстрдавшимся советским народом, перед всем человечеством. Мы чувствовали, что ещё долго, очень долго без второго фронта один на один нам предстоит биться насмерть с вооружённым до зубов, коварным и самым сильным в мире врагом.

Но мы были уверены, что непременно, непременно отобьём у фашистов охоту убивать, охоту насиливать и грабить неарийские народы. Мы были уверены, что пройдёт время, и вражеская кровь смоет их собственные кровавые следы.

Когда я вижу свастику, вновь всплывают в памяти леденящее сердце чудовищные злодеяния фашистов, совершённые ими над десятками тяжело раненных советских командиров, политработников и солдат, попавших в плен под Ленинградом зимой сорок первого – сорок второго, пред которым бледнеют древнетайские и средневековые пытки. У всех заживо были выколоты глаза, вывернуты руки, сожжены лица. Многие из них были изрублены на куски. На территории Ленинградской области фашисты соорудили 35 концлагерей для военнопленных и гражданского населения, угнали в Германию 253 тысячи человек.

Минуло уже 65 лет, а у меня всё ещё перед глазами переносные виселицы, со знанием дела изготовленные фашистами. Гестаповцы и фельдшандармерия перевозили их по деревням и сёлам на оккупированной территории и вешали на них всех тех, которые сопротивлялись «новому порядку».

Когда я вижу свастику, память вновь и вновь уносит меня в голодный и холодный и замерзающий, но сражающийся упрямый блокадный Ленинград.

В январе сорок второго, когда опухшие от голода, тяжело больные алиментарной дистрофией ленинградцы не успевали отвозить на Пискаревское, Серафимовское и Волково кладбища тысячи и тысячи умерших от голода, вурдалак Гитлер всему миру по радио восторженно заявил: «Пусть Ленинград выжрет самоё себя!»

И он и его армия, опоясавшая город железным кольцом, делали всё для того, чтобы передушить ленинградцев голодом и холодом, изматывая остатки их сил и нервов круглосуточными бомбардировками и артиллерийскими обстрелами.

Костлявая рука голода унесла более 800 тысяч ленинградцев (а это – население почти 4-х таких городов, как наш Сыктывкар!).

С замириением сердца мы слушали рассказы офицеров, прибывших на передовую из города, о новогодней (1942 г.) ёлке, устроенной по инициативе Ленгорсовета для ленинградских детей. Дети дружно пели про ёлочку.

– А теперь давайте танцевать, – попросила учительница. Дети навзрыд заплачали, стыдясь своей слабости. Они плакали от того, что не могут танцевать. Некоторые попытавшиеся было поплясать, тут же падали. Вместе с детьми плачали и учительница, и вожатая.

Как только не мстили фашисты ленинградцам за их «упрямство» – за то, что они не стали на колени перед гитлеровскими полчищами. Но так и не дождался генерал Георг фон Кюхлер символовических ключей от неприступного города-бас-тиона на Неве ни зимой сорок первого-сорок второго, ни позже, как не дождался ключей от первопрестольной и Наполеон, сидя в горящей Москве...

Как я вижу свастику, я вспоминаю рассказы украинцев и белорусов, переживших фашистскую оккупацию. Немецкие солдаты и офицеры – холёные и гогочущие «супермены» распаривали штыками животы беременным женщинам. Как дикие гунны, древнегерманские варвары сжигали целые деревни вместе с их жителями, отрывали от матерей грудных детей и бросали их в огонь.

При приближении фашистов советские люди из деревень и сёл стали убегать в лесные трущобы, пещеры, в наспех вырытые ямы: пусть лучше дикие звери растерзают, чем зверь двуногий будет терзать и мучить.

Молодым людям я посоветовал бы прочитать письма рабынь и рабов – советских девушек и юношей – ваших сверстников, насильственно угнанных из оккупированных территорий на каторгу в Германию.

Фашисты уничтожали всех тех, которые сопротивлялись «новому порядку», и в западной Европе. В этих странах гитлеровцы проводили инквизиторские операции под кодовым названием «Мрак и туман». В оккупированных странах фашисты держались только с помощью жесточайшего террора.

Фашистская свастика напоминает нам, ветеранам войны, и комбинаты смерти – в Освенциме и Майданеке, Дахау и Бухенвальде... Миллионы узников – военнопленные и гражданское население всех народов и национальностей – приняли в них мученическую смерть.

Выдающийся советский писатель и журналист Константин Симонов в очерке «Лагерь уничтожения» описывает деяния фашистов в Люблинском комбинате смерти.

«...Сразу же при поступлении в лагерь узникам выжигали на руках личные номера как раньше клеймили лошадей. Под рёв тракторов, чтобы заглушить треск автоматной стрельбы, крики, стон расстреливаемых, душегубы тысячами расстреливали узников, зарывая вместе мёртвых и живых в глубокие и широкие траншеи, вырытые самими узниками. Жгли людей в крематории. В газовые камеры узников водили утром или вечером. Обречённым давали по куску мыла и говорили, что их ведут в баню. У входа в камеру бережливые фашисты мыло отирали.

В газовые камеры площадью 36–40 квадратных метров с герметически закрывающейся дверью вталкивали свыше 250 человек и отправляли их газом циклон. Мёртвые не падали: некуда было падать. Так было экономичнее и удобнее фашистским извергам. Когда массовые расстрелы, крематории, газовые камеры неправлялись с умерщвлением узников, пускали в работу электрический ток....»

А какие чудовищные опыты совершали фашистские учёные – изверги Менгель и другие над людьми, стараясь превратить их в полуживотных, в роботов-рабов.

– Жалость – позор для немцев, – наставлял Гитлер своих солдат и офицеров, – немец должен быть бессердечным к рабам в порабощённых странах.

– Нам не нужны ни русские, ни украинцы, ни белорусы, ни поляки, – поучал

своих подчинённых наместник Гитлера на Украине небезызвестный гауляйтер Кох, – нам нужны плодородные земли. Мы будем германизировать не людей, а земли.

Фашистские душегубы, воспитанные на человеконенавистнической идеологии и расового чванства, отнюдь не были дегенератами. Среди них было немало тонких ценителей искусства, литературы, музыки, добреих семьянинов. Они нежно любили свою фрау, своих киндеров. А сам фюрер был даже... вегетарианцем.

Но всё это не помешало им заживо хоронить, жечь, отравлять газом миллионы невинных людей. Всё это не помешало им уничтожать, разграбить и изгладить всемирно известные памятники истории, архитектуры, искусства и культуры Киева, Новгорода, Петродворца... Это не помешало им разграбить и изгадить усадьбу-музей величайшего художника слова, мыслителя Льва Толстого в Ясной Поляне, дома-музеи великих композиторов Римского-Корсакова в Тихвине и Петра Ильича Чайковского в Клину...

На территории СССР фашисты грабили и уничтожали всё и вся, чтобы наша страна уже не могла стать на ноги. Железнодорожными эшелонами увозили в Германию даже... землю – украинский чернозём.

А что несли всему миру и нашей стране гитлеровские полчища в касках с рогами? Чудовищную жестокость, беспощадный террор, культ насилия, уничтожение и рабство для неарийских народов.

Победа фашизма отбросила бы мировую цивилизацию на 50–100 лет назад – к худшим временам средневековья.

Всё живое на земле сопротивлялось фашизму, боролось с ним. Горела земля под ногами фашистов. А ведь Гитлер так рассчитывал на немую покорность порабощённых народов!

Блицкриг не удался Гитлеру в России. Более 170 отборных немецких дивизий, солдаты которых топтали мостовые Афин и Белграда, Варшавы и Осло, Брюсселя и Парижа, забуксовали на нашей земле. Фашисты были вышвырнуты вон к его логову – Берлину.

Вместе со всеми народами страны внёс весомый вклад в победу своими ратными и трудовыми делами и коми народ. Сто семьдесят тысяч воинов из нашей Республики мужественно сражались и на снежных полях Подмосковья и в непобедимом Севастополе, на горящей земле Сталинграда и в непокорном Ленинграде, на обледенелых скалах Заполярья и на огнедышащей Курской дуге, на неприступных берегах Днепра и на Одере. Они отважно штурмовали Берлин. Делали всё возможное, а чаще невозможное, для приближения Победы. Половина воинов из коми деревень не вернулась к родным очагам, к своим семьям. Тысячи и тысячи были искалечены.

Весьма любопытно: гитлеровские генералы в своих мемуарах жалуются на советских воинов за то, что они, видите ли, грубо, нетактично обошлись со сверхчеловеками – с немецким воинством. Так и хочется сказать им: извините, господа, не ушибли ли мы вас, вышвыривая из-под Москвы, Сталинграда и Ленинграда? Не пересчур ли жарковато было в «Тиграх» и «Пантерах» вашим танкистам под Курском и Орлом? Не натёрли ли ножки ваши солдаты, торопливо удирая из украинских и белорусских деревень, сёл и городов?

Один из немецких фельдмаршалов перед самым концом войны, когда совет-

ские войска уже приближались к бункеру Гитлера, спросил его: «А ведь зря, мой фюрер, мы проигнорировали историческое завещание нашего железного канцлера Бисмарка, начиная войну с Россией».

– Немцы, передайте вашим детям, внукам и правнукам, – завещал Бисмарк, – чтобы никогда не нападали на Россию, российский народ непобедим.

Истинно верно. Нет в мире силы, которая могла бы поставить на колени такой народ, как наш! Нет в мире силы, которая могла бы повернуть вспять колесо истории!

Дорогой ценой далась нам Победа в Великой, всеиспепеляющей войне... 27 миллионов лучших сыновей и дочерей страны прикрыли амбразуру в 41-е – 45-е годы...

Фашистская Германия оказалась перед катастрофой – таков был финиш великого похода «Дранг нах оsten!»

Но и поражение бывает на пользу. Оно заставляет трезво оценить совершившееся, и осознать меру своей вины перед народами, перед историей. Немецкий народ отрезвел. До боли в висках он одумался, осознал свою непростительную историческую ошибку, устыдился перед Россией, перед человечеством и проклял фашистскую идеологию и её фюреров всех рангов, пригвоздил их к позорному и карающему столбу. Дети активных немецких нацистов и расистов даже отказывались от фамилий своих отцов и дедов.

Немецкий народ вновь занял подобающее ему место в мировом сообществе. Наладились хорошие межгосударственные отношения России и Германии.

Немалых успехов в экономике, в повышении уровня и качества жизни народа добилась современная Германия. И это благодаря тому, что немецкий народ решительно избавился от раковой опухоли на своём теле – от фашизма.

Вдумайтесь, молодые люди, посерёзнее вдумайтесь в античеловеческую, звериную сущность фашизма – нацизма и расизма. Нетрудно представить себе: кем бы оставшиеся в живых россияне и их потомки были при фашистах?

– Рабами. В лучшем случае чернорабочими на вредных, каторжных работах, чистильщиками кованых сапог немецких солдат – фашистов. Других возможностей нам, неарийцам, фашисты не предоставили бы.

Пусть дрогнет рука малюющего фашистскую символику! Пусть устыдятся присутствующие при этом юнцы ради демонстрации ложной смелости, ради ложного самовыражения. Фашизм отторгнут от человечества, как инородное тело. Звериное дыхание фашизма несовместимо с человеческим достоинством, с самим понятием ЧЕЛОВЕК.

2006–2010 гг.

г.Сыктывкар

«Дыр на, дыр на казтывны ми кутам...»

Серафим Попов

* * *

Дыр на, дыр на казтывны ми кутам
Война кадся тулысъяслысь сер,
Сотисны кор тайё дона мусö
Аддзывлытём би да свинеч шер.

Эг кёть вёвлы ачым полысь рёдысь,
Ковтём ляблун сьёлёмös эз нирт,
Бия тышö кыпöдчигён, тёда,
Кынмывліс кыдз сонъяс пытшкын вир.

Татшом здукё чужліс тшотиш и ярлун,
Кодос бордъя пуляён он ви.
Помнита, кыдз миян комиссарным
Медводз пыкис паныд локтысь би.

Вёлі тулыс... Вёлі сэки тулыс,
Руаліс став морös тырнас му.
Татшом лунö босытіс Харьков улын
Усьём комиссарös братской гу.

Югыд шонді лыдтём югор раддзён
Вольсалö быд ю, быд сён, быд кёдж.
Сийё, коді бия туй эз аддзыв,
Тулыслысь став мичлунсо оз тёд.

Помнита дзоридз кодь нылёс

Шуласны тай, – нывъясыд по нэрөсь,
Налы колё мелі ниом да сыв...
Миян батальонын вёлі Вера –
Санинструктор, сёмын öти ныв.

Дзоридзён и вёлі сійё налы,
Кодъясös эз ётчыд сотлы би,
Ранајассö эталысь и талысь
Эз ѡд ётчыд кёртав сылён ки.

Витсё зонлы Вера вёлі чойён,
Но кор шогсöо сьёлём, ноксöо сям,
Ловзылёны вётын моз сьёдвойын
Гётыр, и невеста, и бур мам...

Дерт жё, налысь мелілунсö юкліс
Руд шынеля ёртъясылы ныв,
Морёс бердас сöмын кёть и кутліс,
Кодлон сьёлём тіпкёмыс эз кыв.

Татшомён и сійё эськё колис –
Нэриник, но сöстомлуннас ён.
...Мездыны Чугуев врагысь нёльысь
Кыпöдчыліс миян батальон,

Но ѡд овлё, – битё би оз керав, –
Оти воськов водзланьё он письт.
Киссöём вичко вывсянь свинеч шерён
Ытшкис автоматъясысь фашист.

Шёйёвошны позьё сэтшом кадё,
Кор комбатлон гёлосыс оз кыв...
Сувтіс сæk да уськёдчис гёрд флагён
Враглы воча миян муса ныв.

Сы бёрся став ярлуннас тыр гыён
Косьё пырис взвод бёрся выль взвод,
Северной Донецлон кёдзыд рыё
Медбörъя фашист кытчöдз эз вод.

Вера куйліс ичöтик куш эрдын,
Чегом дзоридз эз нин восьтлы син,
Но пыр кутіс аслас морёс бердын
Йиджтысöём пось вирён паськыд бинт.

Анний Размыслов

Воклы

Ыңжыд чолём, менам дона вок,
Ылі рытывывсянь ыңжыд воксянь!..
Таво гожём, гашкё, ог на лок,
Но эн шогсы, ньёти тэ эн шогсы.

Гожся рытын чужан сиктным рам,
Рөмпöштан кодь Эжва юным шыльыд...
Кёнкё, тарыт миян муса мам
Лунвыв йёрын уджалё на зіля.

Тöда: сiйö узыны водiгмоз,
Частö гажтöмсывлö миян вöсна,
Кодъяс эновтiсны шоныд чужан поз, –
Кодi кытчö – муналiсны ылö.

Вöлiм öкмысöн ми – пи да ныв,
Но код бордъясыштö, пыр жö лэбзьо...
Кöть и, вокан, паськыд му шар выв,
Олём туйсыд некытчö он дзебсы.

Быдмыштан и тöгöрвоан сэк,
Кутан ачыд корсыны аслыд шудлун.
Сöмын янсöдчигöн пöрысьясöс тэ
Морёс бердад топыдджыка кутлы.

А тэ öнi сöмын сыв да ворс,
Налысъ сьёкыдлунъяс гажöд, личöд,
Вугрась, котрав, Осьникысъ мёс корсъ,
Эжва кырсянь пароходъяс видзöд.

И мед некор оз босыт тэнö шог,
И оз нормыв сьёлём тэнад могтöг,
Гашкё, таво гожём ог на лок,
Но быть локта коркё, локта.

Альберт Ванеев

«Сёнъясын ёткодь вир...» поэмалыс юкён

Ленинградсянь татчанынын,
Кёні бўрыс тшем,
Валя нима станция
Корт туй вылын эм.

Валя... Мелі нимас
Быттьё сёльгё шор.
Валя, Валентина –
Кёлёткёльчик гор.

Валя, Валентина –
Колип сыланкыв.
Валя, Валентина –
Чёдлач синма ныв.

Ленинградсянь татчанынын,
Волхов дорын сэн,
Лёссыд нима станция
Корт туй вылын эм.

Пармалын кодь гожём сэн,
Миян кодь жё му.
Видзёны дзор пожёмъяс
Ыджыд братской гу.

Поезд тёвзъё-чуксасьё
Пармалань быд лун,
Но оз садымёд тутсёмнас
Усьём йёзлыйс ун.

Небыд мусыс вояс чёж
Лунъюгыд оз восьт.
Орчён тёвззысь поездыс
Гортаныс оз босьт.

Кодёс ёнёдз виччысям,
Тшотш жё узъё тан –
Нэмнас некор бритчывтём
Коми лейтенант.

* * *

Воис ыджыд война вылысь морт...
Сийös виччысис пармаса горт:
Ичöt ю бокö ляскысьём сикт,
Керка, мамыс кён öтнасöн дзик.
Кыдзи виччысис!
Ой жö да ой!
Вölі тувсовъявой, югыдвой!
Вölі кыр паныд котörtны рад
Сизим орден-медаля салдат.
Лöня визувтö ю...
Вой шöр бöр –
Асья кыыыс муртса на гöрд.
Буретш чöссыда шайччöны йöз,
Кодъяс гöриен тувсов лун чöж.
Чайтсис, узъё быд вöралысь пон...
И сæk воськовсö ньöжмöдис зон.
Пуксис йöр бокö.
Личöдис ноп –
Лыга туйсö эз дженыыда соб.
Торкны эз кöссы мамыслысь ун –
Сылы вичмас на котралан лун!..
Сöмын мамыс кор ломзьöдис пач,
Гортса öдзöсö игöдчис надз...

...Воис ыджыд война вылысь
Морт.

Ловъяслы

А миянöс война нэм кежлö колис томён.
И оланинным миян – братской гу.
Ми кöдзавны нин заводитöм вомён
Сæk медбörъяясь окыштим ас му.

Ас му,
Ас чужан му,
Код колис ловъя
И дзоридзъясон вевттысыль быд во...
Тi новлöдланныыд миянсыыым овъяс,
И кöсъям,
Медым тiян лёк эз ло.

Ми – аслыссикас енъяс.
Ми ог мудзой.
И зілям отсасьны век ловъяяслы ми:
Ас морёс вужжысь вужъяссюдам рудзёр,
И чунъяс костёд лэдзам турун сі.

Владимир Тимин

Война кадся нянь

Öчкердьыд кузъ, но абу помтём,
Вески дородз воин – сувт да ланьт.
Гираясён кылан тэрыб ковгом,
Аддзан тэнайд торйодыштём нянь.

Нянь...
Кор петан ѹоз косттыйс ортсо,
Кокни сумка оз пык мунан ёд,
Торпыригсö бырёдан на гортодз,
Эм кё нёшта –
Бырас на и мёд.

Газетъяс ми, зонпосни,
Эг лыддьой,
Но ёд ставсö тёдим –
Война кад!
Классён тэчлім сыланкывъяс пыдди:
«Ми-ян де-ло пра-вой,
Гит-лер – гад».

Нывбабаяс эскёдлісны мудзтодз,
Ордыйсьюмён ёктывлім кор шеп:
Врагос вётлам – и не сёмын рудзёр,
Шобді кёлач сейны кутам сэк.

Война кад!
Руд енәж,
Кёдзыд школа.
Нянь карточка шымыртёма ки...
Ас костаным шог юким да олім
Нывбабаяс, пёрысьяс
Да ми.

Галина Бутырева

*Даней Сан Ёльгалы, коді кызь арёс-
сянъ күвтöдзыс виччысис война вылын
вошом верёссö, казтылём пыдди...*

Тувсов шонді моз,
дона верёсö,
лун ивой
тэнö витi, тэнö витi.
Катша ыб ув
гёри-кёдзи,
агасалi.
Тэнö витi, тэнö витi.
Кёдзи, кёдзи,
синванам мусö
киськалi.
Тэнö витi, тэнö витi.
Сюöдз воштi,
вундi-вундi,
кольтаалi.
Тэнö витi, тэнö витi.
Сёро шотi,
косытi-косытi,
дай ёшёдi.
Тэнö витi, тэнö витi.
Рынышын ме вартi-вартi,
дай тёллодi.
Тэнö витi, тэнö витi.

Евгений Козлов

* * *

Мамлён батыыс – Тойна грездса Педёр,
Менам дедö,
Менам тёйтём дедö.

Мунис тышö немечьяслы паныд...
Ме эг аддзыв –
Тайё мамлён паметь.

Сийё шуис гётырыслы:
– Вера,

Быдтор лоны война вылад вермас.

Кутшом миян йиломъясным пони...
Но тэ помнит,
Мый кёть лоё –помнит!

Висътав ставсö, висътавныс мый позьö,
Медым найö висъталисны водзö,

Висътав налы,
Тайö ёна колё –
Медым ставыс паметяныс кольö.

Ольга Бондаренко

Бондаренко Ольга Евтихеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, этнографии и археологии Сыктывкарского госуниверситета. Работает в СыктГУ с 1972 года. Является автором и соавтором около 200 научных работ.

Область научных интересов – проблемы духовной культуры, история войн, благотворительность, образование в конце XIX – начале XX вв., лесная промышленность.

«Сбылась мечта быть участником военных действий в защите интересов страны Советов с оружием в руках...»

Всё чаще мы обращаемся к страницам прошлого нашей страны, стремимся понять и оценить исторические события, участников этих событий.

Говоря об участниках советско-финляндской войны (30.11.1939 – 12.03.1940 гг.), прежде всего, необходимо отметить, что основной контингент, из которого набирался военный состав, составляли жители северных регионов Советского Союза, которые лучше были приспособлены к суровым климатическим условиям и имели навыки хождения на лыжах. Не так много на сегодняшний день мы знаем и о наших земляках, участниках этой войны, неизвестно, сколько их было.

На наш взгляд, большой интерес представляют любые свидетельства об этой войне, особое значение имеют документы, связанные с участниками боевых действий. Попкова Клара Филипповна любезно предоставила в наше распоряжение дневник своего отца Парилова Филиппа Павловича, участника советско-финской войны, который она бережно хранила после его смерти. Отец умер в 1955 году, ему было только сорок девять лет.

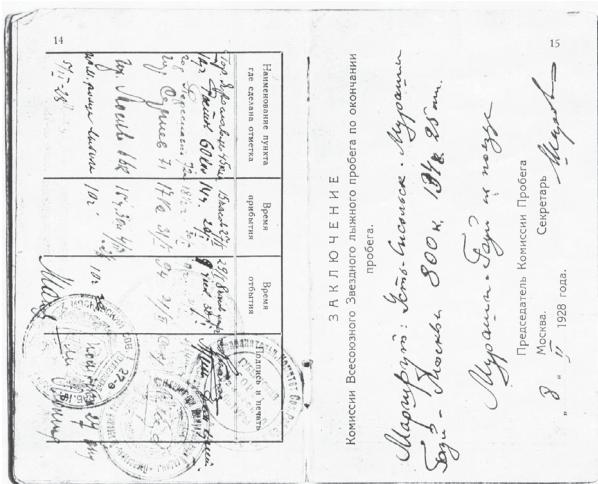
Семья Париловых проживала в г. Усть-Сысольске в своём доме, который располагался там, где в настоящее время находится гостиница «Югорь». Отец – Парилов Павел Филиппович был родом из Лальска, в Усть-Сысольске он состоял приказчиком при магазине Сумкина. Мать – Боброва Ольга Ивановна была местной, обучалась в женской гимназии, после замужества занималась домашним хозяйством и детьми. Детей в семье было семеро: Филипп, Иван, Александра, Сергей, Павел, Владимир, Василий.

История этой семьи связана с историей лыжного спорта Коми области. Отец был мастером на все руки, искусно изготавливал лыжи, которые мало чем отличались от фабричных. Сохранилась уникальная фотография, на обороте которой рукой Павла Филипповича (деда Клары Филипповны) была сделана следующая запись: «Заснято зимой 1928 г. Справа налево: жена Ольга Ивановна, (сам) Павел Филиппович, сыновья: Филипп, Иван, Сергей, Павел, дочь Александра, сыновья Владимир, Василий. Первые двое – участники пробега на лыжах Сыктывкар – Москва 1928 г. Лыжи были собственного изготовления. Все лучшие лыжники Коми области, значкисты ГТО, ворошиловские стрелки».

Сохранилась контрольная книжка за № 241, выданная оргкомитетом Всесоюзной Spartakiady 1928 г. при ЦИК СССР участнику звёздного лыжного пробега тов. Парилову Филиппу Павловичу. Маршрут пробега: Усть-Сысольск – Мураши – Буй – Москва. Отрезок пробега Мураши – Буй был проделан на поезде. В пути следования делались отметки о времени прибытия и отбытия, скреплялись печатями. Удостоверение, выданное Парилову Ф.П., подтверждало, что он действительно является участником этого пробега, командирован в пробег Кomi Областным советом физической культуры, содержало просьбу ко всем правительенным и общественным организациям, уч-

гафта, руководил спортивной работой в Омске, где и познакомился со своей будущей женой Сотских Елизаветой Фёдоровной (она была с Урала). После свадьбы они переехали в Коми, откуда он и был мобилизован на финскую войну.

15 сентября 1939 г. из г. Сыктывкара на барже, которую тянул пароход, выехала группа мужчин, призванных в действующую армию по Указу Президиума Верховного Совета СССР. Среди них были Ф. Парилов, З. Панев, Г. Распопов, С. Сорвачев, М. Попов, Калинин, Пешкин, Панюков, Панов, Николаев, Политов, Никонов, Терентьев, Микушев, Токарев, Сидоров и др. Путь до Котласа занял двое суток. В Котласе лежал глубокий снег, нехарактерный для этого времени. Все мобилизованные были в летней одежде. В Котласе пробыли день, выехали на Киров, в Киров прибыли утром, ночью отправили всех в Вологду. Только в Вологде стало известно, что везут в г. Череповец. Как писал в своих воспоминаниях З.В. Панев, тоже участник этой войны: «Там нас никто не ждал, разместили в каком-то холодном, заброшенном помещении; ночевали на грязном полу, без каких-либо постельных принадлежностей, даже не было соломы».

В Череповце они были определены в 453 артиллерийский полк 168 стрелковой дивизии. Ф. Парилов, а вместе с ним ещё одиннадцать человек из Коми АССР, попали в 3-ю батарею. 30 сентября полк прибыл в пограничную деревню Видлицы Карельской АССР, на берегу Ладожского озера, которая находилась в шестнадцати километрах от границы. Жили в землянках. Солдаты, призванные по Указу, были плохо одеты, не было даже тёпл-

реждениям и отдельным должностным лицам оказывать ему содействие по выполнению пробега. На удостоверении была карточка участника пробега, заверялась его личная подпись, выдано оно было в Усть-Сысольске 16 января 1928 г. В 1934 г. Филипп принимал участие в I Всеобщей лыжно-стрелковой спартакиаде рабочих земледельческих совхозов в г. Москве, где занял первое место на дистанциях 10 и 20 километров.

Парилов Ф.П. обучался на лыжных курсах в институте Лес-

Мой пулемётный расчёт, выполнивший стрелковые упражнения на «отлично». 15/XI 1939 года.

тога вечером выступил с речью по радио ко всем трудящимся, и что дан приказ перейти финскую границу и наступать». Ф. Парилов записал, что «в 8 часов утра первой заговорила пушка II батареи, и за ней и наши гаубицы, и кругом пошла артиллерийская стрельба, ещё не верилось и как-то на сердце было неприятно, неужели всё же придётся воевать, каждый себе задавал вопрос. После часовой стрельбы, где мы выпустили сорок снарядов, батарея снялась с огневой, и мы двинулись для перехода границы, ...нам выпало первыми перейти государственную границу».

Переход государственной границы был осуществлён. Первое впечатление от того, что увидел Ф. Парилов, было зафиксировано в дневнике: «Нам сразу бросились в глаза: на границе жили, видимо, зажиточные слои, дома хорошие, всё обшито тёсом, и, что характерно, все выкрашены в тёмно-красный цвет, в домах всё имущество оставлено, цветы уже замёрзли».

Находясь на фронте, Филипп Павлович вёл дневник, который представляет собой две самодельные тетради по 22 и 28 страниц, сшитые друг с другом чёрными нитками. Обложка дневника картонная, с двух сторон обёрнутая целлофаном, на титульном листе написано «Ф.П. Парилов». На первой странице дневника находится боковая запись: «Дневник прошу переслать жене по адресу: Коми АССР, г. Сыктывкар, ул. Горького, 7, кв. 22. Париевой Елизавете Фёдоровне». Записи велись ежедневно, начиная с 13 сентября 1939 г. и заканчивая 5 июня 1940 г., но есть и пропущенные дни (например, с 12 по 30 декабря, с 5 по 19 февраля). Очевидно, это было связано с тем, что в условиях военных действий не всегда имелась возможность взяться за перо. После таких перерывов в дневнике следует запись: «Перерыв большой. Особых изменений нет». Однако в хронологии наблюдается определённая путаница. Так, после 30 марта автор описывает события, датируемые 1 марта; после 18 идёт 15 марта, затем 30 апреля; 6 июня, затем 25 мая и снова 5 июня и т.д. Возможно, Ф.П. Парилов вспоминал какие-то моменты уже после описанного события, то, что не вошло в его дневник, по ходу повествования, и считал необходимым их дописать. В первой половине дневника записи велись простым карандашом, иногда синим, а со второй половины марта 1940 г., т.е. в мирное время, уже чернилами. Иногда почерк непонятен, записи трудно разобрать.

лого белья, вместо рукавиц хлопчатобумажные перчатки, ботинки без тёплых портнянок. Ф. Парилов зафиксировал в дневнике: «5 ноября вышли дальше к самой границе, остановились около деревни Ковайно, оборудовали огненную позицию, и здесь отметили всего в пятистах метрах от границы 22 годовщину Великой Октябрьской революции».

В этой деревне они находились с 5 по 30 ноября. Утром 30 ноября воинам сообщили, «что глава правительства СНК СССР тов. Моло-

Характеризуя стиль языка, можно отметить, что в основном он написан простым языком, хотя встречаются и пафосные фразы. Так, 21 января автор писал: «Велика и почтна честь быть в рядах партии, которую 25 лет пестовал Ленин, и теперь 16 лет ведёт великий Сталин, с оружием в руках защищать колыбель революции, город Ленина, и помогать финскому народу». И сразу же после этого сообщал, что «всё ещё находимся оторванными от тыла, кормить лошадей нечем, сами питаемся по сокращённой норме».

В связи с описанием противника и выражением патриотических настроений можно осветить отношение автора к Советскому государству, партии и власти. Перед нами Ф.П. Парилов – коммунист, пламенно верящий в победу советского народа в этой войне, готовый с гордостью за любимую отчизну защищать свою страну, её население, партию и тов. Сталина. Он был человеком своего времени и испытал влияние эпохи. Так, 30 ноября 1939 года в дневнике сделана запись: «Исторический день для всего народа, а для меня новая веха в жизни: сбылась мечта быть участником военных действий в защите интересов страны Советов с оружием в руках, участвовать в защите северо-западной границы, гор. Ленина – колыбели революции»; в этот же день «мы отмечали 22 годовщину Октябрьской революции». В ночь на 1 января 1940 г. Парилов высказывал пожелания, в первую очередь Новому году: «Первое – быстро разделаться с гадами белофиннами и снова взяться за мирную жизнь по построению коммунизма», во-вторых, чтобы прошедший год был «новым торжеством ленинско-сталинской национальной политики в отношении малых независимых стран», в-третьих, «быть участником всесоюзного парада физкультурников».

21 января 1940 г. читаем в дневнике: «16 лет как не стало великого вождя, основателя и организатора Красной Армии и Красного Флота Владимира Ильича Ленина, а главной задачей является защита колыбели революции – г. Ленина». Автор неоднократно даёт рекомендации своим товарищам для вступления в члены ВКП(б): «Сегодня дал рекомендации для вступления кандидатом в члены ВКП(б) тт. Шулепову, Дроченко и Кузьмину...» (31 декабря 1939 г.); 20 января «дал рекомендации т. Рочечину Ан. Ив...». И даже в день своего рождения, 12 марта 1940 г., Парилов в первую очередь думает о стране: «Сегодня стало 3 месяца как мы стоим на этой огневой позиции», и как бы вскользь упоминает: «сегодня мне исполнилось 34 года...».

Первоначально, после пересечения границы, военные действия развивались успешно для бойцов: заняли город Сальми, на шестые сутки – Питкяранту. Однако из-за усилившегося сопротивления финнов, отсутствия дорог, ранней зимы и крепких морозов к концу декабря наступление застопорилось. Передовые части оторвались от тылового снабжения и попали в окружение. В январе финнам удалось захватить шоссейную дорогу, которая связывала 168-ю дивизию с тылом. Дивизия осталась без продуктов питания, без боеприпасов, т.к. дивизионный обменный пункт, где находились все запасы, остался за линией окружения – в Питкяранте.

На отдельном небольшом листке, находящемся в дневнике, рукой Ф. Парилова записано: «Начало января 1940 г. (8 – 10 числа) в окружении. Первый выход из окружения 15–16 января 1940 г. Второй выход из окружения с 28.II по 6.III 1940 г.».

Очевидно, эта запись сделана позднее, возможно, после окончания войны. В самом же дневнике за 8 января содержится следующая информация: «Самолёт белофиннов с большой высоты сбросил листовки, в которых пишут, что 18 и 168 дивизии окружены, предлагают сдаться, видимо, забыли, что Красная Армия не сдаётся и не может быть окружена. Их листовки только смех вызывают». Истинная картина же была такова, что 18 дивизия к этому времени практически перестала существовать, из 18 тысяч личного состава этой дивизии спаслись немногим более одной тысячи.

В условиях окружения происходили оборонительные бои. Как вспоминал З.В. Панев: «Многое ещё не хватало. Не было совсем автоматов, не оказалось в полку и пулемётов, миномётов, крайне мало было снарядов, ручных гранат, патронов, нет и лыж».

Из первых уст мы узнаём и об участии автора в боевых действиях. Это была очень тяжёлая и мучительная работа, иногда длящаяся в течение нескольких суток. Это и бесконечная канонада пушек («первой заговорила пушка второй батареи»), и длинные переходы через болота, леса и дальние местности («спустились по крутыму спуску мы в течение целых суток, всё время помогая лошадям, преодолели болото и лес и снова вышли на дорогу»), и несение ночных дежурства (1 февраля «ночью нёс службу патруля, ведя наблюдение за воздухом ракетами белофиннов»), и бесконечные опасные рейды в тылы врага – разведывательные походы (22 января «ходил в разведку...»). Описание боевых действий очевидцем и прямым участником войны усиливает значение данного источника.

Дневник заканчивается как-то неожиданно. 5 июня 1940 г. сделана последняя запись. Последние фразы – «Деревья уже распустились, сегодня рыбу ловить не поехали, думаю сходить к тов. Распопову».

Очевидно, летом 1940 г. произошло возвращение Филиппа Павловича домой, где его так ждали родные.

Бесхитростные строки дневника Филиппа Павловича Парилова позволили нам лучше понять поведение одного из участников советско-финской войны, определить мотивы его поступков и действий, проследить влияние эпохи на человека, раскрыть на его примере «человеческое измерение» войны.

Фронтовой дневник Филиппа Павловича Парилова

Дневник прошу передать жене по адресу: Коми АССР, Сыктывкар, М. Горького, 7, кв. 22. Париловой Елизавете Фёдоровне.

Памятные дни, проведённые в местечке Энты (озеро) во время охоты, когда имели возможность мы, 4 брата: Филя, Ваня, Сережа и Павлик, провести время вместе, вспоминая прежние дни молодости, когда были вместе со всей семьёй, т.е. пятеро братьев и сестра, это было до того момента, когда второй старший брат был призван в ряды Красной Армии в 1928 г., служил в 31 стрелковом полку, первый год курсантом полковой школы, а второй – помощником Командира пулемётного взвода, за мной пошёл в Красную Армию брат Ваня, потом Серёжа и дальше Павлик – и мы до 1935 года больше вместе не встречались, и только вот до того момента мы имели ещё один такой случай, когда Ваня и Павлик приезжали в Сыктывкар из армии на первенство Автономной Области Коми, когда они были в одном полку. Ваня старшим лейтенантом, а Павлик красноармейцем, трое суток мы находились в лесу, как говорят, хорошо отдохнули. Побродили по лесу и озёрам, Ваня приезжал в отпуск.

В ночь на 14 сентября с.г. Ваню проводили, с этим же пароходом уехали в армию Миша Бессонов, Завьялов и много охотников, я ещё им хвастал, что теперь всех их зайцев перестреляю, так как с 20 сентября открывалась охота на зайцев.

Прихожу домой в первом часу, жена Лиза подаёт повестку о явке на сборный пункт 15 сентября к 12 часам, как видите, я тоже вслед за товарищами должен ехать в Красную Армию, только одно не было ясно – на сбор или по случаю мобилизации. 15 сентября в 7 часов вечера выехал с товарищами, короткие сборы, проводы, и я еду снова в Красную Армию после 9 лет перерыва, демобилизовался я в 1930 году 25 сентября. Так начался мой путь в Красную Армию, но, не зная куда, в какую часть и город, путь до Котласа занял двое суток и, надо сказать, для меня трудный, так как любители выпить с собой подзапасли спирту, водки, в г. Сыктывкаре в то время не было, ну, и ясно – не обошлось без споров и драки, и мне как коммунисту пришлось много поработать, помогая начальнику команды тов. Савельеву и политруку Данилову. В Котласе пробыли день и выехали на Киров, в Киров прибыли утром, а ночью выехали, нас отправили дальше в направлении на Вологду, в Вологде стояли несколько часов, а то и дольше, и тут только я узнал, что везут нас в г. Череповец, приехали в ночь на 22 сентября, вместо 20 сентября, здесь уже идёт формирование новой части, части артиллерийской. В нашей команде были все из г. Сыктывкара, так что много товарищей по работе и ранней службе в РККА.

Геннадий Распопов, Степан Сорвачев, Попов Михаил и другие, мы, одиннадцать человек, попали в 3 батарею, вместе со мной Калинин, Пешкин, Панюков, Панов, Николаев, Политов, Никонов, Панев, Терентьев, Микушев, Токарев, Сидоров. В последствии Токарева перевели писарем комиссара части, Панева, Терентьева, Сидорова – в штатную батарею. 25 сентября полк погрузился в эшелон и выехал, и только проезжая ст. Волховстрой, поняли, что едем на финляндскую

границу. На ст. Лодейное поле полк выгрузился и сразу маршем двинулся через реку Свирь по пыльному посту на деревню Паповки, где после суток стоянки двинулись по направлению г. Олонца и 30 сентября прибыли в пограничную деревню на берегу Ладожского озера Видлицы в 16 км. от границы.

Расположились в лесу, выстроили землянки, а пока строили, ночевали в школе, весь день находились на открытом воздухе, погода нам способствовала – стояла сухая и не особенно холодная. Здесь мы за учёбой провели большую подготовку и 5 ноября вышли дальше к самой границе, остановились около деревни Ковайно, оборудовали огневую позицию и здесь отметили всего в 500 метрах от границы 22 годовщину Великой Октябрьской Революции.

Наше прибытие на границу вызвано тем, что правящие круги Финляндии, несмотря на все мирные предложения Советского Союза, отказывались и готовились к провокации, тем самым вызывать СССР на войну с Финляндией.

Ещё находясь в Видлицах, я говорил товарищам, что на лыжах нам, видимо, придётся походить. И вот 28 ноября на Карельском перешейке артиллерийским огнём была обстреляна наша зенитная батарея, и на другой день в нашем участке новые провокации, после этого наше правительство пришло к выводу, что надо разговаривать иными словами – словами моши РККА и ворошиловскими залпами.

30 ноября. Исторический день для всего советского народа, а для меня новая веха в жизни, сбылась мечта быть участником военных действий в защите интересов страны Советов с оружием в руках, участвовать в защите северо-западной границы, города Ленина – колыбели революции, и в помощи финскому народу. Уже выпал снег, но иногда бывали оттепели, наши гаубицы стоят на опушке леса и в расстоянии 150–200 м. их не видно, всё замаскировано, прямо против орудий стоит последняя деревня Карельской АССР – Ковайно, в которой мы прожили с 6 ноября по 30 ноября, из деревни на ладошке видны хутора и деревня Массила, уже финская. На наших глазах финны выстроили большую наблюдательную вышку, в деревне населения нет, оно уже давно эвакуировано в глубь страны. Деревня пуста, как говорят наблюдатели.

В этой же деревне мы отмечали 22 годовщину Октябрьской революции, да, я отвлёкся от дня начала военных действий. Ночь выдалась хорошая, как стемнело, всё население было вывезено, в 1 час ночи нас подняли, и до 8 часов утра шла подготовка к открытию огня. Утром сообщили, что глава правительства, председатель СНК СССР тов. Молотов вечером выступил с речью по радио ко всем трудящимся, и, что дан приказ перейти финскую границу и наступать. И вот в 8 часов утра первой заговорила пушка II батареи и за ней и наши гаубицы, и кругом пошла артиллерийская стрельба, ещё не верилось, и как-то на сердце было неприятно, неужели всё же придётся воевать – каждый себе задавал вопрос.

После часовой стрельбы, где мы выпустили сорок снарядов, батарея снялась с огневой, и мы двинулись для перехода границы, пехота ушла вперёд, нам на долю выпало первыми перейти государственную границу.

Переход был выбран без дороги, и пока мы выбирались на шоссе, ушёл почти весь день.

Попав в первую деревню, нам сразу бросилось в глаза: на границе жили, видимо, зажиточные слои, дома хорошие, всё обшито тёсом, и что характерно – все

выкращены в тёмно-красный цвет, в домах всё имущество оставлено, цветы уже замёрзли.

Продвинулись несколько километров, пехота натолкнулась на мины, заложенные на дороге, провезли первых раненых.

В целях продвижения найден обход через пашни и болота, спустились по крутыму спуску мы в течение целых суток, всё время помогая лошадям, преодолели болото, лес и снова вышли на дорогу у деревни Каркку, и где думали занять огневую, но белофинны отступили, и мы прошли до деревни Майнила, это несколько километров до первого городишко Сальми. Проезжая через деревню Каркку, мы впервые попали под обстрел орудий и были свидетелями начала их зверства, сжигания населённых пунктов при отступлении.

Деревня Майнила стоит на берегу реки на опушке леса, была выбрана огневая, на ночлег остановились в первом доме и овине.

На этой огневой мыостояли двое суток, пока не выбыли из г. Сальми, который они весь сожгли, под покровом ночи мы перебрались по вновь выстроенному мосту и наутро прибыли в г. Сальми, центр города весь выжжен, остались одни трубы, здесь же встретились с III дивизионом, который был правее нас, здесь же мыостояли сутки, пока снова устроили понтонный мост и ночью через реку двинулись дальше. Дорога одна, обоз пехотных частей и наш полк – всё это перемешалось и не давало нам быстро передвинуться на новую огневую позицию. Вдоль дороги все хутора сожжены, негде погреться, так мы продвинулись до реки Уксу, несколько раз приходилось обходить взорванные мосты при подходе к Уксу, выпал дождь, все сырье, мы остановились на огневой, сутки прошли на сушку одежды, и здесь мы стояли двое суток. Мост через быструю каменистую речку взорван, снова по понтонам.

И так мы дошли до огневой под кителем, где местность изменилась, пошли высокие каменистые сопки, на которые не сразу сможешь влезть. На огневую под кителем мы прибыли вновь на 12 декабря.

(Далее 4 пустые страницы).

30 декабря. Ночь прошла спокойно, впереди новое зарево, гады жгут мирное население хутора и деревни, слева от нас глухие раскаты выстрелов.

Ночью при проверке несения службы караула батареи комиссаром части Ласкутов пулемётчикам оставил пулемёт, а сам находился у костра, дело передали в общественный суд.

Вечером после ужина, примерно часов 8–9 вечера, белофинны обстреляли из орудий, ввиду того, что ветер был с их стороны, между выстрелом и разрывом был очень маленький промежуток, у нас стало сомнение, неужели враг так близко, снаряды разорвались сзади батареи, около 7–9 батарей, потерпеть нет, было всего три выстрела, после действий узнали – стреляли с озера с катера.

31 декабря. Ночь прошла спокойно, на правом фланге перестрелка и орудийные выстрелы. День занят подготовкой к новым боям, пополнили пулемётные ленты.

Часов 12 дня появился белофинский самолёт, трёхмоторный бомбардировщик, пролетел справа от нас в тыл, зенитки обстреляли, но было далеко, примерно через $\frac{1}{2}$ часа он возвратился назад, снова открылась пулемётная стрельба, расстояние было всего 1200–1500 м., но самолёт не сбили, нам вчера не разрешили ставить на зенитную установку, поэтому мы не стреляли, но что, конечно, обидно.

В дальнейшем день прошёл спокойно, батарея била по нескольким целям, видимо, пристреливала на расстоянии до 8 км.

С 9 часов до 12 заступаю на дежурство, моё счастье, что последние часы исторического 1939 года буду находиться на ответственном посту по охране батареи, тем самым обеспечивая безопасность города Ленина и северо-западной границы и помочи финскому народу.

Мои пожелания новому году:

1. Быстро разделаться с гадами белофиннами и снова взяться за мирную жизнь по построению коммунизма.

2. Год был новым торжеством Ленинско-Сталинской национальной политики в отношении малых независимых стран национальных республик СССР.

3. Быть участником всесоюзного парада физкультурников.

Сегодня дал рекомендации для вступления кандидатов в члены ВКП(б) товарищам Шуленкову, Дроченко и Кузьмину – наводчикам второй батареи и разведчику Архачеву.

Достойным сынам нашей родины, проявившим отвагу в боях с белофиннами. 1 января 1940 года.

С новым годом, товарищи!

Полк новый год встретил ураганным огнём по противнику. Ровно в 12 часов ночи по выстрелу первой батареи открылся залп всего полка, финны получили хороший новогодний подарок в виде ворошиловских килограммов, так около 500 шт. снарядов.

Товарищи поздравили друг друга с новым годом и пожелали успеха.

День выдался на чудо удачным, ясно светило солнышко, ветру нет, лучший день для сталинских соколов.

С восходом солнца потянулись бомбардировщики /2*3*4 моторных/ в составе 7–9 машин, так беспрерывно до заката солнца шли самолёты, громя белофинские укрепления, встретили лётчики новый год с большими успехами. Вечером в 8 часов противник дал, видимо, с бронепоезда два выстрела, один не разорвался. Вследствие взрыва мостов в тылу остались без продуктов.

2 января. Ночь прошла спокойно, погода испортилась, южный ветер, к вечеру снегопад.

3 января. Ночь прошла, ужасный, буранный ветер, снегопад кругом, всё замело, ни зги не видно, сидишь или стоишь на посту.

Вечером узнал, что ранило командира штабной батареи и убило ветинструктора, ездили искать сена.

День ветреный, без снегопада, изредка артперестрелка, написал письмо папе и сестре Шуре, почта застяла на три дня.

3 января. Сильный ветер со снегопадом весь день, к ночи ухудшилось. Ничего особенного за день не было. Летал один финский самолёт, обстрелять не удалось, до нас не долетел.

4 января. Днём большая радость – получил посылку из Ленинграда. Послал брат Вася, как раз не было табаку, покурил хороших папирос и товарищей угостили, все очень довольны подарком.

Дал рекомендацию для вступления кандидатов в члены ВКП(б) Пушкину И. Н. и Панюкову Ив. Мих.

Вечером был на партсобрании, слушал доклад полковника о предстоящих задачах, вернее, о готовности полка к наступлению, получил информацию об обстановке.

В приказе тов. Сталин и Ворошилов требуют крепко подготовиться для решительного удара. Заступаю на пост по охране батареи у пулемёта.

5 января. День выдался ясный. Авиация снова имела возможность производить полёты. Был интересный бой, когда «герой лётчик» финн вылетел и пытался бомбить наши огневые позиции. Но жестоко просчитался, был встречен нашими двумя истребителями, которые буквально в несколько минут его расклевали, и он упал, объятый пламенем на нашей территории.

Приходили в гости товарищи Сорвачев Стёпа и Попов Паня из боепитания III-го дивизиона, побеседовали.

6 января. Ночь прошла спокойно за исключением нескольких выстрелов белофиннов из орудий, сегодня баня, думаю сходить к месту падения самолёта. Сходить не удалось, упал где-то далеко. Помылся в бане на отлично, баня жажда, воды много, прямо прелесть одна, да, пришёл в землянку, напился чаю с конфетами – подарок жён командиров Петрозаводска, большое красноармейское спасибо, не забывают нас находящиеся в тылу в СССР, что воодушевляет на новые подвиги. Авиация сегодня снова здорово поработала, наша батарея была по окружённому финскому полку.

7 января. Наша артиллерия снова била по скоплениям белофиннов, и им здорово досталось, их наступления отбиты, но * * уносят с собой и убитых. Ночью снова несколько неуверенных артвыстрелов.

8 января. Самолёт белофиннов с большой высоты сбросил листовки, в которых пишут, что 18 и 168 дивизии окружены, предлагают сдаться, видимо, забыли, что Красная Армия не сдаётся и не может быть окружена. Их листовки только смех вызывают у наших бойцов. Была тревога, или белофинны пустили газы, пока не знаю, находились более $\frac{1}{2}$ часа в противогазах, дышать легко и не страшно для Красной Армии.

9 января. Произошла интересная встреча бойцов и командиров нашей батареи с представителем (солдатом) народной армии Демократической Финляндии, эта встреча укрепила дружбу советского народа с финнами и подкрепила своими выступлениями о ближайшей победе над белофиннами. В это время белофинны обстреляли наши батареи, но их выстрелы не причинили никакого ущерба. Дал рекомендации товарищам Баженову и Бекрешеву, из боепитания дивизиона, они же сообщили, что их обстреляли из миномёта, убили трёх лошадей, семь ранили, и контузило замполитрука. Вечером было партсобрание по приёму в члены, интересно, принятые два боевых повара и начальник санслужбы, врач в роте, 1898 года рождения. Ночью шла сильная перестрелка на участке 18 дивизии.

10 января. Получил письмо от Лизы, живут неважно, жалуется на невнимательное отношение. Написал жалобу Председателю Совнаркома Коми АССР Турышеву и письмо Лизе.

11 января. Белофинны забрались в тылу на сопки и обстреливают транспортный обоз, нет проезда за хлебом. Днём и ночью сильная перестрелка, говорят, пошли два батальона в обход. Назавтра варили пшеницу, не было хлеба.

12 января. Всё идёт перестрелка, проезда нет за хлебом снова на завтрак.

Идёт сильная перестрелка, как сказал комиссар полка, что, видимо, без артиллерии опять не выйдет, так сегодня стреляли некоторые батареи. Уже темнело, но всё шла стрельба, говорят, что много уже белофиннов побили. Ожидали продукты, сброшенные с самолёта, но самолёты не прилетели. Погода 0 тепла, тает.

13 января. Небольшой мороз. Прилетели самолёты, сбросили продукты, сухари, консервы.

14 января. Снова самолёты сбросили продукты. Дорога на Питкяранту всё ещё отрезана, финны заняли сопки вокруг дороги, не дают проезда.

15 января. Два орудия II батареи вернулись с ж.д., так как обстрел белофиннами их не давал возможности оставаться при подвозе снарядов на повозке к этим орудиям, финны убили командира товарища Макаренко и красноармейца, везли повозку с 50 снарядами. На одной из сопок оказалось их орудие, которое они бросили, вправо от нас подошёл батальон пехоты и к вечеру прошли раненые все в левую руку и голову.

16 января ночью в два часа политрук вызвал трёх лыжников: меня, Черткова и Битникова в распоряжение комиссара части, до этого с вечера пытались озером пробраться в Питкяранту... за продуктами, но обстрел дороги заставил вернуться. Комиссар части нам с политруком 6 батальона дал боевое задание: пробраться с донесением к комиссару корпуса, одновременно разведать дорогу для обоза, в 3 часа вышли, через 1 час 20 минут пришлось стать на лыжи, так как дорогу обстреливали, правой лошиной вышли к озеру и направились через острова на юго-восток прямо на Питкяранта, идти тяжело, лёд тористый, мешает. Когда подходили к Питкяранту, задержал нас караул и даже выстрелы дал, и в 8 час 30 минут прибыли в Питкяранту на территорию консервного завода, в 9 часов политрук сдал донесение комиссару корпуса. Остановились в госпитале, хорошо накормили супом, и обогрелись.

Питкин и Чертков обморозили на руках пальцы, в 2 часа дня пришёл обоз полка за продуктами и фуражём. Комиссар корпуса обязал увезти обоз во что бы то ни стало.

В 7 часов вышли с обозом из Питкяранта, в это время обстреливали финны город, и в 11 часов вечера прибыли с обозом, на огневые позиции привезли хлеба, продуктов и фуражки.

Политрук дал нашей работе отличную оценку, чего, конечно, мы и добивались, идя выполнять боевое задание.

Связь с тылом налажена, этой дорогой прошли раненые и обозы за продуктами.

17 января. В 7 часов утра уехал старшина за фуражём и продуктами. Днём самолёты активно работали по сбрасыванию продуктов (консервы каши гречневой, супа горохового), всё ещё финнов не разбили, вот и в момент записи 4 орудия бьют в тыл по укрепившимся финнам.

Политрук сказал, что правительство наградило участников боя с белофиннами 12 тысяч. Кто, пока не знаем, почта ещё не пришла.

Стоим на этой огневой уже 30 дней.

18 января. Для нас день знаменательный в отношении сталинской заботы о бойце Красной Армии, находясь всё ещё отрезанными в тылу по дороге финнами, продукты доставляются кругом по озеру, и то в ночное время, одновременно нар-

кому обороны разрешено выдавать по 100 грамм водки каждому бойцу и командиру, учитывая зимнюю обстановку и морозы, а последние дни стояли до 30°, сегодня уже спал мороз градусов до 15.

Так сегодня перед ужином выпил 50 грамм водки, которую не брал уже в рот больше четырёх месяцев.

Самолёт типа на каких летали на северный полюс, сбросил на парашюте медикаменты, сахар, консервы – молоко сгущённое, масло, кашу гречневую с жиром в таблетках.

Сообщили интересную новость: вытеснены с одной сопки белофинны, нами забрано два ящика вина и ящик масла, как наши говорят, благодаря тому, что у них есть вино, они ещё не перемёрзли. Стрельба стала редкая, видимо, осталось их немного, и боеприпасов не стало, надо полагать, на днях дорога будет очищена, и связь установится, газет уже не видели 10 дней.

19 января. Состоялось партийное собрание, на котором впервые приняли участие вновь принятые члены и кандидаты ВКП(б).

Собрание обсудило готовность батареи ко II периоду боёв с белофиннами и признало, что батарея, её состав, крепкий, здоровый, сколочен вокруг парторганизации. Слушали отчёты замполитрука Акишкова и наводчика III орудия.

Критика работы замполитрука как кандидата ВКП(б) была очень здоровой и почтительной для молодых коммунистов.

20 января дал рекомендацию товарищам Рочечину Ан. Ив., Ергину, II батарея, и Месячину. Весь день в воздухе дежурили самолёты. Дороги снова обе закрыты, доставка снаряжения и продуктов остановилась.

21 января шестнадцать лет, как не стало великого вождя, основателя и организатора Красной Армии и Красного Флота, и как предсказывал Владимир Ильич, что Красная Армия – интернациональная армия, на которую впоследствии ляжет историческая задача освободить рабочий класс и крестьян запада и всего мира от ига капитализма.

Мы являемся свидетелями этой исторической задачи и даже больше – её участниками в освобождении финского народа от ига капиталистов и помещиков.

Велика и почётна честь быть в рядах партии, которую 25 лет воспитывал Ленин, и теперь 16 лет ведёт великий Сталин, и с оружием в руках защищать колыбель революции, город Ленина, и помогать финскому народу.

Всё ещё находимся оторванными от тыла, кормить лошадей нечем, сами питаемся по сокращённой норме. Хлеба по 300 гр. в день, и два раза в день готовится пища.

22 января ходили в разведку в поисках сена, ничего не вышло, всё уже в окружении нас скормлено, сегодня ел самими сваренный суп из конского мяса (лошади убитой).

23 января. Утром в 7 часов * пустил 4 снаряда по батарее, разорвались: один – около исторического сарая, где проводятся партсобрания по приёму в партию и живут бойцы управления батареей, и другой – у моей землянки в четырёх метрах; часовой Бельков отдался ударом сучка по голове, а Пахтусов – комками земли, зенитки стреляют, видимо, с 152 миллиметровых орудий, воронка больше метра глубиной в мёрзлой земле.

24 января ночью прибыл полковой транспорт, вырвался из-под обстрела белофиннов. Политрук сообщил, что в тыл пробрался 36 полк и егерский батальон белофиннов.

Войска НКВД – пограничники крепко уничтожают белофиннов, одна рота уничтожила батальон.

Прибыла почта, но писем нет, получил телеграмму от папы, пишет: «Приветствую героизм Новым годом», не мог понять, когда отправлена. Поговаривают о том, что с ликвидацией в тылу белофиннов и наступлением нас отведут на отдых, пока слухи, дело видно будет, впереди конский состав, совсем похудел, по-моему, не в состоянии вести наши орудия, надо его усиленно кормить недели две, тогда он будет снова в теле, способный вести орудия, да и бойцы тоже должны быть подкормленными, ведь с 1 января уже не получали полной нормы хлеба и продуктов.

25 января погода изменилась к теплу, ясный тёплый день. Авиация работает в тылу, перестрелка редкая.

Написал письма домой. Кормят уже несколько дней по два раза в день. Лошади до сегодняшнего дня получили по $\frac{1}{2}$ котелка в день овса, сена нет 10–12 дней.

26 января. Ночью наш обоз обстреляли на озере, потеряли двух бойцов из полкового транспорта и наши три лошади.

Оставили на озере хлеб и продукты, так как лошади оказались убитыми и ранеными. Вечером получил приказ перевести один пулемёт на КП, к 10 часам вечера было выполнено, расчёт Черткова на КП.

В 1 час ночи получил приказ выйти с группой лыжников для выполнения боевого приказа, в 5 часов прибыли в штаб полка, но нас вернули до особого распоряжения.

27 января снова день без перемен в сторону улучшения.

Варили обед себе из конины, уже питаемся ею шесть дней. Получили по почте галет на два дня. Сегодня обедал без хлеба, в тылу всё идёт перестрелка, под вечер передавим противника, пустил 4 снаряда, разорвались, в районе 4 батареи.

Вечером выдали сухари. Накормили квашеной капустой.

28 января ночью шёл сильный бой в тылу, стреляли тяжёлые орудия на передовой, финны снова пошли в наступление, шёл сплошной гул.

С вечера вышел обоз по другой дороге, мимо прошли подводы с фуражём, день ясный, авиация снова работает. Сышен гул пулемётов, миномётов и орудий, как в тылу, так и на передовой. Вечером после смены снова приказали приготовиться лыжникам.

29 января в 4 час утра поднялись и прибыли для охраны сопки около стоянки санбатальона, ночью место стоянки обстреляли из миномётов, после того, как отбили атаку финнов, одного убили, при обыске нашли нашу старую винтовку лойпшевника, подходим человек 20, правда, не только из винтовок обстреляли. Днём разведка в составе 10 человек I батальона под командованием Маслобойщика была обстреляна финнами, в результате неумелого ведения убит один красноармеец и двое ранены.

Разведка санбатальона установила, что в этом районе находится рота белофиннов, днём рыли землянку, и находясь ночью в землянке без печки, у всех

изъело глаза, и не стали видеть. Вечером освободили с этой сопки, и я снова с пулемётом вышел на охрану другой сопки.

30 января. Днём обстреляли финны около дома в районе бани наших бойцов, убили одного и двух ранили.

31 января днём тоже обстреляли и выяснили, что находятся трое белофиннов, находясь у озера и держа под обстрелом дом.

1 февраля ночью нёс службу патруля, ведя наблюдение за воздухом, за ракетами белофиннов, в тылу перестрелка стала слабее, только артиллерия из тыла ведёт обстрел островом, ночью обоз стал пробираться из Питкяранта, до сегодняшнего дня не получали четыре дня хлеба, только по 100 грамм сухарей.

2 февраля день прошёл спокойно, кукушка около бани всё стреляет.

Проходило партсобрание, принято 36 человек. Уходил с разведчиком Ивановым для наблюдения, стреляла полковая пушка, разведчика при наблюдении обстрелял.

3 февраля. Ясный морозный день. Усиленно действовала в тылу и на передовой, насчитали более 100 самолётов, бомбардировщики летали.

4 февраля. Снова ясный морозный день, авиация работала усиленно, к 10 часам уже насчитали 82 самолёта, обоз из Питкяранта не вернулся, обстреливают белофинны.

Днём вымылись в бане, подстриглись и побрились. Хлеба получили на 100 человек буханку и 50 гр. сухарей, что делается на фронте – не известно, нет никакой информации.

Ильин получил вчера две посылки, так что чай пьём с белыми сухарями и конфетами. Я уже давно не получал писем, вечером с расчётом вышел на охрану сопки.

5 февраля. Мороз 30° – 35° , авиация снова работает хорошо, ходят слухи, что обоз на озере, снова обстреляли, и не пришёл, хочу просить разрешения провести другую дорогу по озеру.

Дневник пишу у пулемёта при дежурстве, в тылу идёт сильная бомбёжка и стрельба. Ночью и днём батарею обстреляли из 152 миллиметрового орудия, несколько снарядов разорвалось вблизи землянки.

19 февраля. Перерыв большой. Особых изменений нет, всё ещё находимся отрезанными от тыла. За это время на озере половину ходившего в Питкяранта обоза вывели из строя финны. Каждую ночь обстреляли, и есть раненые, 14 числа пропал кадровый Красноармеец Козлов, не прибыл в Питкяранта.

В ночь на 18 ходили добровольцами на помощь пехоте, не вернулись двое, Комзвод и ездовой Шолдинский, всё, потому что не умеем действовать, за это время два раза по два дня не было хлеба, получили на 3–4–10 человек буханку. Лошадей увили на откорм. Из тыла 15–16 февраля батарею обстреляли, уложили около 30 снарядов, но всё благополучно. Погода весь февраль стоит морозная.

Расчёт несёт службу по охране сопки на «отлично». Вчера наводчик выехал в Питкяранта за почтой, взяли меня возить почту. Остались 5 человек. В батарее двое неизвестно где и 5 человек ранены, из них двое увезены в СССР. Получили ответ на заявление в Обком Союза. Оказали помочь на диетпитание ребёнка и обещали подвести дрова. Папа пишет, что живёт хорошо, цех работает по-стахановски, был у Лизы, пишет – живут неплохо, привёз подарков. Посылку не при-

няли, посыпает через Ваню, получил письмо от Вани, значит, жив, где-то успешно воюет, жалко, адреса не послал пока.

Что случилось с Ваней, нет письма с 4 января.

Вчера ночь и день сегодня прошли спокойно. Авиация действует ежедневно. На Карельском перешейке в наступление пошли 11 числа, за семь дней взято 475 укреплений, из них 92 железобетонных артиллерийских, 18-го авиація сбила 21 самолёт.

20 февраля. Сводка за 19 февраля: на Карельском перешейке белофинны отступили, наши части очищали Боярский укрепрайон, заняли острова Риоксори, Ривансаари, ж.д. ст. Ляхтенляки, Уйнайляки, авиація бомбила военные объекты, в воздушных боях сбито 14 самолётов.

На нашем фронте без перемен, обоз из Питкяранта не пришёл. Хлеба не получили, сообщают, что очищены острова от Питкяранта и будут прокладывать новую дорогу, которую я предлагал проделать. Дал рекомендации товарищам Логинову, Сизову, Князеву.

21 февраля. Радио-новости.

На Карельском перешейке наши части вели наступление, противник отступал, неся большие потери в людском составе и военном снаряжении. Взята крепость – остров и город Кайвайсано – площадь, равная Выборгу, взяты большие трофеи.

В воздушных боях сбито 47 самолётов. Прорыв укрепления Кирка Маннергейма иностранной печатью оценивается как показ всему миру о силе Красной Армии, несмотря на суровые условия зимы, в Финляндии какой не бывало 100 лет. Американская печать говорит о силе Советской артиллерии, она много лучше английской. Обоз из Питкяранта не пришёл, на озере слышен бой с участием артиллерии.

На сопке спокойно, службу бойцы несут на «отлично». Сегодня закончили строительство бани – будем мыться.

22 февраля обоз снова не пришёл, на озере шёл всю ночь и день сильный бой. Авиация работала по подвозу продуктов. Вымылись в бане, сменили чистое бельё.

23 февраля. 22 годовщина рабоче-крестьянской Красной Армии, на озере и по шоссе с тыла, видимо, наступали, шёл сильный бой, обоз снова не пришёл, продуктов нет. Зарезали лошадь и на обед варили конину с гороховым пюре, обед вышел вкусный и сытный, только вот третий день опять нет хлеба. На участке 18 дивизии финны пытались наступать, но наша артиллерия заставила замолчать и отступить.

В выпущенном номере стенгазеты отмеченные мной боевые действия, и я вместе с комбатом и политруком представлен к правительственные награде, и ряд других товарищей. Неужели мой поход на лыжах в Питкяранта являлся отважным геройским походом, что-то не верится. Всё ещё находимся в окружении, 18 дивизию, говорят, окончательно лишили действий, штаб окружён, а финны нами окружены, привезённые ими машины все выведены из строя, а также много... снаряжения, к батарее поставили два 152 миллиметровых орудия вечером. Зачитали обращение Военного Совета, который требует от нас удержать занятые позиции. 168 дивизия с тыла идёт на помощь. Вчера дал рекомендации Тереньтеву, Перевалову. Из-за недостаточного питания чувствуется большая слабость.

24 февраля ночью от озера и по шоссе идёт бой, бьют артиллерия и миномёты,

и наша батарея довернула орудия на 5–20 и помогает идущей к нам помощи. Обоз снова не пришёл за ночь.

25 февраля погода изменилась, пошёл снег, ветер мешает военным действиям. На Карельском перешейке взят остров Кайвиста и два других, против ... орудия дальнобойные береговые орудия, у неё в тылу бой меньше, говорят, что минировали дорогу и лес, что мешает наступлению. Обоз из Питкяранта не пришёл, уже шестой день не получили хлеба, политко-моральное состояние в отделении хорошее, только чувствуется слабость. Зарезали трёх лошадей и варили дополнительно мясо. Завтрак и обед жидкий, днём финский самолёт пытался бомбить Питкяранта, но был обстрелян зенитной артиллерией, и удрал обратно, но ночью за штабом бросили две бомбы, ночью был холодный ветер, северный, ясно.

26 февраля. День ясный, морозный, ветер северный, боя в тылу не слышно, только самолёты летают. Завтрак суют из консервов севрюги с гречневой крупой, обед из лапшевника. Обоз не пришёл, 7 дней не ели хлеба, настроение пока хорошее, службу охраны сопки несут бойцы хорошо.

27 февраля. Погода изменилась, и что интересно, как только ветер со стороны Ладожского озера, так тепло, и сегодня ветер тёплый, сильный, с озера, самолёты целый день сбрасывали продукты, обоз снова не пришёл, всё ещё, видимо, на озере обстреливают, а наступление наших войск с Питкяранта затихло, видимо, что предпринимают.

Завтрак – суп из мясных консервов с пшеницей, жидкий. Обед – суп гороховый из концентратов, тоже одна водичка, да без хлеба, как говорят, только желудок прополоскал, правда, ночью варили конину, ну и в суп добавили мясца, так ничего получилось.

Приказали приготовиться идти в разведку до Питкяранта, а поэтому целый вечер ожидал распоряжения, около 12 часов ночи по сопке 85 началась перестрелка, поэтому ушёл на сопку, но наша артиллерия и пулемёты заставили отступить и, оставив убитых, забрали несколько автоматов, в дальнейшем было спокойно, так в разведку и не пришлось сходить.

28 февраля. Ветер с озера, моросит, снег тает. Обоз не пришёл. На завтрак варили конину с гороховым концентратом, только в этот раз мало мяса, индивидуально варить запрещают, в землянке сделали уборку, сидим с открытыми дверями и рассуждаем, когда же будет очищен тыл, и мы будем нормально снабжаться. Все говорят: хотя бы по 200 гр. хлеба, и то было хорошо, а раньше были недовольны, когда давали по 1 килограмму.

Надеемся получить что-нибудь из сброшенных продуктов. Товарищам на сопке досталось $\frac{1}{2}$ мешка сахара, так что, по 5–6 кусочков на человека. В общем, мы сегодня без хлеба восьмой день. Лошадей осталось только две, зарезали уже 5. В 16 часов потребовали собраться и прибыть в штаб полка для похода на лыжах в Питкяранта, за обозом. В 18 часов вышли в составе восьми человек, из них два человека из батареи, два человека из батпитания 3-го дивизиона, два человека, я и Гужев, из 3-й батареи и штабной под командой лейтенанта Лысенко... окончательно всё выяснили и двинулись по озеру, мне всё время пришлось вести, прошли благополучно, финны не обстреливали, только наша артиллерия дала несколько выстрелов, один разорвался в 30 метрах.

Прибыли в Питкяранту в Комендатуру в 1 час ночи, идти было по ветру,

правда, первому было тяжело, так как снег днём подтаял, а ночью стало замораживать, и образовалась корка.

Здесь в 5 батарее мы узнали, что из ушедшего обоза с передовой в Питкяранту прибыли только 3, из 35 подвод и из 70 человек прибыло 37 человек, не прибыли из нашей батареи Черепанов, Питюгин. Начальник продчасти Панов убит на озере. День отдохнули, были у товарищей, находящихся на откорме лошадей. Живут хорошо, питаются намного лучше. Вечером собрался обоз в 137 подвод. Прежде чем идти, пошёл в разведку, как обстоит дело на озере, до двух танков дошли вместе, а там двое с товарищем Хребтовым прошли до проволочного заграждения, до проволоки не доходя, встретили охранения с пулемёта.

Разведка с передовой не пришла, а поэтому обоз повернул обратно, не доходя завода, по телефону приказали всё же вести обоз, только стала подходить первая лошадь к проволоке, начали обстрел пулемёты и из миномётов, ну, остальные испугались и повернули обратно, одна лошадь ушла, ранило двоих, пришли в 5 батарею в 6 часов утра.

1 марта был в автобазе, видел Распопова, Политова, Канева и многих других товарищей, не виделись с 25 сентября. Распопов получил письмо, где указано, что Вася участвует в лыжном батальоне на Карельском перешейке. Ребята накормили хорошо, дали папирис, конфет. Вечером в 6 часов сказали, что не пойдём, ну и ушёл ночевать в деревню.

2 марта утром узнаём, что обоз ушёл, убили одну лошадь и ранили бойца. Нас трое разведчиков остались в Питкяранте.

3 марта были в Комендатуре, сказали, что обоз пущен не будет, был у товарищей в автобатальоне. Встретил тов. Безденежного, вместе работали в Борисовском зерносовхозе Омской области в 1933–1935 годах. Интересная встреча, никогда не думал, что так может получиться, что встретимся при выполнении священного долга гражданина, защищая с оружием в руках неприкосновенность наших границ. Вымылись в бане.

4 марта получил письмо из Коми Совнаркома на мою жалобу, ответили, что принятые меры в обеспечении семьи дровами и ремонта квартиры. Комендатура снова не пускает обоз, дорога заминирована. Наши части, артиллерия перебираются на острова, видимо, будет наступление.

5 марта началось наступление на острова, сообщают, что занят один остров и забрались на другой, артиллерия бьёт, стоит сплошной гул, обоз, конечно, на озеро не пускают. Питаюсь хорошо, начинаю подкреплять силы.

6 марта. Вчера выселили из деревни, прибыл в штаб корпуса, ночевали в старом цементном заводе. Холодно, дымно, спал в противогазе. Днём с вышки завода наблюдали за ходом боя на озере. Устроили новую печь, стало тепло, в 8 часов легли спать. До этого вместе с товарищами выпили по $1\frac{1}{2}$ стакана водки. В 10 часов вечера прибыл связной и сообщил, что обоз будут отправлять. Как жалко уходить из тёплого места ночью, но, вспомнив, в каком состоянии живут товарищи на передовой, быстро обоз вытягивается к 5 батарее, приедя туда, сообщили, что обоз пойдёт утром в 9 часов.

Спать укладываемся в бане, утром снова не вышел обоз, и только днём, побывав с комвзводом Прониным на озере, мы убедились, что острова очищены от белофиннов, достать саней ещё нельзя, бьют с берега. Острова нашей артиллерии

превратились во что-то ужасное, видна только сплошная чёрная земля. В 10 часов вечера обоз вышел из Питкяранта, по берегу, трактора угольником дорогу расчистили, ехать было легко, когда поднялись на берег, то здесь было сплошное мучение, крупистый снег не давал никакой опоры, ночью идти было тяжело.

Дорога идёт через хутор Мурсилово. Прибыли в полк в 6 часов утра, продукты сдали в дивизию. Снова обоз прошёл без обстрела, как и я в первый раз вёл также без обстрела.

7 марта. День прошёл в рассказах и отыхе, в бане помыться не пришлось.

8 марта получил письмо от папы с адресом Васи и Вани, сразу же написал письмо, побывал на сопке, ребята чувствуют себя счастливыми, но очищение островов влило новую струю в жизнь. На обед получили хлеба.

9 марта. День прошёл без особых изменений.

10 марта. Получил письмо от Ивана Андриановича Никитина, пред рабочкома Борисовского зернозавода, он в 37 дивизии политруком. Обо мне рассказал Безденежный, но, видимо, забыл сказать, что с ним, и Иван Андрианович, как жалко, что не удалось встретиться, написал ответ с надеждой встретиться и поговорить. Вымылся в бане.

11 марта. Стали подвозить снаряды, в общем, окружение кончилось, белофиннов будем бить со всех сторон.

12 марта. Сегодня для меня два исторических памятных дня. Сегодня стало 3 месяца, как мы стоим на этой огневой позиции, сегодня мне исполнилось 34 года. Отметить нечём, даже чай пил без сахара, посылки не получил, всё обещают. Прибыл новый комвзвода. Вчера встретил т. Панева, и он сообщил, что отправлен материал о представлении к награде. Дал рекомендации Холопову, Ведрову, Верховцеву и Ершову. Время 12 часов, ложусь спать, хотя хочется ещё почитать «Жизнь на льдине» Папанина.

13 марта. Ночь была боевая, артиллерия наша не давала покоя белофиннам. Встал в 6 часов, уже светло, день прибыл. Как и всегда, особо ничего не предвещал, вчера кормили уже три раза в день, на ужин была каша перловая. Позавтракав, получил хлеба, на троих буханку. Маловато, но что ж делать. После завтрака на утреннюю проверку, после проверки зашёл в землянку Пешкина покурить, угостил «звёздочкой». Тут же сообщили, чтобы собирались на политинформацию, как-то показалось странным, всё собирали агитаторов, а тут всю батарею, видимо, есть какая-то новость. Политрук сообщает, что с 7 по 12 марта в Москве шли переговоры с финляндским правительством, и в результате переговоров заключён договор о прекращении военных действий с 12 часов. 13 марта, т.е. сегодня. Такая неожиданность, что как-то и не верится, договор, конечно, в нашу пользу. К нам отходит Выборгский залив, Выборг, Кексгольм, Сортавалла, и так на север, с 10 часов 15 марта начинается отвод войск и продвижение на 1 километр по установленной границе. Выход, конечно, отвоевались! Ждём 12 часов, ровно в 12 часов стрельба на всём нашем направлении затихла, шла она до самых последних минут. Да, видимо, договор вступил в силу.

Был у товарища Шехонина, угостил гостинцами от месткома, куда бы ни пошёл, только и слышен разговор о прекращении войны, но всё как-то не верится, больно уже круто. Это ещё одна демонстрация борьбы СССР за мир, нам чужих территорий не надо, мы Ленинград и Кировскую дорогу обезопасили, нам больше

ничего не надо. Во время ужина встретил обоз из Питкяранта, достал буханку хлеба.

Тихо, ни выстрела, только на западе около 9 часов вечера зарево, видимо, что-то горит, днём в штабе дивизии были представители финской армии – офицеры.

На сопке 79 белофинны песни поют и пляшут, видимо, рады, ведь каждому жизнь дорога.

Интересно, как, наверно, рады дома, Лиза, папа, братья, ведь снова вернусь скоро домой. И Лиза как наворожила, приглашая приехать домой в апреле, может быть, и удастся быть дома до пароходов.

Да, вчера день большой, три события прибавилось: конец войны, день рождения и 3 месяца пребывания под Кителями.

Завтра будем читать договор из газет. Сижу в землянке один, бойцы ещё на сопке, только что ушёл Ильин. Сижу и думаю, как же так, война кончилась, что же ждёт меня впереди. Сегодня т. Панев подтвердил, что за последнюю разведку составлен материал о представлении к правительственной награде, не могу понять, это вторично что ли, ну пока сегодня на этом закончу, ложусь спать. Как буду спать, не знаю, в голове ходят много разных мыслей. Скорее бы домой, обнять любимую Колечку, Лизу.

14 марта. Прошли сутки, как прекратились военные действия, тихо, скучно стало, как-то непривычно, всё это говорит о том, что насколько мы привыкли к боевой обстановке и ежедневной стрельбе и обстрелам.

Получили «Боевой удар», где записан полный текст договора, да хороший кусочек отхватили, раньше не хотели принять наши предложения, потеряли все укрепления и большую территорию.

Вчера в штабе дивизии были финские офицеры, обозы финские стали уходить к новой границе.

День прошёл с большим трудом, показался очень длинным, уже почти подсчитали патроны, всё берётся на учёт.

Кончились боевые денёчки.

15 марта. Жизнь начинает принимать условия жизни в кадровых частях в мирное время, введён распорядок дня, идёт проверка всего вооружения и личного снаряжения обмундирования.

И дивизия начала продвижение вперёд, наше движение пока не известно.

16 марта. Части все двигаются к Сортавалла, погода стоит хорошая, а с сопки пока ещё пулемёт не снят.

17 марта. Утром получили распоряжение – пулемёт с сопки снять, сняли к обеду, чувствуя себя плохо: кашель, болит горло.

Состоялось партсобрание батареи.

Вечером был в ППМ, дали освобождение на два дня, признали ангину, запретили выходить из землянки.

18 марта. Чувствую плохо, стала болеть спина, поясница.

Орудия установили в парк, готовим к сдаче, пулемёт вычистили.

Никуда не выходил из землянки.

19 марта. Осмотрел пулемёт, плохо вычистили ржавчину.

Зачитали приказ штаба ЛВО об окончании войны. Всему составу объявлена благодарность.

20 марта. Чувствую себя очень плохо, спина болит невыносимо. Не знаю, что будет дальше, трудно сказать, обидно к концу заболеть.

Части все продвигаются вперёд к Сортавалла.

21 марта. Погода стоит холодная, правда, днём на солнце тает снег, горло и спина всё болят, освобождён от работ и нарядов.

Новостей нет. В полк прибыло пополнение.

Всё идёт учёт и проверка всего имущества.

22 марта. Получил письмо от брата, пишет и поздравляет с окончанием войны и победой. Сообщил печальную весть – во время последних боёв убит Геля Марков.

Не стало друга молодости Васи, да и для всех нас, ведь был любимец нашей семьи и молодёжи, лучший физкультурник – велосипедист, легкоатлет, а особенно, память о нём как герое финских боёв не будет забыта.

Горло всё болит, сильная боль в пояснице, ночью не могу спать, а особенно, поворачиваться, врачи пока ничем не лечат. Предлагают сидеть в землянке и греться.

23 февраля. Билькова ДПМ направил в Сальму, в госпиталь, на операцию аппендицита, ещё один боец выбыл из отделения.

На днях выходим в марш.

24 февраля. Дни стали длиннее, днём солнце сильно греет.

Парторг сообщил, что 27 в 10 часов вечера должны прийти в штаб дивизии.

Был у Сорвачева, Степан чувствует плохо, ноги опухли, от нарядов и работ освобождён.

Дни проходят медленно, подгоняют амуницию и готовимся к походу.

25 марта. На политинформации политрук сообщил, что маршрут марша на 120 км., идём через Сортавалла, 30 марта должны быть на месте, марш совершать будем ночью, днём отдыхать, матчасть идёт на автомашинах.

26 марта. Погода стоит хорошая, подготовили площадки для погрузки на автомашины орудия. Получили лошадей, готовим обоз для движения.

27 марта. Машины не пришли вчера, ушёл 402 полк, чувствую себя плохо, болит спина, горло начинает поправляться, предполагалось сегодня вечером выйти в поход, но отставили на завтра.

28 марта. Ночь была необыкновенная, с вечера начался ветер западный, со снегом, когда уже ложились спать, весь вход в землянку занесло снегом.

Ночью не мог выйти из землянки. Пришлось оправиться прямо в коридор, в снег.

Утром дневальный будит, а добраться до дверей не может, весь проход занесло снегом, пытался изнутри открыть дверь, но не смог, стал звать на помощь. Т. Ширкунов откопал, последняя ночь оказалась особенно интересной за всё время пребывания в землянке с 20 декабря, не везёт нам, как мы в поход, так и погода портится, так и этот раз, в 16 часов двинулись в поход, на первом же километре пришлось лошадь заменить, повозка тяжёлая, да ещё на колёсах, ну и вороному коню оказалось не под силу, заменили Мишкой, артиллерийским конём, но и он артачится, не любил плётки, лягается, сразу разбил ящик у двухколки.

Ночь двигались тихо в результате того, что пришлось встать от батареи, ну а

потом три километра догоняли, сильно вспотел, а потом стал мёрзнуть, ну и спина совершенно не давала возможности идти.

29 марта. Вместо того, чтобы утром прибыть к месту отдыха, мы прибыли в 3 часа, отдохнуть пришлось всего 4 часа.

30 марта. Ночью замёрзло, и дорога стала лучше, идти намного легче, чувствую лучше. Думал, что не смогу идти, но согревшись, чувствуя хорошо, правда, ноги дают себя чувствовать, всё же недостаточное питание сказалось на выносливости, уже нет того, что было раньше. Завтракали, не доходя Сортавалла 2 км. Дорога широкая, ну идти было хорошо, прошли Сортавалло, город небольшой, но красивый, здания большие каменные, много сожжено, а особенно разбиты нашей авиацией, которая на славу поработала.

Встретили несколько финнов, говорят, что осталось семь 50.

Двинулись дальше, хотели на отдых остановиться, пройдя 5 километров, но не вышло, помещений нет, и пошли дальше, здесь опять несчастье, Мишка совершил встал, и в гору его тащили на верёвке, надетой на шею, но пройдя 200 метров, совсем встал, стали ждать новую лошадь, так как батарея ушла вперёд, запрягли третью лошадь, прибыли к месту отдыха, когда уже батарея пообедала. Ширкунов еле идёт, у меня подошвы ног болят, стало снова таять сильно, днём отдыхали всего два часа, спал на печке, сильно вспотел, до места нашего расположения осталось 32 километра.

Стан. Лахденпохья.

За ночь прошли всего пять километров. Встречная колонна автомашин загородила дорогу. Всё же, несмотря на то, что дорога очень тяжёлая, мы прибыли в 14 часов вместо установленных 15 часов.

Остановились в казармах юнкерского училища на берегу залива Ладожского озера. Казармы порушенны, водопровод заморожен, электропроводка порвана.

1 апреля. Был дежурным по батарее, уставший с похода, ночь еле провёл, да плюс в холодной, нетопленной каменной казарме.

Утром в 11 часов ушёл с товарищами на работу по ремонту и изготовлению мебели, днём очистили мастерскую, к вечеру перебрались ночевать.

2 апреля. Спали хорошо, на матрасе, на подушке, и тепло, сначала надо было сделать табуретки и столы для красноармейской столовой, а сегодня были заняты ремонтом столов, буфетов комиссару, помкомполка, секретарю партбюро, живу хорошо, знаешь только знакомую работу, товарищи по работе: Никонов, Неклюдов, Гробовской. Со столярной работой только двое знакомы, но дело идёт.

К ужину готовили тушёные почки с картошкой и чай с блинами, шеф-повар наш Никонов – молодец, обеспечивает хорошо.

3 апреля. Продолжаем работать. Батарея собирается на новое место, нас как будто оставляют работать.

4 апреля. Утром читали доклад тов. Молотова на VI сессии Верховного Совета, доклад о новой вехе в жизни народов СССР, показывающей, что Красная Армия воевала не только против белофиннов, но и против третьих капиталистических держав.

Работали по оборудованию красноармейской столовой.

18 апреля. Перерыв большой, особых событий нет в жизни, все работали в мастерской.

10 марта произошло событие в Норвегии: Германия оккупировала, опередила Англию и Францию. Ввела войска, идут бои на море и на суше.

15 апреля. Было отчётное партсобрание, в резолюции отметили моё участие как коммуниста в боях с белофиннами.

Время идёт быстро, изменений в жизни нет, усиленно работаю в столярной мастерской.

Сегодня т. Панев сказал, что старшие возраста до 1910 г., возможно, будут отпущены домой до 1 мая, да, это было бы неплохо, видимо, ещё удастся поохотиться на уток, и скоро быть дома.

Погода стоит тёплая, на солнце днём доходит до 25. Говорят, реки Сухона, Юг и Двина уже вскрылись, домой поедем на пароходе, надо ожидать хорошую встречу.

21 апреля – 10 часов вечера.

Сегодня 30 апреля, всё ещё нахожусь в 453 артполку, работаю старшим в столярной мастерской. Работы много, всего у меня работает 15 человек. За это время сделали 110 столов и табуреток в красноармейскую столовую, отремонтировали много мебели, оборудовали доску почёта и другие витрины, и много мелких работ по оборудованию Ленинских Комнат, последние дни ежедневно бывает тов. полковник, дал оценку нашей работе, что мы неплохие мастера, надо сказать, что организация столярной мастерской для полка большое дело.

Сижу в мастерской, одни товарищи ушли на торжественное заседание в клуб по случаю праздника 1-го мая. Завтра парад.

Да, были предположения, что до праздника отпустят домой, но дело не вышло, всё же из достоверных источников говорят, что сразу после праздника распустят по домам.

Уже здесь появились утки и лебеди. Дома, наверно, охотники бьют уток и гусей, ловят рыбу, а я вот уже вторую охоту не имею возможности.

Посмотришь в окно, кое-где ещё на горах в лесу виден снег, но вообще уже осталось мало.

Дневник веду от случая к случаю, теперь уже нет особых событий.

Полк перешёл на мирную учёбу, остановился в новом месте, ну и всё надо заново оборудовать.

Место красивое, на берегу залива Ладожского озера в сосновом лесу, хорошая финская казарма, недалеко от железной дороги.

На этом заканчиваю записи за апрель месяц, из дому от Лизы не получал давно писем, видимо, ждёт домой, как живёт, об этом большая забота, деньги не перевёл, надеясь, что скоро сам буду дома.

Больше всего забота и сердце болит, как прошли роды, сбылась ли наша мечта иметь сына.

Вася уже приступил к учёбе. От Вани известий нет, не убит ли.

10 мая. Снова большой перерыв. Праздник прошёл. В параде не участвовал, смотрел с сопки. 7 мая вечером после работы с тов. Прошевым взяли сетки и пошли искать место где-нибудь закинуть, в километрах четырёх от Лахденпохья по заливу нашли большой открытый перешеек, где и закинули шесть однорядных сеток, по-коми – кулём.

Посмотреть ходили на другой день вечером, и надо сказать, к нашему удоволь-

ствию и рыбачкой страсти попала сорога (кельчи), 2,5 килограмма. Много уток, но отсутствие ружья, только вслед приходится смотреть.

Вечером же сварили уху, это такое удовольствие, что не знаешь, как и записать.

9 мая вечером снова ходили, день был плохой, по перешейку гнало лёд, ну и попало меньшее.

Придя в мастерскую, в скором времени заходит т. полковник и спрашивает: «Ну, сознавайтесь, кто из вас рыбак и рыбу ловит и мне не говорит?» Ну, думаю, теперь попадёт, ведь мы пошли ловить, не спросив ни у кого разрешения, всё же находимся в Красной Армии.

Показываю улов рыбы, попал один окунь, щука и несколько сорог. «Да вы действительно рыбаки, — говорит т. полковник, — я, знаете, очень люблю ловить рыбу и особенно не столько её кушать, сколько словить и подержать в руках». Сразу же уносим рыбу на кухню и варим уху для т. полковника, а завтра поедем вместе смотреть сети.

10 мая. Только успел встать, приезжает лошадь по заказу тов. полковника, чтобы ехать за сетями, и приходит сам тов. полковник. Едем на машине осматривать сети. Ветер изменился, и место большой сети занесло льдом, ну, думаю, и не видать рыбы.

Осталась одна сеть, осматриваем её, появляется сорога, потом другая, дальше щука, потом опять сорога и в заключение налим, в ветеле ничего нет, всё же не без рыбы.

Да, а утки тут и плавают.

Днём приезжает тов. Прошев, привозит 10 сетей, все однорядные и невод в 50 саженей. Выходной день. Будем ловить неводом, с утра уйдём туда.

Тов. полковник жалеет, что не удастся в этот выходной половить, так как сегодня уезжает в командировку в Ленинград.

Сижу, записываю дневник, только что вымылся в бане, закончили фуры повозки для возки хлеба, посматриваю в окно, да, неплохо бы быть в это время дома, положение изменилось, домой, видимо, ещё долго не придётся выехать.

Как живёт семья, болит сердце, послал 150 руб. денег.

Сегодня был первый гром и выпал дождь небольшой, уже кукует кукушка.

В полку выехали пахать для посадки овощей.

Гражданского населения в городе всё ещё нет. Когда проходишь вдоль озера, сердце замирает, видишь пустующие хутора, в которых всё разбито, разбросано, нет никакого присмотра, не встретишь ни одного живого человека.

Не может быть, чтобы все по доброй воле покинули свои насиженные места, полоски земли, мне думается, часть по приказу, часть по лживой белогвардейской агитации, боясь, что «москали», как они называют русских большевиков, издеваются и т.д.

14 мая.

12 мая выходной день, провели на озере, ловили рыбу с товарищами Прошевым, Никоновым, Гробовским, на одном из островов на берегу залива сварили уху, раскинули походные столики и стулья и покушали такую уху, что, я думаю, этот день запомнится надолго, снова закинули дополнительно сети.

13 мая вечером поехали на завод за штапиками, а также посмотреть сети с

тов. Прошевым, сети течением от ветру все закрутило и занесло травой, поймали всего 4 рыбки (щука, окунь, подлещик и сорога). С завода привезли штапиков, подъезжая к Лахденпохья нас остановили командиры флотилии и крепко предупредили за нашу смелость, ведь всё озеро заминировано, и может случиться несчастный случай, и ничего совершенно и не думая об этом разгуливаем по озеру.

Приехав домой, подают письмо от брата Васи из Ленинграда, снова нашу семью постигло большое горе, в бою в марте месяце пропал родной брат Ваня, по званию старший лейтенант, находившийся в 118 стрелковом полку в Ухтинском направлении.

Тяжело, трудно верится, не стало заядлого рыбака, охотника, спортсмена, боевого командира славной Красной Армии. Подробности не известны.

Написал письмо командиру полка, чтобы узнать подробности, буду ждать ответа, только тогда сердце помирится с утерей любимого брата.

Знает ли пapa, как он переживает это великое горе, ведь ещё он сам недавно писал, что готов в любую минуту приехать и помогать нам в боях с белофиннами.

В письме командиру полка написал клятву: семья готова в лице четырёх его братьев, если потребуется, встать на место погибшего брата.

Думаю, что и пapa скажет: «Верно, по-большевистски вы делаете, верные мои сыны, сыны родины, страны, воспитанной партией Ленина, Сталина».

День прошёл с трудом, места не находил, работа не клеится, всё думается, как же, неужели всё же не встретимся больше с братом Ваней.

Написал ответ Васе. Думаю написать письмо Лизе.

Кто же прибыл в нашей семье, сын или дочь. Как прошли роды, здорова ли Лиза, Колечка. Наверно, все ждут домой, встречают каждый пароход.

6 июня. Снова большой перерыв.

17 мая вечером на лошади выехали ловить рыбу неводом на озеро. В первую же тоню попало больше пуда окуней, все как один.

Невод оказался гнилым и всё рвётся, закидывали 5 тоней, поймали пуда полтора.

24 мая снова ездили на автомашине с тов. полковником Горелевым, невод небольшой, попадало плохо, ветер, день неудачный, у озера сварили уху, вышла на славу.

25 мая. Снова день исторический, получил телеграмму от Павлика и Границ, Лиза родила сына, как нам хотелось сына, ну и мечта сбылась, и вечером в газете «Красная звезда» прочитал указ о награждении, в числе награждённых оказался и я, награждён медалью «За боевые заслуги», в числе награждённых комиссар Павлов «Красной звездой», ... капитан Грель, капитан Фудов, капитан Шарапов – медалью «За боевые заслуги».

5 июня получил телеграмму с поздравлением от Лизы, Границ, Павлика, Серёжи и от Исакова и Лаптева.

Живу по-старому, работы много, в городе уже много мирного населения и каждый день прибывают.

Скоро завод будет работать.

Деревья уже распустились, сегодня рыбу ловить не поехали, думаю, сходить к тов. Распопову.

«Страна, не изменившая присяге...»

Алексей Иевлев

* * *

Это было со мной.
Я всё помню, как будто вчера
Мы сменили зелёные парты
На скатки шинелей...
Как мы пели тогда –
«Если завтра война...»
А допеть,
Долюбить
И дожить – не успели...

Война –
Это только потом ордена...
Это только потом
Над могилами красные звёзды...
Это мама моя так смертельно бледна...
И оркестр укрывает её торопливые слёзы...

Это было со мной.
Самолётов чужих вороньё.
И гуляет разрывами смерть
По солдатским окопам.
И опять, и опять оставляем
Своё...
А потом отбирать будем с кровью
По крохам...

Это было со мной.
Мы дожили до Майского дня.
И полвека чужие солдаты
На Русь не ходили.
Значит, мы погибали с друзьями
Не зря.
Значит, помнят враги, что мы их
Победили!

Андрей Попов

* * *

Уже поэты, но ещё мальчишки,
Заштитники идеи и земли,
Ушли на фронт...
Ни записные книжки,
Ни головы свои не сберегли.

Неторопливо, деловито, хмуро
Убила их великая война.
История родной литературы
Не вспомнит их простые имена.

И только незаметно краеведы
Опубликуют сбивчивый рассказ
О посвящённых в чаянье победы,
О трепетно молящихся за нас.

Дмитрий Фролов

Волоколамские колокола

Волоколамские колокола...
В их звоне – отголосок давней боли.
И мгла осенняя заволокла
Раскисшее картофельное поле.

Когда-то здесь гремел иной набат,
И в гуле многотысячных орудий
Кричал охрипшим голосом комбат,
Хватая воздух обожжённой грудью.

Он из окопа, как из-под земли,
Вставал, раскинув судорожно руки...
И выстудить ту ярость не могли
Свинцовые метели всей округи!

И плавно
покачнулся
небосвод,

И дерево
нелепое
взмахнуло,
И он упал...
Но шёл за взводом взвод
На яростно ощеренные дула!

И падали солдатские тела.
И корчилось картофельное поле.
И с грохотом
на поле
пала
мгла!
И стало поле боя полем боли.

Волоколамские колокола...
В их звоне – отголосок давней боли.
И мгла осенняя заволокла
Раскисшее картофельное поле...

Евгений Суворов

На чеченской войне

Церковь отпевает сыновей,
по погибшим на войне тоскует.
Не жалей, родная, не жалей,
пусть душа святится и ликует.

Полегли мальчишки на заре,
не сумев до званий дослужиться.
Среди гор в холодном сентябре
снег на лица юные ложится.

И взметнулась голубем душа,
из груди взлетела прямо в небо.
Ветер треплет вихры не спеша,
мальчика, что мужем так и не был.

В День Победы

Гремите, марши! Развевайтесь, стяги!
Печатай твёрже шаг, парадный строй!
Страна, не изменившая присяге,
Живёт своей назначенней судьбой.

Великая не только по размерам,
Идёт она среди иных держав
По самым высшим правилам и сферам –
Своя душа, свой разум и свой нрав.

И торжествует весело и грустно
На годовщинах праведных побед,
Поёт свою «Катюшу» безыскусно
И будет петь ещё немало лет.

Никто не знает, в чём её опора –
Неведомая сила, кровь судьбы.
Не доводите нас до злого спора,
Не подымайте в гневе на дыбы.

Андрей Канев

* * *

От любви уехал в непогоду
И забыл в метельной кутерьме,
Что бывает обрести свободу –
Это значит, выжить на войне.
А любовь моя жила жестоко
И ждала с надеждою меня.
Но когда писал я эти строки,
Налетела стая воронья.
Дай же, Боже, мне отбиться силы,
Мудрости и стойкости в беде...
Ведь нашла любовь мою могилу,
Значит, я не выжил на войне.

Валерий Вьюхин

Летописцы

Послевоенная школа,
Класс до отказа набит.
Дивная сила глагола
Юные души знобят.

Тихо за школьною дверью,
Только часами подряд,
Как заведённые, перья
Над падежами скрипят.

Тонкая рвётся бумага,
Класс не шутя увлечён.
Словно на стенах Рейхстага –
Крупные буквы в наклон.

А за окошком Россия –
Только что после войны.
Избы, как ямы, пустые,
Очи слезами полны.

Пишутся новые главы
В книге побед и потерь.
Дети великой державы
Вновь летописцы теперь.

Дневник Ивана Максимовича Бутыленкова

(1941–1942 гг.)

Апрель 1915 года.

Иван Максимович Бутыленков родился в 1877 году в д. Костино Череповецкого уезда Новгородской губернии в семье крестьянина-середняка. Окончил сельскую школу. Женился на местной крестьянке – Настасье Петровне Толмачевой. Вырастили троих детей: Нину, Фаину и Степана. Имели крепкое крестьянское хозяйство: построили свой дом, держали скот, пасеку.

Иван Максимович был участником первой мировой войны, служил писцом при штабе в артиллерию. После революции разделил обычную для своего времени участь зажиточных крестьян. В период коллективизации деревенский комитет бедноты решил, что Иван Максимович кулак и подлежит высылке в Сибирь, а его имущество должно быть конфисковано. Ивана Максимовича предупредили о предстоящем аресте, и накануне вечером он ушёл из родной деревни, не взяв с собой ничего. На следующий день Комбед описал всё имущество, включая дом, увёл скотину.

Иван Максимович добрался до Ленинграда и устроился работать на завод в Старом Петергофе. Вслед за Иваном Максимовичем из деревни сбежали к нему жена и дочь Нина. Трудолюбие и настойчивость, а главное, переход в «рабочий класс» обеспечили семье Бутыленковых спокойную жизнь и на новом месте.

Когда началась война, Иван Максимович не сумел вовремя эвакуироваться и скоро оказался в прифронтовой зоне в Старом Петергофе с женой Настасьей Петровной и старшей дочерью Ниной. С ними переживала блокаду и сестра Настасья Петровна – Александра Петровна (после замужества Волынина). Сын Степан был всю войну в армии и дошёл невредимым до Бухареста.

После смерти Ивана Максимовича дневник продолжила супруга, а заканчивает его дочь Фаина, уже после похорон матери. В настоящее время дневник бережно хранится у дочери Фаины Ивановны – Юпатовой Елены Васильевны.

По рассказам внучки – Людмилы Степановны Бутыленковой, Иван Максимович был человеком начитанным и грамотным, сам писал стихи, выписывал журнал «Русская словесность». Дневники писал с юношеского возраста, по воспоминаниям, их было много, они сопровождались рисунками и стихами, но сохранилось из них только два, один из них и представлен вниманию читателей.

22 июня началась война с Германией. Кто начал войну, я точно решить не могу. Наше Правительство объявило, что немцы напали внезапно ночью без объявления войны, а немцы говорят, что русские нарушили договор, и дело дошло до войны. Я знаю только, что секретарь парткома 1-го завода (границная фабрика) на митинге в мае 1941 года говорил, что войны начнётся обязательно этим летом, а с кем и кто вызовет войну, я не скажу (всем было ясно, что с Германией), может быть начнём мы, если признаем это своевременным и удобным для нас. Значит войны предполагалась и «товарищи» это знали (компартия).

Как бы то ни было, но войны началась, и хотя говорили «товарищи», что граница наша на «замке», но замок этот, по-видимому, оказался плох, и немцы его сломали.

В конце июля половина нашего завода эвакуировалась в Углич, т.к. у немцев были большие успехи на войне, и война шла на нашей территории, а не на чужой, как раньше заявлял мировой гений Сталин. Немцы шли на Киев, Москву и Ленинград.

Хлеба сначала давали 400 гр. (1 фунт), потом сбавили до 200 гр.

30 сентября остальная часть завода эвакуировалась и направилась за Урал в гор. Златоуст, но дальше порта в Ленинграде не уехала, т.к. все пути немцами были отрезаны. Так они там и застряли, а что будет дальше, не знаю. Говорят, что немец бомбил их там, многих ранило. Всего уехало с завода 400 чел. рабочих и 500 членов их семей, всего 900 человек. Многие рабочие не поехали, в том числе и я взял расчёт и с 1-го сентября 1941 г. числюсь безработным.

5 октября объявили, чтобы выселялись из домов с новых мест в Новый Петергоф. Сначала упирались, потом часть вещей отправили в Питер, возила Нина, т.к. у неё был пропуск, а я не мог ехать, т.к. проезд без пропуска был воспрещён.

*Фирма Ивана
С начала германской войны с 22 июня 1941 года.*

22 июня началась война с Германией. Кто начал войну я тоже знаю, но решить не могу. Наше Правительство объявило, что Россия напала внезапно ночью без объявления войны, а немцы говорят, что это русские нарушили договор и это дошло до войны. Я знал только, что секретарь парткома 1-го завода (границная фабрика) на митинге в мае 1941 года говорил, что война начнётся обязательно этим летом, а сколько и кто вызовёт на войну я не знал (быстро было ясно, что с Германией), может быть этим летом начнём мы, если признаем это своевременным и удобным для нас. Значит войны предполагалась и «товарищи» это знали (компартия). Как бы то ни было, но войны началась и хотя говорили «товарищи», что граница наша на «замке», но замок этого правительству оказался плох и немцы его сломали. В конце июля половина нашего завода эвакуировалась в Углич, т.к. у порта в гор. Златоуст, но дальше порта в Ленинграде не уехала, так как большинство рабочих уехали в Киев, Москву и Ленинград. Число рабочих составило 400 гр. (фунт) потом сбавили до 200 гр. (фунт) 30 сентября и оставшаяся часть завода эвакуировалась и находилась в Угличе в гор. Златоуст, но дальше порта в Ленинграде не уехали, т.к. все пути Ильинской были отрезаны. Так они там и застряли, и что будет с ними дальше.

Некоторые самые ценные, лучшие вещи запрятали в картофельную яму, сверх картофеля (картофеля было 7 мешков), некоторые свезли за вокзал на бульвар Красных курсантов, д.3, кв.13 к Дуне и Варе Шорниковой (подруга Нины предложила поселиться у неё). Я с 9-го ночевал у неё 2 ночи, потом перешёл опять в свой дом, а Настасья с Ниной жили у неё с неделю. Ещё часть вещей свезли на Ораниенбаумское шоссе, д.№9 к моему знакомому слесарю Фёдору Самсоновичу Попову. Домовую книгу отобрали в милицию. Затем один по одному жители новых мест возвратились в свои дома и квартиры, хотя разрешения на это не было.

Немцы были от вокзала Старый Петергоф в 15 верстах и делали большие и частые налёты, бросали бомбы, шли на стан. Горелое и Лигово, думают, что на Старый Петергоф не пойдут, т.к. здесь близко Кронштадт и флот. Но дела приняли иной оборот. Немцы обложили Ленинград, пошли на Володарку и Стрельну, а затем и на Новый Петергоф.

Для спасения от снарядов все стали рыть окопы-убежища у своих домов, пришлось за это дело взяться и мне. Я вырыл около дому небольшой, не больше как на 4 человека. Стены обшил досками и обил мехом, сверху покрыл брусьями и 2 ряда дёрну и ещё ряд брёвен и досок. Думали, что денёк-два и война пройдёт через нас, и мы тут укроемся, но вышло совсем иначе.

22 сентября пришлось засесть в окоп, т.к. немец повёл наступление и начал обстреливать г. Старый Петергоф из орудий и миномётов. Ужасное настало время: тяжёлые снаряды ложились в непосредственной близости окопа. Вскоре Настасья, Нина и Саша перешли к Буйловым (Айвазовы), там не так опасно, да кроме того мы решили, что убьёт, то не всех разом. Смерть прямо, как говорится, висела на волоске. Мы простились друг с другом как перед смертью и разошлись по разным окопам. Впрочем, Настасья через несколько дней вернулась в свой окоп, там у Буйловых было теснее, да и умереть, говорит, так с тобой вместе.

В ночь на 30 сентября я ночевал в окопе один. Утром, не знаю, сон то был или виденье: через крайний брус окопа ко мне заглянула крёстная (умерла 5 марта 1941 г.) Татьяна, вид у неё был тревожный, озабоченный; и она, мне послышалось, сказала: «Чего же ты здесь делаешь-то» и её не стало. Одета она была в будничную одежду. Я ешё подумал: «Как же она может сюда смотреть, ведь на брус сделан настил брёвен и 2 слоя дёрна». Я уверен, что она беспокоится за нас.

1 октября, вечером, тяжёлые снаряды ложились близ окопа и нашего дома, один попал в маленький пруд, в доме выбило все стёкла в рамках.

2 октября. Сидим в окопе. Выходим только в крайнем случае. Рвутся снаряды, а с поляны немец стреляет из пулемётов и автоматов, они заняли от нас позицию на Егерской ул. саж. 200-300. Боже, спаси нас.

3 и 4 октября. Сидим в окопе. Сорвало с петель дверь с террасы в дом. 2 снаряда попали в крышу и сделали порядочную дыру. По-видимому были небольшого размера. 1-го октября Нина ходила в Ораниенбаум получать из магазина хлеб, их ходило трое и когда шли обратно, то около заповедного парка между ними разорвался снаряд, но Бог спас, даже никого не ранило. Принесла 2 кг хлеба с лишком. Дают по 200 гр. и на рабочих, и на иждивенцев. Питаемся сухарями и картошкой, но вот беда: керосин весь, а плиту топить опасно – немец близко.

28 сентября Нина и Саша ночевали в окопе у Шиловых двое, рядом с нашим

домом, и натерпелись страху: ночью попал снаряд в крышу над кухней, а окон рядом, крышу с кухни всю снесло. 5 сентября, в ночь на 6-е сентября шёл сильный бой к Троицкой горе, кругом всё горело, когда я 6 сентября выглянул из окопа, то ужаснулся, увидев страшную картину разрушения: Ст. Петергоф, особенно к Троицкой горе, не существовал, дома догорали к Троицкой горе и к вокзалу. Сгорел дом у Климанского. От нас через дом сгорел дом Бегеева на 3-е сентября ночью. 1-го сентября убило на улице прямо у нашего дома красноармейца. В ночь на 5 октября у нашего дома оторвало часть крыши и карниза, раздробило косяк у окна Нининой комнаты.

6 октября вечером возле нашего окопа упал тяжёлый снаряд так близко, что думали конец, но Бог спас и на этот раз.

7 октября. Сегодня Нина ушла в Ораниенбаум за хлебом и получить карточки на нас с Настасьей и Саней (на себя она получила карточки 1-го октября). 15-ый день сидим в окопе и конца сиденья не видать. Воду из окопа отливаем, хорошо, что стоит хорошая погода, сухо, а что будет, когда пойдут дожди. Боже, сохрани наш дом, хотя и полуразрушенный.

Сегодня Нине запаило: принесла из Ораниенбаума хлеба на 10 дней, на 4-х по 200 гр. в день, всего 8 кг. На 10 дней сахару, 1 кг. трески и 1 кг. овсянки. Слава Богу, пока живём.

3-го октября Анастасия Петровна Брилевская вышла из окопа мыть посуду, в это время прилетел и разорвался около неё снаряд, и её разорвало на куски. Как жаль, хорошая была девица. Мы жили у них на квартире.

8-го октября. Среда. Ночью люто стреляли из пушек и пулемётов, но нас Бог спас. Утром поставили у нашего сарайчика пушку трёхдюймовую, и в доме живут красноармейцы. Теперь, можно сказать, наш домик обречён, немцы или разрушат, или сожгут. Спасти может только чудо. И мне в окопе грозит гибель. Боже, спаси нас. Крёстная, помолись за нас. Ночью один. Настасья ушла к Буйловым, к Нине и Сане. Вчера ранило Марью Шилову, пуля попала около поясницы и вышла у пупка. Сегодня мы с Молчановым, Карелиным и шофёром снесли её на перевязочный пункт в Мордвиновку; и в это время со мной случилось большое несчастье: потерял бумажник с паспортом и прочими документами, 650 р. денег, очки и 3 бритвы. Горе моё и вообще моей семьи огромно, и так-то худо донельзя, а тут ещё добавок. Вечером наши стреляли с залива тяжёлыми снарядами (не менее 12 дм.) по нашему направлению, рвались на Дачной улице, рядом с нашей, разрушило несколько домов, один до основания, хозяин говорит, только успел до этого выйти в окон.

9 октября, четверг. Была стрельба, но день прошёл более спокойно.

10 октября, пятница. Ночь прошла спокойно, хотя стрельба, как и всегда, была. Утром земля порядочно замёрзла. Днём пролетал снег.

11 октября, суббота. Ночь прошла спокойно. Утром Нина пошла в Ораниенбаум за хлебом. Часов в 11 дня пришёл в наш дом лейтенант. Артиллеристы мне сказали: вот дурак-то, хочет стрелять из пушки. Я вижу дело не ладно: немец после этого наш дом или зажжёт, или разобьёт. Мы с Саней вытащили из дома сундуки и кадку с огурцами. Стрельнули они 8 раз (снарядов было 13) и укатили пушку назад на другое место. Я из своего окопа ушёл в окон к Миле (напротив нас). Немец пострелял, но делал перелёты. Потом я сошёл в окон к Буйловым,

где были Настасья и Саня, хотел оттуда сразу же уйти, но начался обстрел из пушек и пулемётов. Снаряды рвались близко, и я задержался. Когда поутихло, я пошёл в свой окоп закусить картошки. Подхожу и вижу у входа в окоп – воронка от снаряда, но не очень большая. Я залез в окоп и принялся за картошку. Вдруг немец начал посыпать тяжёлые снаряды. Третий снаряд попал прямо в наш дом. Удар был страшен, ко мне в окоп полетели дымящиеся осколки от дома, посыпалась земля. Я выглянул из окопа и увидел, что дом наш весь разворотило, крышу снесло долой и раскидало по огороду, стены распихнуло в стороны, потом ударило в крыльцо и всё разнесло, я думал, что настал мой конец, но выбрал время и побежал в окоп к Настасье и Сане. Ещё раздался страшный удар, снаряд разорвался в огороде на гряде со свёклой, некоторую свеклу через дом перекинуло к окопу, у сарайчика оторвало обшивку на одной стороне. Потом затихло, и хотя меня не отпускали, я пошёл в свой окоп доедать картошку. Смотрю, передняя стена у дока горит, загорелся в пазах мох, я взял воды и залил, потом пришла Саня и увидела, что у стены на земле горит, опять она закричала мне, и мы с ней погасили. В этот же раз разломало остатки дома соседа Шилова. Господи, ты всё видишь и всё знаешь. Ты дал, ты и взял. За всё благодарю тебя. Послал письмо Файнэ с одним человеком, который едет в Питер заливом из Ораниенбаума.

12 октября. Все то же положение. Немец регулярно обстреливает нашу позицию, в том числе и наш окоп.

13 октября. То же положение. Погода не холодная, и моросит дождик. Сидим в окопе. Выходим только по необходимости. Пули свистят кругом.

14 и 15, то же положение, и конца нашему сиденью не видать. Начали ещё копать окоп или вернее расширять старый, т.к. в старом спать можно только двоим или с уплотнением троим, а нас четверо, и надо ещё место для печки и картофеля, а также прочего барахла.

16 и 17 устраивали окоп, натаскали с Ниной брёвен, сначала положили 4 перевода, потом я принёс несколько дверных щитков, их положили на переводы, затем накрыли листовым железом (25 листов), на железо положили доски, затем набросали земли, а на землю ряд брёвен. От большого снаряда, конечно, не устоит.

18 октября. Нина с Саней наносили кирпича на печку. Потом начали расширять вход в окоп. Нина только вылезла из окопа, как немец начал палить из пулемёта по нашему окопу. Одна пуля попала Нине в ногу выше бедра и прошла навылет. Рана большая. Пуля, кажется, разрывная, т.к. от неё осколком ранило Сашу в грудь, несмотря на то, что она находилась в окопе у входа. Нина ранение перенесла мужественно и уверяла, что ничего не больно. Её кое-как перевязали, и они с Саней поползли на перевязочный пункт, потом пошли, Нина опираясь на Саню. Меня никак не пускают идти с ними, дескать, и меня ранят, тогда что мы будем делать. Я вижу, что Нине идти трудно. Саня тоже ранена, и я догнал их и повел Нину, что оказалось очень кстати, т.к. Нина одна идти не могла. На перевязочном пункте их перевязали и на повозке отправили в Ораниенбаум. Нина осталась там, а Саня после перевязки пришла обратно. Я же благополучно вернулся в свой окоп. Жаль очень Нину. Боже, спаси её.

19 октября. Обшивал стены в окопе досками. А немец шлёт снаряды и из пулемётов.

20 октября. Буйоловы решили идти к немцу, 6 человек больших и двое

детей. Утром направились по ул. Дзержинского к Троицкой горе, которую занимают немцы. Только прошли улицу, как в них начали палить из пулемёта. Сою и её тетку убили наповал, Петра Андреевича ранили в руки, а Лелю, которая, хотя и не их семья, но жила у них в окопе и решила идти с ними, ранили в грудь, пуля прошла навылет (ранили сзади в спину), и всё-таки она сама пришла до нашего окопа, на неё страшно было смотреть: вся в крови и еле держалась на ногах. Я, говорит, сейчас умирать буду, пустите в окоп. Просила пить. Т.к. у нас в окопе было тесно и холодно, то я свёл её в окоп к Буйволову. Там её кое-как перевязали, и она осталась ночевать в окопе, т.к. нести её на перевязочный пункт было некому. Я попросил красноармейца, чтобы помогли, он сходил к начальнику, её перевязал санитар, но на пункт не отправили.

21 октября. К нашему окопу утром Катя Айвазова пришла и говорит, что Леля просит её свести на перевязочный пункт (2 версты слишком). Я сказал, что я на это решаюсь, если ещё кто пойдёт, т.к. путь опасен. Пётр Андреевич, с раненой рукой, тоже решил идти, и мы отправились втроём. Сначала я вёл Лелю под руку, а потом она пошла одна, я просто удивляюсь крепости её организма, с простреленной грудью и идти одной, без посторонней помощи. На Пионерской улице мы нашли санитарную повозку и сдали Лелю санитарам, а сами возвратились в свои окопы.

18 октября. Я, Настасья и Саня стали помещаться в своём окопе, хотя и тесно, спали двое в одну сторону головами (Настасья и Саня), а я в другую. Вторая половина окопа ещё не обшита.

22 октября. Ночью выпало много снега. А немец стреляет и стреляет. Кругом окопа и нашего дома много воронок. У сарайчика отворотило заднюю и боковую стену. Весь день была снежная вынужда. Начали класть в окопе печку. Саня ходила в Ораниенбаум за хлебом.

23 октября. Немец стрелял усиленно тяжёлыми снарядами и из миномётов. Жутко, но ничего не поделаешь. Вся надежда на Бога.

24 и 25 октября. Всё то же положение. Снегу ещё прибыло. От Нины пришла записка. Пишет, что пулей немного раздробило кость. Операция прошла благополучно. Возможно, что её отправят в Ленинград морем, а теперь находится в Больших Ижорах. Она пишет, что привезли раненую Лелю. Хлеба ем, пишет, досыта. Утром к чаю дают немного булки, но аппетит плохой. Хорошо бы не отправили в Ленинград, морем ехать опасно, т.к. топят наши суда. Кончил класть печку. Как нам показалось, хорошо в окопе, когда натопили, и стало тепло. Наварили картошки. Заготовляем картошку на соседних огородах, хозяева которых эвакуировались, не выкопав её. Копаем из-под снега.

26, 27 и 28 октября. Сидим в окопе, и конца сиденью не видать. Рвутся кругом снаряды, строчат пулемёты, особенно ночью.

29, 30 и 31 октября. Всё то же положение. Опасно выйти из окопа. Копал из-под снега картофель.

1 ноября. Немец стрелял поменьше, а наши всё время стреляют мало, говорят – мало снарядов и вообще плохое вооружение. Саня ходила за получением карточек на хлеб на ноябрь и за хлебом. Получила на себя и на Настасью карточки, а на меня не дали, т.к. нет паспорта, и вообще дают только лично самому, не как в октябре.

2 ноября, воскресенье. Кое-что делал в окопе. Обстрел послабже, немец, видно, празднует.

3 ноября. Я и Саня ходили в Ораниенбаум получить карточку на меня и хлеб на всех. Карточку я, хотя и с трудом, всё-таки получил. Получили по 200 гр. хлеба на 6 дней, сахару по 150 гр., свинины по 150 гр. и по 100 гр. масла хлопкового. Пришли в свой окоп часа в 2 дня. Без нас был большой обстрел нашего участка. 3 снаряда попали в картофельную яму, и один – в большой пруд. Настасье одной было страшно. Сварили обед, начали кушать, а у нас в окопе начался пожар у трубы, потолок загорелся пылью. Я выбежал вон, а там горят уже сундуки, поставленные у окопа. Я начал заливать, а Саня выбежала в одних чулках и по снегу носила воду из маленького пруда. Немец с Троицкой горы (ему всё видать), наверно, заметил наш пожар и начал стрелять из пулемётов и орудий, но мы в горячах не обращали внимания, даже Саня. Насилу погасили. Настил на окопе пришлось порядочно разворотить и сломать трубу у печки. Господи, как же нам было плохо, ведь исправить окоп под обстрелом не шутка.

4 ноября. Ночь была ясная морозная, а я лежал в окопе и думал: как же мы исправим печку и окоп. Утром встал со светом, расширил отверстие для трубы. Саня стала мять глину, носила кирпичи, и несмотря на мороз, трубу сложили новую, накидали земли на окоп и наложили брёвна. Когда я доканчивал трубу, немец, наверно, заметил и пустил трёхдюймовый снаряд, который пролетел почти над моей головой и разорвался, саженях в 15-ти. Хотя сидел на окопе, но осколками меня не задело. Слава Богу, спасителю нашему.

5 ноября. Ночь прошла относительно спокойно. Утром ходили с Саней копать картошку из-под снегу. Накопали 4 ведра. Нашли у Гапки закрытые в двухлитровые банки варенье малиновое и $\frac{1}{2}$ банки масла топлёного. Сами они ушли к немцам.

6 ноября. Морозно. За картошкой не ходил. Кое-что достраивал в окопе. Картофеля едим досыта и каждый день. Настасья печёт лепёшки из отрубей на картошке, варим или мясной или грибной суп, парим капусту.

18 октября это было. Настасья была одна. Пришёл военный начальник и приказал ночью отсюда выселяться. Был приказ, чтобы новые места эвакуировать до 15 октября.

15 октября. Я и Саня, двое ночевали в окопе, Настасья и Нина у Буйоловых. Часов в 11 ночи вдруг кто-то открывает щиток в окопе и говорит: «Кто здесь есть, выходите сюда». Я подполз к отверстию и спросил, что надо. «Живо, – говорит, – вылезай». Я говорю: «Я раздевши, куда же я пойду». «А ты кто?» – говорит. «Я, – говорю, – хозяин этого дома». «А где здесь есть военные?» «Я, – говорю, – не знаю». И он ушёл. У отверстия сидел военный, наставив на меня дуло револьвера.

7 ноября. Небольшой мороз. Встал до свету и пошёл исправить разбитую яму с картошкой. Завалил сеном и наложил щиток. Немец по мне не стрелял. Потом пошёл накопал ведро картофеля. Затем достраивал двери у окопа. Днём шёл снег. Саша захворала, наверно, грипп. Вторую ночь и днём немец стрелял по Ораниенбауму.

21 октября. Буйловы ушли из окопа в Ораниенбаум. Нам оставили 3 мешка отрубей, пудов около 10. Это очень хорошо.

8 ноября. Ночью выпало много снегу. Суббота. Саня, хотя больная, ходила за хлебом в Ораниенбаум, принесла на 3-х на 5 дней 3 кило. Ночью немец бил по Питеру. Я накопал ведро картофеля из-под снега.

9 ноября, воскресенье. Ночью выпало ещё снега. Сыро. Пётр Андреевич Буйволов и Катя, его свояченица. Катя поехала на санках подобрать труп убитой немцами 20 октября Сони, но не вернулась обратно, её там убили немцы. Пётр Андреевич идти туда не решился, и оба трупа и котомка с продуктами остались там. Утром накопал ведро картофеля.

10 ноября, понедельник. Пётр уехал сегодня в Б.Ижоры один. Повёз от нас мешок отрубей, стенные часы и свою великое горе. Ведь осталось двое детей и старуха-мать 62-х лет. Питаются впроголодь или просто голодают.

11 ноября. Морозно. Утром накопал два ведра картофеля. Немец изредка стрелял по Дачной ул. Когда я кончил копать второе ведро, вдруг прилетел снаряд и разорвался не далее, как в 5 саженях от меня. Я даже лечь не успел, но меня не ранило. Слава Богу. Часов в 6 вечера немец вдруг начал палить из крупных и мелких пушек и миномётов, и все падали вблизи нашего окопа. Выпустил снарядов 100, но всё обошлось благополучно. Слава Богу. Саня всё ещё хворает.

12 ноября. Морозно. Всё такое же положение. Ночью шёл бой к Питеру. Днём, сравнительно, былотише. Немец несколько снарядов пустил вблизи нашего окопа.

13 ноября. Морозный ясный день. В 7 часов утра пошёл в Ораниенбаум за хлебом. Всю дорогу прошёл благополучно, а когда пришёл в Ораниенбаум, там начался обстрел именно той части города, где находился Петергоф. Когда я подходил к магазину вдруг среди улицы разорвался снаряд в 10 шагах от меня. Я упал, когда он уже разорвался, и, благодарение Богу, я остался невредим. Правда, снаряд не большой, но на меня хватило бы. Обратно пришёл благополучно. У немца появилось какое-то новое орудие: сначала завоет, как сирена, и вдруг полетят снаряды, от разрыва которых пахнет бензином. Была племянница Иды, была ранена в ногу, находилась в Питере в госпитале, но так как там голодно в с.Петергоф, здесь есть хоть картошка. Всю ночь шёл сильный бой к Питеру. Сегодня день моего ангела, пошёл 65 год, сварили обед: на первое суп из 50 грамм свинины, второе – картофельное пюре с маслом, на третье – рисовая каша с маслом и кофе с лепёшками из отрубей и булка. Теперь так кушают не многие. Голод вступает в свои права. Сегодня отдыхал как именинник. Исполнилось 64 года. 13 ноября получил булки по 1 р. 90 к., кило на 5 дней, на трёх – 3 кило, 750 гр. конфет соевых, 800 гр. песку, 300 гр. кокосового масла и 300 гр. макарон, всего на 20 р. 50 к.

15 ноября. Ночью была сильная стрельба. День прошёл сравнительно спокойно около нашего окопа. Морозно. Утром накопал ведро картошки. Настасья просеяла 2 мешка отрубей (6 пудов), из которых будет печь лепёшки на картошке и капусте.

16 ноября. Воскресение. Ясный, но морозный день. Утром пошёл копать картофель, но не докопал ведра, немец начал стрелять из орудий. Днём накопал почти ещё ведро. Вечером я делал запорку к дверям окопа. Немец стрельнул так метко, что пробил лист железа у дверей окопа и разбил ручку (дубовую) у долота,

которое лежало в банке у входа в окоп. Я только перед этим забрался в окоп, а то, безусловно, был бы ранен, а, возможно, и убит. Как ему охота стрелять в невинных людей. Ну какая ему была бы польза, если бы ранил меня или убил. У Иды окоп оказался разрытым с другого конца, где нам не видно, и вещи некоторые вытащены. Я заглянул туда, там полно воды, и всё плавает в грязной воде, а вещи самые лучшие: одежда и прочее.

17 ноября. Понедельник. Ночью была сильная стрельба. Утром туман. День ясный, солнечный, морозный. Саня ходила в Ораниенбаум за хлебом. Дают уже только по 150 гр. в день на человека. Я затыкал сеном и обкладывал кольями разбитую немцами картофельную яму. Около часу дня немец начал обстрел вблизи нашего окопа, да такой, что я думал пришёл конец, но слава Богу уцелел и добрался до своего окопа, к нам ещё прибежали трое флотских укрыться от снарядов.

18 ноября. Вторник. Утром морозно. День ясный морозный. Близко снаряды сегодня не падали. Всю ночь шла стрельба из орудий. Прибавили ещё немного места в окопе, чтобы не мешали вёдра с водой. Вынес 33 ведра земли.

19 ноября. Ночью где-то сильно стреляли из тяжёлых орудий. Днём несколько раз поднималась стрельба, но снаряды в непосредственной близости от нашего окопа не падали. Холодный, морозный день. Кое-что учинял в окопе. Поставил за окоп ящики с барахлом. Нашёл у Галки на потолке отруби, кило 2. Половину рассыпал.

20 ноября. Четверг. Погода потеплела. Шёл снежок. Кругом гремят орудия. Некоторые разрывы были не так далеко. Иногда стучит наш пулемёт изредка. Настасья кормит нас лепёшками из отрубей на картошке. Саня спшила себе рубаху. На два дня берём у Мили Филипповой 1 литр молока за 3 рубля. Слава Богу, кушаем пока досыта, несмотря на то, что дают по 150 гр. хлеба на день. Слава Богу, ещё день прожили.

21 ноября. Пятница. Ночью выпало немного снегу. Стреляли и наши, и немцы, как это всегда водится. Днём погода мягкая. Немец стрелял по Лесной, Дачной и Дзержинского к горе. К нам близко не был.

22 ноября, суббота. Ночью выпал снег, а до полудня шёл снежок при тихой погоде. Потом ясно и стало морозить. Ночью и днём стрельба. Утром я пошёл поискать, нельзя ли где накопать ведро картофеля. Накопал одно ведро, замёрзло. Смотрю по Первомайскому проспекту идут три взрослых женщины, один подросток и трое детей, все с большими котомками, сзади всех еле бредёт маленькая девочка с большой котомкой и плачет. Вся компания пошла по направлению к Егерской улице, где занимает позицию немец. Я сразу понял, что они пошли к немцу. Немного погодя послышались выстрелы. После сказывали: троих убили, а остальных ранили. Кто говорит – стреляли немцы, а кто говорит – наши не пропустили. Вот где горе-то. Боже праведный, что же это такое, ведь их туда погнал голод.

Саня ходила в Ораниенбаум за хлебом, дали на 4 дня, дают уже только по 125 гр. в день на человека. Ещё дали масла кокосового 300 гр., сахару 150 гр., конфет 300 гр., папирис 9 пачек, спичек 9 коробков. Может ли человек есть 125 гр. в день и работать. Говорят, что будут всех выселять в Ижоры.

23 ноября. Воскресенье. Ночью шла стрельба. Выпал снег и шёл до полудня, потом перестал. День прошёл спокойно, только часов в 5 вечера немец сильно стрелял по концу Первомайского проспекта. Холодно.

24 ноября. Ночью выпало немного снегу. Сегодня потеплее. День прошёл почти спокойно. Немец почему-то стал стрелять меньше. Говорят, что будут всех выселять в Б.Ижоры. Вот это так страдание будет, ведь нужно идти на голодную смерть. На 125 гр. не много наживёшь. Здесь всё-таки есть отруби, картошка и капуста.

25 ноября. Вторник. Ночь и день прошли приблизительно спокойно. Немец несколько раз стрелял по мне, когда я был на террасе дома, но промахнулся. Сегодня военные приказали уехать в Ораниенбаум из Петергофа до 6 часов утра 26 ноября или будете расстреляны на месте. Боже милосердый, ну что же это такое. Нужно ехать на голодную смерть. Что будет. Боже наш, спаси нас. Не знаем, что делать. Настасья совсем не может ходить.

27 ноября. Всё было хорошо и спокойно, думали и впредь так жить будем. Днём встретил флотского, и он объявил, что в эту ночь выселяться, вам, говорит, было объявлено, что сегодня в 8 часов утра выехать. Я думал, что можно обойтись так, но тревога в душу запала большая. Потом спустя немного времени приходят трое военных с винтовками и приказали через 20 минут выехать – очистить окоп. Пришёл потом флотский; у меня хранилась $\frac{1}{2}$ литра водки, пришлось отдать ему и упросить, чтобы переночевать ещё ночь. Он согласился. Мы успокоились, теперь, мол, кое-что поприготовим. Задумали помыться. Вымылась Настасья, и только я сел в лоханку, как приходят опять военные и приказали к 12 часам ночи очистить окоп, иначе приказано расстреливать на месте как шпионов. И вот мы, как патриоты, наклали на 2 санок разного барахла и поехали к морю на шоссе. А немец пускает ракеты и стреляет из орудий и пулемётов. Едва-то дотащились до пункта, где стоят машины. Там свалили вещи и ещё раз с Саней поехали в окоп, а Настасья осталась караулить вещи. Мы с Саней наложили 2 мешка картошки и ещё забрали кое-что и поехали, до того измучились, что едва дотащились, ноги совершенно не идут. Надо бы ещё вернуться раз, но сил не было, и ноги не повинуются. Часов в 10 свезли наши вещи в Ораниенбаум. Из Ораниенбаума в 5 часов вечера погрузили в вагон и повезли нас в Большие Ижоры. Потом в Лебяжье, а оттуда почему-то в Большие Ижоры, где и стояли до утра. Иззябли страшно в товарных вагонах без печки, воды нигде не найти, и я ел снег.

28 ноября на станцию пришёл комендант по квартирам и написал на эвакуационном листке, выданном в Ораниенбауме: дом 12, кв. 5, ком. 1. Зашли мы туда с Саней посмотреть: комната 7 метров, и там уже живёт 8 человек, нас непускают, и, в конце концов, дали в доме 3, ком. 8 на 2 семьи: нас трое и их трое, комната 8,5 метров. Там и поселились. После двух бессонных ночей и стужи мы были рады, что ночуем в комнате. Перевозить вещи нам помогала очень Вера Максимовна Шорникова. Я захворал: понос, болит голова, и страшная слабость.

29 ноября. Хвораю. Если бы не болезнь, я ещё бы съездил в Петергоф и привёз бы картошки и капусты, но не было сил, и ехать никак не мог. Душевное состояние ужасное. Саня тоже хворает. Так вот какие дела, друзья мои: построил в Костино дом – отняли товарищи, построил дом в Петергофе – разбили немцы. Устроил прекрасный окоп – выгнали свои красноармейцы.

30 ноября, воскресенье. Хвораю. Саня ходила получать карточки на декабрь.

1 декабря. Понедельник. Хвораю. Морозно. Приходил навещать Павел Фёдо-

рович Андреев с Евдокией Николаевной. Он дал нам электролампочку, а то сидели без света. Недалеко стрельба. Вчера немец стрелял по Ораниенбауму.

2 декабря. Погода тёплая. Хвораю. Сильная слабость. Ходим за дровами в лес. Лес рядом.

3 декабря. Холодно и ветрено. Ездил в Ораниенбаум в милицию насчёт паспорта, ничего не вышло. Надо, говорят, справку, что проживаешь в Больших Ижорах. Был на почте. Получил 2 письма до востребования от Нины. Пишет, что нога заживает и скоро выйдет из больницы. У Фаины родилась дочь Нина. Из Ораниенбаума приехал часов в 8 вечера. Был у Мили Филипповой, дала мяса кило за пачку папирос.

4 декабря. Морозно и ветрено. Чувствую большую слабость. Павел Фёдорович дал вторую лампочку, первая перегорела. Накормил обедом: картофель жареный с салом и котлеты, очень вкусно. Относится пока сердечно.

5 декабря. Пятница. Морозно. Часов в 7 утра позавтракали, потом лёг и лежал пластом до полудня. Саня ходила на трудовую повинность. Заготовляют веточный корм для коней. Нарубить по 80 кило прутьев на человека. В первом часу пришла Саня. Ничего, говорит, не сделала. Напилили дров, сходил к П.Ф. Андрееву и к Вере Шорниковой. Выкупил хлеб на завтра – 375 гр. на троих. Затем поужинали и спать.

6 декабря. Суббота. Морозно. Хвораем все. Ходил в поселковый Совет за справкой. Евдокия Николаевна принесла мяса килограмма три, несколько макарон, крупы и масла. Очень они для нас пока добры. Мы дали им 2 плитки шоколаду и банку огурцов. Шоколад в магазине 9р.50к. 100 гр., а продают его с рук военные по 100 р. за плитку. Сегодня читал в газете, что за третье декабря расстреляли начальника дивизии Фролова и комиссара за трусость и нераспорядительность.

7 декабря. Воскресенье. Морозно. Принёс дров 5 чурок.

8 декабря. Понедельник. Ездил в Ораниенбаум получить справку и подать заявление об утере паспорта. Ночь валил снег, и днём была метель. Хотел пройти в Петергоф, но не пропустили.

9 декабря. Вторник. Погода потеплела. Облачно. С Саней распилили 3 чурки дров.

10 декабря. Ночью шёл снег. Утром поехал в Ораниенбаум. Некоторые квартиранты из нашего дома пошли в Петергоф, и я тоже направился с ними. Захотелось проникнуть туда, а главное принести оттуда пилу и топор. Первый пост мы обошли, а на втором проверяли документы и, к счастью, пропустили. У меня была только справка, что проживаю в Петергофе. До переезда в Петергоф мы прошли благополучно, а там не пропускают да и только.

Пришлось дать красноармейцу 2 пачки папирос, и он пропустил. Дошёл до своего дома, а там наш окоп сгорел, а какой был прекрасный окоп. Яма картофельная разрыта и из неё всё украдено, всё лучшее, вещи и картофель. Теперь мы совершенно нищие и обречены на голод. Если продлится война, голодная смерть неизбежна. Положение ужасное. Но всё ещё не одумались люди и хулили имя Бога всевышнего. Нашёл пилу и топор, плохие санки, насобирал кое-какого брошенного белья и поехал домой, свихнул ногу и насилиу доехал, измучился непомерно, вспотел. Приехал в Ораниенбаум, сделался крепкий мороз, а поезд пошёл в

10 часов вечера. Все перезябли непомерно. Но я рад, что привёз пилу, даже две, и топор, а то были как без рук, всё надо было просить, а это хуже всего.

11 декабря. Морозно. Отыхал. Ходил раз за досками для койки.

12 декабря. Ночью много навалило снегу. Настиася с Саней стирали ночью бельё, утром полоскали и вешали, получили хлеб на 12 и 13 число 600 гр. на троих. По 100 гр.

13 декабря. Морозно. Связал 2 голика. Саня получила продукты.

14 декабря. Воскресенье. Ясный морозный день. Сегодня ходили с Саней выполнять трудовую повинность. Рубили в лесу берёзовые сучья в корм лошадям. Ужасный корм. Нарубили 90 кг., а норма 80, значит, перевыполнили. Прощёл слух, что нас отсюда куда-то выселят. Немец, говорят, прёт сюда. Вот горе-то будет.

15 декабря. Сильный мороз. Хотел поехать в Ораниенбаум, но не дали билета, надо, говорят, пропуск, а пропуска в поселковом совете не дали. Саня сошла за досками в конюшню, которую ломали все на дрова, а её и ёщё человек 5 арестовал комендант и сказал, что выселит в холодные блиндажи. Как же не панят нам. Прибавили 25 гр. хлеба, теперь по 125 гр. на человека.

16 декабря. Ночью снежная погода. Тропинки все замело снегом. Ездил в Ораниенбаум насчёт писем Нины, но писем не оказалось. Проверил облигации, выиграли 65 рублей. Деньги получил.

17 декабря. Среда. Ездили с Саней по дрова три раза. Погода умеренная.

18 декабря. Четверг. Погода умеренная. Ездили с Марусей 2 раза по дрова. Ходил в милицию узнавать адрес Попова – узнал: деревня Сагомилье, д.1. Завтра Николин день. Вчера меня Настиася постригла, голову и бороду, и я сразу помолодел. Вымылся на кухне.

19 декабря. Николин день. Ходили с Настиасей в деревню Сагомилье, но его дома не было. Ходил ёщё к нему вечером насчёт конины. Он обещал достать. Морозно.

20 декабря. Суббота. Погода умеренная. Ничего не делал. Дело дошло до того, что вырывают трупы разложившихся уже лошадей и варят суп.

21 декабря. Воскресение. Ветreno. Погода умеренная. Ходил в дер. Сагомилье, выменял около 2 кило конины за 5 пачек папирос. У хаты стоит исхудалая лошадь и что-то ест. Я думал, что она ест клевер, подошёл, вижу – лошадь гложет положенные ей берёзовые прутья. Кони падают с голоду. Большинство народу еле волочит ноги. Немец вчера бомбардировал Ораниенбаум тяжёлыми снарядами.

22 декабря. Ночью шёл дождик. Днём мокро. Ничего не делал. Первый раз варили конину. Суп превосходный.

23 декабря. Воскресенье. Погода умеренная. Ходил в деревню Сагомилье.

23 декабря. Подмёрзло. Ездили за дровами с Марусей. Саня получила продукты до 1-го января.

24 декабря. Среда. Холодная погода. Сделал из ящика стол. Ходил к Андрееву.

25 декабря. Четверг. Сегодня поворот. Начнёт день прибывать. Морозно. Устраивал кровать. Саня ночью стирала бельё до 2-х часов. Я носил воду.

26 декабря. Пятница. Мороз 25 градусов. Строил кровать. Говорят, что с 25 декабря прибавят 75 гр. хлеба. Будет 200. И публика ликует. До чего глуп и мелочен народ. $\frac{1}{2}$ фунта в день – разве это питание?

27 декабря. Суббота. Морозно. Ходил в д. Сагомилье. Выменял за 3 осьмушки 3 кило конины.

28 декабря. Воскресенье. Морозно. Ничего не делал. Получили хлеб наполовину из жмыха, как глина.

29 декабря. Понедельник. Утром пошёл за хлебными карточками на январь 1942 г. в поселковое Управление, но не получил, сказали, будут вечером. Получили в магазине красного вина $\frac{3}{4}$ литра, по $\frac{1}{4}$ на карточку, по 7 р. 50 к. л.итр, на 5 р. 65 к. Хлеба сегодня совсем не давали, не подвезли. Народ голодает и терпит. Долготерпелив ты, русский народ, и дурачив. Хлеб у военных можно купить по 50 р. кило. Была у нас одна баба, Соня, сказала, что если не улучшится положение, то повешусь. Придёшь домой, ребятишки просят есть хлеба, а хлеба нет. Одна девочка у неё умерла с голода.

30 декабря. Вторник. Холодно. В 8 часов утра ходил в Поселковое, получить карточки. Получил.

31 декабря. Среда. Морозно. Встал в 7 часов утра и пошёл в магазин, занять очередь за хлебом. Получили в 2 часа 375 гр. на троих, хлеб, что глина. Легли спать в 5 часов вечера. Вот как встречали новый год.

1942 год.

1 января. Четверг. Новый год – ужасный год. Морозно. Ночью было немного снегу. Встали в 6 с $\frac{1}{2}$ часов утра и начали готовить завтрак. Сварили картофельные очистки, которые вчера принесли Андреевы. Замесили отрубями и наpekли лепёшек. Из конины хотели сделать котлеты, но вышло нечто вроде каши и очень вкусно, только мало. Такого печального нового года ещё никогда не бывало, разве только тогда, когда был Наседкин.

2 января. Пятница. Холодно. Ничего нового. Каждый день слышна стрельба. Невероятно тяжёлая, голодная жизнь. Утром в 4 часа пришел комендант проверять документы и, т.к. я не имею паспорта и жил без прописки, велел явиться в Поселковое Управление. Там меня арестовали и ещё 4-х человек и под конвоем отправили сначала в Малые Ижоры, потом в Ораниенбаум в милицию. Просмотрев мой документ, нашли всё в порядке и отослали опять во 2-й городок, чтобы там прописаться, но меня опять не прописали, и опять придётся ехать в Ораниенбаум за новым документом. Когда комендант в Поселковом просмотрел мои документы, то сказал: «А вот с тобой поговорим особо». Ну и поговорил, но ничего особого не получилось. Я не пропал.

3 января. Суббота. Метель. Ходил на гору в д. Сагомилье к Попову насчёт конины. Посулил 7 копыт за 3 пачки папирос. Дал ему ещё 2 пачки, велел прийти в субботу. Рады мы и конским копытам. Был в деревне Большие Ижоры, д. 18 у Аркадия Марковича Локтионова, лежит больной. Я нашёл горсть муки на дороге и взял её.

4 января. Воскресенье. Холодно. Получил хлеб на 3 дня 1 кг. 125 г. Был у Андреевых, принёс от них картофельных очисток и кость мясную, конечно, бывшую уже в деле.

5 января. Ночью выпало много снегу (сырого). Хотел идти в Ораниенбаум насчёт прописки, но пропуск получил только в 11 часов утра и на поезд не попал. Прикрепил карточки к магазину. Шёл из Ораниенбаума пешком.

6 января. Вторник. Холодно. Ночью у одного гр-на зарезали в сарайчике

корову, скоро бы отелилась. Преступника нашли, но говорят, ничего не будет, сделка с милицией. В 8 часов утра пошёл в Ораниенбаум за документами. Дали удостоверение до 15 марта, а прописали в Поселк. Упр. до 8 апреля. Снялся в фотографии для паспорта, 2 карточки – 2 рубля. Получать 9 января, 42 (года).

7 января. Среда. Рождество Христово. Невесёлое было Рождество. Хорошо, что ещё Андреевы дали мяса и картофельных очисток. Меня накормили прекрасной жареной картошкой и гороховым супом. Получил от Файны 200 р. В нашем доме милиция у двоих отобрала жмыхи. Наверное, было донесено. Морозно.

8 января. Четверг. Морозно. Ходил к Попову в д. Сагомилье. Ничего не принёс. Дело доходит до того, что хлеб с рук доходит до 50 р. за кило. Едят кошек и собак и умирают с голоду.

9 января. Пятница. Ходил к Попову. Принёс 11 копыт, по 2 копыта на пачку папирос. Ночью с Настасьей мы их опалили на кухне и одну сварили прямо с роговиной. Кушать можно. Был ясный морозный день.

10 января. Морозно. Ходил к Попову. Принёс запаянное ведро. Хлеба не получили, не хватило.

11 января. Воскресенье. Морозный солнечный день. Ходил к Попову. Снёс пачку папирос, чтобы обменял на копыто. Хлеба опять не хватило. Говорят, что немец продвигается берегом залива к Мартышкину. Сильно стреляет по Ораниенбауму.

12 января. Понедельник. Морозный солнечный день. (Днём ходил к Попову). Хлеб опять не привезли в магазин. Народ голодает. Вырывают трупы разложившихся лошадей и едят. Едят кошек и собак. Это уже роскошь. Только и разговаривают, что о хлебе.

13 января. Вторник. Сильнейший мороз. Утром пошёл в д. Сагомилье к Попову, но ничего не принёс. Ходил к Андреевым. У них обедал. Покормили прекрасным гороховым супом с хлебом. Получили хлеб за 4 дня.

14 января. Среда. Новый старый год. Сильнейший мороз. Получили хлеб за 14 и 15 января.

15 января. Среда. Потеплеет. Вчера в нашем 3-м доме ездили за кониной. Соблазнился и я. И вот мы человек 10 отправились под Лебяжье (9 вёрст), ничего не нашли кроме разрытого уже конского кладбища, где одна партия, приехавшая раньше, человек 8, разрывали одну конскую могилу. Там были зарыты две лошадки, одна на другой. Кругом разлагающийся трупный запах, шерсть слезла, копыта сваливаются, и страшное скнившее почерневшее мясо, и такую конину всю забрали и будут есть. (Впоследствии все эти едоки умерли от отравления кониной). Что-то кошмарное. О, всемогущ ты, царь голод. Мы приехали напорожне и, слава Богу, избежали пока смерти. А конинки-то хотелось, т.к. голод стучит во все бока. Устали страшно. Пришёл из Питера П.Фёдор. Андреев. Рассказывает, что такого кошмара, такого ужаса всю жизнь не видел. Трупы умерших от голода валяются по улицам, и их не убирают даже. Люди падают и умирают с голоду. Света нет, воды нет, дров нет, люди сидят и спят в комнатах, не раздеваясь, уборные замёрзли, и испражняются где попало, весь город загажен. Трамвай не ходят.

16 января. Холодно. В 7 ч. 30 м. утра поехал в Ораниенбаум за фотокарточками, но, т.к. поезд на Ижоры идёт в 9 ч. 50 м. утра, то обратно шёл пешком.

18 января. Воскресенье. Морозно. Ездили с Саней по дрова 3 раза, 4-й не дали, поставили часового. Крещенский сочельник. Хлеба не привезли.

19 января. Крещение господне. Морозно. Ходил в Сагомилье к Попову, принёс ещё копыто. Хлеба опять не досталось.

20 января. Сильнейший мороз. Ходил в д.Сагомилье и в д.Дубки, наклеивал объявления насчёт питания в столовой учеников Рем. училища. Устал и очень озяб.

21 января. Сильнейший мороз. Получил хлеб за 18, 19, 20 января. С 20 января числюсь на работе при столовой РУ № 78. Вечером пришёл П. Фёдорович Андреев и сказал, что завтра надо ехать в Ораниенбаум, подавать телеграмму в Ленинград.

22 января. Пятница. Умеренная погода. Пришёл на станцию в 7 час. утра, а поезд ушёл в 6 ч. 20 мин., так и пришлось идти пешком в Ораниенбаум и обратно, да ещё по такому морозу, такому голодному.

23 января. Сильный мороз. Саня сегодня утром уехала по дрова за Сагомилье. Я получил хлеб.

24 января. Воскресенье. Сильный мороз. Получили хлеб. Потом оказалось, что хлеба прибавили до 200 гр.

25 января. Сильный мороз. Получить хлеб не удалось.

26 января. Понедельник. Сильнейший мороз с ветром. Хлеба опять не привезли. Сидим два дня без хлеба. Хлебаем суп, в котором сварено конское копыто с роговиной, и крупинка крупинку догоняет. Плохо ложиться спать с тощим желудком.

27 января. Сильный мороз. Саня встала в 7 ч. утра и пошла к магазину за хлебом. Получила хлеб за два дня и добавок с 24 января, всего 825 гр., и сразу съели больше половины.

28 января. Морозно. Ездили с Саней в лес за Сагомили за дровами, за 4 версты, для столовой РУ №78. Навозить 5 куб. м. в месяц и распилить их, за всё 25 руб. и трудовая карточка. Хлеба не дают. Нутро подволокло порядком.

29 января. Морозно. Начали возить на дрова баню и навес с Б.Ижор, к столовой. Хлеба не получили. Получили муки по 3 р. 20 к. (белой) по 140 гр. за 200 гр. хлеба и заварили киселя. Состояние слабое, ноги и руки дрожат.

30 января. Морозно. Возили строение с горы. Вчера и сегодня по распоряжению директора столовой, Александра Никифоровича Штукова, удалось пообедать, что весьма полезно для голодного желудка. Хлеба не привезли.

31 января. Суббота. Холодно. Возили с Саней строение с Б. Ижор. Хлеба не привезли. Желудок пуст. Удалось поесть супу и каши в столовой, а то хоть умирай. Много людей умерло с голоду. В нашем 3-м доме уже трое.

1 февраля. Воскресенье. Холодно. Получили и мы с Саней рабочие карточки первой категории, будем получать по 350 гр., да Настасья 200 гр., итого 900 гр. Хлеб получили за 30–31 января и 1 февр. И, конечно, с голоду можно бы съесть всё. Саня почти так и сделала. Я повздержался и оставил на 1,5 дня. Ездили раз за постройкой. Вечером снежок. Начали кормить учен. РУ № 78 при столовой.

2 февраля. Понедельник. Морозно. Ездили с Саней раз за постройкой. Потом Андреев хлопотал об общежитии ремесленникам, но ничего не вышло, не нашёл. Нашёл в одном помещении варёного масла для краски и ел его с хлебом.

3 февраля. Морозно. До того уж я ослаб, что едва хожу, кожа да кости, силы

совершенно нет, ноги не шагают и до колен, как не свои, руки до локтя дрожат. Андреев набросился на нас с Саней, что поздно пришли на работу, а я ему сказал: «Видишь, что человек погибает, надо же понять», и он велел мне идти отдохнуть. Саня ездила за дровами для себя с красноармейцем, который стоит у нас на квартире. Пришла пожарная команда, и мы думали, велят сломать печку, но, к счастью, обошлось благополучно, говорят, печка богатая. Мы за это возблагодарили Господа Бога: у нас будет тепло и плита своя. А то, когда мы её сложили, на другой день пришёл пожарник и велел немедленно сломать. Вот плохо-то было. Всё-таки тогда не сломали, уж очень много было трудов, кирпича было из сарая натаскано 250 штук, Саня с Марусей устали донельзя, прямо-таки ходить не могли. А удобство-то какое готовить в своей комнате: никто не мешает, а то на общей кухне 35 семей и весь день очередь. Слава Богу за всё. Хлеба не привезли.

4 февраля. Морозно. Хлеб хотели выдавать утром, но не привезли. Андреев смиловался и велел ещё отдохнуть. Хлеб получили вечером на 3-е и 4-е февраля.

5 февраля. Морозно. Хвораю от голода.

6 февраля. Сильнейший мороз. Отыхаю голода ради. Хлеба 350 гр., мало.

7 февраля. Тёплая приятная погода. Облачно. Отыхаю голода ради. Саня тоже не работает сегодня.

8 февраля. Тепло, облачно. Воскресенье. Снёс в починку трое часов карманых: за одни – 70 р., вторые – 65 р. и трети – 50 р., всего 135 руб. Люди мрут с голода. Я очень ослаб, не работаю.

9 февраля. Умеренная погода. Слабну, не работаю. Вечером вымылись в корыте: я, Настасья и Саня. До того ослаб, что мыться сам не мог, мыла Настасья.

10 февраля. Умеренная тёплая погода. Лежал по слабости, не работал. Саня мыла пол в общежитии учен. РУ № 78 в приморском хуторе д. 22.

11 февраля. Прекрасная погода, ясно и не морозно. Лежал по слабости. Ходит множество разных слухов: что 12 прибавят 50 гр. хлеба, что 23 будет мир, что поедем опять в Петергоф, что второй городок займут военные, что с 15 прибавят всех продуктов. Утром Саня получила конфеты и хлеб по старой норме: 200 гр. на иждивенцев и 350 на рабочих.

Днём вдруг пришло распоряжение прибавить по 50 гр. хлеба с 11 числа, и вот дополучили ещё. Благодарение Богу, будем живы, а то я был уже на краю гибели.

12 февраля. Хорошая погода. Лежал по слабости. Принесли районную газету «Вперёд» и перевод от Фаины на 250 руб.

13 февраля, сегодня холодней. Получил от Фаины 250 руб. денег. Пишет, что умерла дочь Ниночка. Жаль малютку, вечный покой ей. Утром едва сходил на почту: ноги не идут и слабость невероятная. Принёс часы из починки – заплатил 100 руб., ещё остались двое. Ходят плохо. Купили с Марусей вдвоём буханку хлеба – 2,5 кг. за 200 р. Нам – 1250 гр., и мы их сразу съели, но ещё мало, надо бы ещё. Ходил на почту уже бодрее. Вот, что значит хлеб.

14 февраля, суббота. Хорошая погода. Получили хлеба на 14 и 15 и весь съели. Не работаю, поправляюсь от слабости голодной.

15 февраля, воскресенье. Сретенье господне и масленица. Приятная погода. Хлеба утром не было, привезут, говорят, только к вечеру. Сидим так, порожняком, натощак, масленица совсем не маслянная. Говорят, что сегодня прибавят хлеба 100 гр., но не верится, скорее, болтовня одна.

16 февраля. Ясный морозный день, прекрасная погода. Сегодня хлеба не получили опять. Второй день живём без хлеба. Нутро подволокло опять, и ноги плохо повинуются.

17 февраля. Морозно. Сегодня Саша получила хлеба на три дня, на троих 3,150 кг. Слава Богу, опять с хлебом.

18 февраля. Морозно и ясно. Всё болею с голоду. Сегодня съели порядочно хлеба. Пришёл красноармеец и купил ломаные часы (И.Цветова) за 300 руб., потом на второй день принёс обратно. Я не взял. Дал ему ещё Мишины часы, тоже плохие, не ходят, хотя и починены. Взял ещё с него 50 р., но 5 р. не додал, осталось 45 р. Я доволен.

19 февраля. Морозно. Настасья продала Степановы часы за 3,5 буханки хлеба (буханка военная – 2,5 кг), а за буханку мы платили 200 р., так что если перевести на деньги, то часы ушли за 700 р. Я доволен, и все мы сегодня наелись хлеба досыта, съели больше 4-х кило за день.

20 февраля. Умеренная погода. Сегодня дают продукты. После вчерашней закуски я стал несколько покрепче, ноги ходят почти нормально. Вот что значит хлеб. Сделал гроб мальчику 6-ти лет, который умер с голоду в соседней комнате, за 25 руб.

22 февраля. Воскресенье. Прекрасная погода. Сделал санки. Сlab опять.

23 февраля. День Красной Армии и Флота. Хорошая погода. Ничего-то нам в этот день не дали, кроме хлеба впроголодь. Сделал задвижку к печке. Хорошо, что печку нам топить разрешили. Слава Богу.

24 февраля. Вторник. Умеренная погода. Слава Богу, морозы пока миновали, дни стали длиннее. Какая судьбина ждёт нас весной? Хлеба сегодня ещё нет, а есть хочется. Слабость невероятная; ноги плохо повинуются, силы совершенно нет, 2 ведра воды с колодца едва принёс. Ходил в амбулаторию насчёт кашля. Дали порошки.

25 февраля. Среда. Умеренная погода. Всё болею, не работаю. Послал письмо В.И. Богомолову. Хлеб съели в обед, к вечеру нет.

26 февраля. Чудесная солнечная погода. Сильная слабость. Хлеба не привезли. А люди мрут и мрут. Говорят, из 4 тысяч в Б. Ижорах осталось не больше двух, остальные умерли с голоду. На кладбище везут и везут, всё больше без гробов. А хлеба не прибавляют.

27 февраля. Сильный ветер. Чувствую ноги покрепче, т.к. покушал хлеба. Ходил в Сагомилье к Попову насчёт сварки топора, но оказалось, что он уехал в Питер. Ветер на горе валит с ног. Хлеб получили на 27 и 28 февр. и съели весь утром.

28 февраля. Морозно. К вечеру метель. Рем. уч. 78 уезжает куда-то, и мы с Саней остаёмся без работы. Вот и призадумались: паёк будет, как иждивенцам, 250 гр. хлеба, и мы решили взяться возить дрова к дому детей инвалидов – 5 куб. м. в месяц по 15 р. с куба за карточку первой категории. Потом решили в военную столовую – 6 куб. м по 25 р. за куб., да оттуда и возить поближе. К вечеру сделалась метель, и мы с Сашей решили всё это прекратить и оставаться пока безработными, т.к. сами мы настоящие скелеты, очень пригодные в анатомический зал, и ноги плохо повинуются. Я посмотрел рукой свои ноги и ужаснулся: одни кости, мяса нет. Сегодня сидим без хлеба, карточки ещё не полу-

ны. Андреев побоялся нам выдать на март трудовые карточки или вернее не захотел, хотя и мог бы дать на три дня, а потом переменить на иждивенческие. Делец мужик. С начала декабря он стал ко мне относиться совсем иначе, чем раньше, — весьма холодно, обедать или пить чай уже не посадит, забудь думать, а раньше отбою не было. Даже сказал, чтобы на квартиру не ходил, а ходил только в контору, в столовую. Я просил, чтобы иногда пообедать в столовой, — отказал категорически. «Сам, — говорит, — не пользуюсь», хотя я точно знаю, что он в столовой питается не только сам, а вся семья. Обедает там бухгалтер и завхоз. Одним словом, вполне проявил своё лицо и низменную натуру. А сначала говорил, что я вас прокормлю и буду давать ежемесячно 150 р. денег. А затем, когда мы шли с ним в столовую, он сказал: «Если бы ты не был отец Степана, я бы для тебя ничего не сделал». Это меня очень оскорбило, хотя я ничего ему на это не сказал. Вот каков человек Павел Фёдорович Андреев. Конечно, он много сделал для меня и семьи, много доброго, но мог бы не в ущерб сделать гораздо больше. Все другие, все приятели до чёрного лишь дня. Он решил, что я не переживу этого голода и прямо сказал, что мы с тобой уже никогда не увидимся. Это означало, с его стороны, что моя песенка уже спета, и с этим человеком церемониться нечего. А я смотрю иначе: надеюсь на Бога, что Бог спасёт меня.

26 февраля приехал из Питера П.Ф.Андреев. Говорит, что там с питанием лучше. Заходил, говорит, к Нине на квартиру. Стучал, стучал — никого нет. Потом вижу, идёт женщина. Я спросил, не из 7-й ли квартиры, а она говорит: «Да». Я спросил, живёт ли здесь Бутыленкова Нина? Она говорит: «Не знаю». Потом вспомнила. Говорит: «Действительно, приходила сюда, принесла ордер на квартиру — проспект Нахимова, д.16, кв.7 и с тех пор больше не была». Я, говорит, написал на конверте свой адрес, и чтоб пришли по нему, и опустил в ящик на двери, но она не приходила. Страшно что-то. Что с ней? И писем нет. 28 февраля Настасья гадала у опытной гадалки Александры Карповны на картах, и вышло, что Нина очень сильно больна. Фаина про неё ничего не пишет, что-нибудь да неладно. Очень уж жаль Нину, очень уж хорошая Нина была дочь, такие бывают редко. Спаси её и сохрани, Боже милосердный.

1 марта. Вот и март. Облачно, снежок. Сегодня воскресенье. Конечно, настоящий старинный март наступит 14-го, а это март новый, не так устойчивый. Получил расчёт за вторую половину февраля по должности истопника при столовой РУ №78 да раньше с 20 января, 203 р. Взяли военного налогу 25 р. да подоходного 3 р. Саня получила в поселковом управлении продуктовые карточки на март — иждивенческие.

2 марта. Понедельник. Снежно. Ходил в больницу за порошком от кашля, у всех разговоры о хлебе. Приготовлял письма в Питер. Ходил к П.Ф. Андрееву, просил уплатить по счётам за сделанные для РУ санки, которые он заказывал и сказал, что заплатит, и за точку и установку пилы и за метёлки — всего 55 р. Отказал. Санки, говорит, не надо, метёлки тоже. Просил взаймы денег (хотел 200 р.). Отказал. «Какие, говорит, деньги взаймы, себе деньги надо, я еду не знаю куда». А у самого около 1000 р. в кассе и получает за сына 500 р. в месяц. Ну да Бог с ним, а всё-таки обидно.

3 марта. Вторник. Снежная погода. Состояние слабое. Ноги плохо ходят. Руки трясутся. Ходил к бухгалтеру Николаю Григорьевичу Жукову подписать

трудовую книжку. Его не оказалось дома. Я зашёл к П.Ф.Андрееву, думал, он не у него ли. А Андреев говорит: «Зачем ты пришёл, шёл бы к бухгалтеру». Мне сделалось очень обидно, я говорю, что был у него, но его дома нет, думал – у вас, вот и зашёл, и думаю, что вам этим ничего обидного не сделал. Повернул спину и ушёл вон.

4 марта. Среда. Утром холодно. Утром пошёл в Б.Ижоры к Лактионову Аркадию Марковичу, он едет тоже с РУ 78. Насилу дошел. Оттуда зашел к П.Ф. Андрееву. Он с семьёй сегодня уезжает вместе с РУ 78. Дали костей хороших кастрюлю. Сам П.Ф. вышел вместе со мной в коридор, положил в кастрюлю полкило хлеба и говорит: «Ты уж извини, Иван Максимович, что я так обращался с тобой, я очень нервный. У меня во как накипело. Мы ещё со временем встретимся. Счастливо оставаться. Приходи в столовую к 10,5 часам (хотел, наверно, дать пообедать). Меня отчасти это удовлетворило, но не вполне, уж слишком иногда обидно было его обращение со мной. Зашли мы с Сашей в столовую в надежде, что накормят обедом, но в конце концов он всех своих родных и соучастников накормил, а к нам подошёл и сказал: «Вам ничего не осталось». И мы со стыдом ушли. На квартире сварили приличный суп из костей и недурно пообедали. Получили хлеб на 4-ое и 5-ое марта. Хорошего качества. Благословен ты, хлеб! Дар всевышнего. Благословлено имя его. Тебе поём. Тебя благословим! Тебя благодарим, Господи! И молимся, Боже наш. Слухи, что прибавят хлеба. Не верится.

5 марта. Морозно. С Сашей нигде не работаем. Ослабли. Отдыхаем. Получили письмо от Фаины от 28 января. Пишет, что очень плохо: голодно и холодно. За хлеб давали мукой 45-ти процентной. Юрика накормила досытая лепёшками, так что Юрик даже удивился, а лепёшки сухие, без всякой приправы.

6 марта. Пятница. Морозно и ветер. Ходил в клуб на собрание в 4 часа вечера, был доклад для гражданского населения о международном положении. Ничего интересного докладчик не сказал, говорил, что всё хорошо, худшее позади, а когда стали просить хлеба, что народ умирает с голода, то он говорит: «Ещё не такие жертвы есть на войне. Хлеба прибавят, но когда?» Сам он нарядный сытый ребенок, шея на воротник просится, и сам лопнуть хочет, а фронта он, я думаю, и в глаза не видал.

7 марта. Морозно. Днём прекрасная погода. Ходил в поселковый совет заверить подпись П.Ф. Андреева на доверенности на охрану бани на его участке в Петергофе и пользование огородом. Выдавали хлеб даже на 9-е марта. 21 семью с детьми эвакуируют из Ижор в Ленинград.

8 марта. Воскресенье. Морозно, но хорошая погода. Наступила четвёртая неделя великого поста. Сидел в квартире и делал очечницы, вклеивал kleem стёкла в очки.

9 марта. Хорошая погода. Начинают эвакуировать семейных из Б.Ижор через Ленинград в Омск, Томск и Куйбышев. Какая-то судьба ждёт нас с Настасьей и Сашей? Получили хлеб на 11-е. Настасья с Сашей съели весь уже, а я растягиваю, у меня будет на 10-е и на 11-е марта, иначе я не могу, продуктов не дают ещё, хлеба не прибавляют. Хорошо, что Лида (наша квартирантка) дала 3 рыбинки салаки, так сварили. Я сегодня весь день лежал. Охота бы пережить этот голод. Начали эвакуировать семейных в Ленинград.

10 марта. Пасмурно. Шёл весь день снег. Получили хлеба на 12-е и весь съели. Никуда не ходил. Писал дневник. Голодаем.

11 марта. Среда. Морозно. Сегодня Саня получила хлеб на 13-е и продукты на 15 дней – крупы ячневой 1 кг 50 гр., конфет 450 гр. Разделили по частям. Сегодня всё-таки покушаем, а то совсем нутро подволокло, и сами совсем отошли, силы нету.

12 марта. Морозно. Днём ясная погода. Солнце начинает пригревать. Ходили с Настасьей к Вере Максимовне Шорниковой. Рядом с нашей комнатой забрали в милицию Иванову Анну Михайловну, за то, что в Петергофе хотела перейти к немцам, сошла, но её не приняли, и пришлось вернуться назад, как и многим другим женщинам. Брали только военнообязанных.

Я вот никогда не хочу к немцам, под иго иноплеменников. У нас сейчас нехорошо, да и у них не лучше. Конечно, немцы, безусловно, культурнее нас, но они захотят быть господами над нами, а я из опыта жизни знаю, что для человека главное – здоровье и свобода. Лучше этого только ёщё бог и чистая совесть.

13 марта. Морозное утро. 22 градуса мороза. Ясно, солнце. Семейные уезжают в Ленинград по направлению в Омскую область. Вчера одна женщина получила на свои и чужие карточки 2 кило хлеба и 1,5 кило крупы, всё съела, пришла на квартиру и умерла. Осталось трое детей.

15 марта. Воскресенье. Мороз 22 градуса. Получили хлеб на 17 число. Экономлю и ем по 125 гр., но силы стали сразу слабнуть, значит, 125 гр. паёк смертный. У нас ночевала женщина со станции Калищи (25 вёрст) с трёхлетней девочкой. У неё было получено хлеба на пять дней, и сразу почти всё съела. Девочка уже два дня не ела ни хлеба, ни супа, а сама Зина (мать) уехала в Калищи ёщё на два дня, а девочку оставила здесь без крошки хлеба, ужас какой-то.

14 марта. Морозно. День ясный, холодный. Сегодня Евдокия. «На Евдокии погоже, всё лето пригоже». Ем вчера и сегодня по 125 гр. хлеба. Раньше съел за два дня вперёд, теперь нагоняю.

16 марта. Мороз 25 градусов. Зима стоит какая-то невероятная, только был один небольшой дождичек за всю зиму, а то всё морозы и морозы. Одним словом, ужасная зима, и началась она ёщё до Покрова, а лёд стоит, говорят, только двенадцать недель, значит, весна должна быть ранняя. Дай-то Бог. Сегодня выяснилось, что одиночки могут ехать в Ленинград и далее в Омскую область. Мы хотели идти за пропуском, но т.к. я очень слаб, то решили отдохнуть дня три и ехать в Ленинград. Сегодня у Настасьи и Саши не было ни крошки хлеба, положение, конечно, ужасное, думали, как и быть. Но Саше попала Александра Николаевна (старушка), спросила про меня, Саша говорит, что лежу, и она дала грамм 300 хлеба и кусок мяса. Правду говорят, что свет не без добрых людей. Я посмотрел на голодную девочку Зины и велел Настасье дать ей кусочек хлеба, который она с жадностью съела. Вечером получили письмо и перевод от Фаины на 300 рублей (спасибо ей). Пишет, что умерла свояченица, Татьяна Петровна. 11 февраля в 9 ч. утра. Мир её святой душе. Хорошая была девица. Чистая девственница. Она старше меня на год, ей 66 годов. Фаина ждёт нас, и мы решили на 22 марта попасть туда. Боже, помоги нам! Нина ёщё пишет, что лежит в госпитале. Может, теперь уже вышла. Днём стало облачно, хотя и холодно. Возможно, что погода переменится. Арестовали Марью Павловну Селюк с мужем Матвеем Рома-

новичем за присвоение имущества некоей гр-ки Ковальской, бывшей генеральши. Были бриллианты, золотые и серебряные вещи.

17 марта. Морозно. Прекрасный самый солнечный день. Ходил в поселковое управление заверить перевод на деньги и взять пропуск в Ленинград, но пропуска пока прекращены, пока санитарная комиссия обойдёт дома, но причина, говорят, не та, а из-за того, что не могут перевезти всех эвакуированных, кроме того, холодно, и много детей и людей замёрзло. Деньги не получил. На почте нет. Велели прийти завтра.

18 марта. Жестокий мороз, говорят, 40 градусов, но я, думаю, всё-таки поменьше. Ходил на почту, получил деньги от Фаины, 300 рублей. Насилу же я сходил туда, совершенно ноги не повинуются. Всё одно, как не мои, даже выше бёдер, руки до плеч тоже, как не мои, одрябли и дрожат евангельский расслабленный. Боже, исцели и спаси меня, дай мне силы пережить этот голод! Вечером вывесили объявление, требуют в Ленинград рабочих завода ТТК №1, а я там работал. Дай то боже, чтобы взяли туда, хотя бы попасть в Ленинград из этих ужасных Ижор, где всё опротивело до того, что прямо не смотрел бы. Сегодня съели утром свои 250 грамм и затем говеем до 11 часов 19 марта. Марью Павловну с мужем увезли в Ораниенбаум. Вот большое горе.

19 марта. Мороз. День ясный и холодный. Узнали, что с заводом не уехать, берут только тех, кто не взял расчёт, а у меня расчёт взят. Кроме того, повезут в Углич. Приходится искать машину за свой счёт и главное – получить пропуска. Получили хлеб на 20-е, съели утром и должны говеть сутки, а итак голодно. Общее состояние очень слабое. Снёс в починку часы мастеру, переменить стрелку, за 50 рублей. Предполагаем отсюда уехать, Елизаров, дескать, нашёл машину, которая погрузит у квартиры и увезёт в Ленинград, но я этому не верю.

20 марта. Морозно. День солнечный, весёлый, а кругом голод и смерть. Сегодня утром пришёл милиционер и увёл Марусю в милицию, что-то вроде восьми украденных карточек, продуктовых, Райкой у какой-то девочки, а когда пришла из милиции, то, говорит, что требовали насчёт часов подруги, которые она продала, а за это её отдают под суд и вырезали из карточек на два дня хлеба, а карточки, дескать, украл Елизаров. Дело тёмное. Вот уже сегодня по старому 7-е марта, а зима стоит жестокая, без оттепели. Боже, спаси нас! Маруся Егорова в большом расстройстве: наверно, говорит, меня отсюда не выпустят, арестуют, т.к. кто-то донёс, что не сообщила, почему жильцы её окопа переходили к немцам. А она-то причём тут, ведь она их не посыпала, кроме того, ведь должна же на передовой линии быть военная охрана.

22 марта. Утром мороз. День холодный солнечный. Сегодня вербное воскресенье, сорок мучеников и весеннее равноденствие, т.е. день равен ночи: 12 часов день и 12 часов ночь. По старому сегодня девятое марта. Сегодня Саша получила по 250 гр. хлеба и продуктов: макарон 350 гр. и крупы 700 гр., конфет 450 гр. и купила 12 шт. конфет, вроде соевых, в бумажках, 12р. кило, купила по 10 р. штука на 120 рублей, да ещё у Лиды взяли 6 шт. по 10 р. на 60 рублей, всего на 180 рублей. И это всё на поддержание жизни. Завтра думаем попробовать взять пропуска и эвакуироваться в Ленинград. Не знаю, как мне будет со своей немощью. Боже милосердный, помоги, спаси меня! На тебя на одного моя надежда и спасенье, дай мне выбраться отсюда, а также Настасье и Саше к милым, дорогим

детям, вместе встретить светлое твоё воскресенье. Какое же это было бы великое счастье, какая великая милость с твоей стороны, милосердный Боже. Настало решающее время, спаси нас! Сейчас заваривает Саша кашу для подкрепления. Саня продала ломанные часы за 250 рублей. Запаило! Часы металлические и больше 50 рублей не стоят. Силы падают, а уехать отсюда охота, Боже, помоги!

23 марта. Утром оттепель. Две недели до благовещения, а говорят: две недели недоездишь или две переездишь. Нынче, вероятно, две недоездишь, весна должна быть ранняя. Настасья ушла записываться, но едва ли что выйдет, народу, говорят, много. А уехать бы надо, а то погибнем здесь с голоду. Записаться на эвакуацию не пришлось.

24 марта. Вторник. Пасмурная погода, капает с крыш, дорога падает. Настасья ушла в поселковый совет за получением пропуска на эвакуацию. Как-то ей Бог поможет. Боже милосердный, спаси нас. Становлюсь всё слабее. Хлеб получили на 25-е. Крупы ещё раз положить в воду. Господи, помоги нам встретить Пасху вместе с родными.

27 марта. День холодный, дует ветер, метёт. Я пойду в Поселковый. 27 марта – смерть Ивана Максимовича. 27 числа в 2 часа утра скончался мой дорогой, любимый муж, милые детки, а ваш дорогой отец. 26, 25 и 24 обещал мне, что надо написать письмо Степану завтра. Я ему сказала 25-го: что ж, напиши письмо, – завтра, говорит, да так и не смог уже, а 26 числа мне только и говорил: «Боже мой, как я хочу в Лесное, увидеть детей и внучков», всё посыпал к Вере Шорниковой: «Иди скажи ей, чтобы она спасла нас, дала бы машину швейную шоферу, чтобы он свёз нас, мы ей уплатим за всё». Как жаль его. Он не мог смириться, что помереть. Я его успокаивала, говорю, что 27 запишусь, и потом схлопочем машину и тебя теплее оденем и свезу, а вот 27-го ходила в Поселковый и опять записи нет. Вывозят всё финнов, а мы опять так. Сегодня уже не спрашивает, как дела. На лице не то, чтобы страданье, а страшная грусть. Царство ему небесное! Отстрадал и есть не хочет. Вчера мне говорил: «Как бы картошечки мятой, ой как бы поел». За последнее время купили конфет много, всё подкрепляли, но уже поздно, да этого и мало. Покупала Саня сахару, всё ему норовили, но уже никак не удержать. Жиров нет, а высох, только кости одни остались. И все ночи не спалось, и думал, как бы детей увидеть и поесть как следует. И очень доволен Василием Ивановичем. Он поддержал нас. Всё-таки иногда и прикупали что-нибудь. Спасибо Фанюшке.

28 марта. Никуда не ходила. Утром встала и думаю, как бы гроб соорудить, а было решено уже так похоронить, в общую могилу. Саня ушла за хлебом, хлеба не оказалось в магазине, и она пошла домой, на заставе оказалась проверка документов. Её увели в комендатуру и засадили. Я, ничего не подозревая, что Сани нет, начала собирать доски у тех, кто уезжает по комнатам, да сходила от сарая отодрала, гвоздей из стен навынимала, пилку нашла и принялась гроб делать. Напилила досок и сколотила, а на низ настлала фанеру, и незаметно время прошло. Уже 3 часа, а Сани нет ещё, и не ели. Хлеб несут. Я тогда испугалась, думаю, что случилось с Саней. Одна сказала: «Неси паспорт. Шура забрана». Я ходила. Хлеб выкупили уже в пятом часу. Поели и принялись гроб доделывать. Сделали. Обили белым и хорошо устлали. Как-то приятнее стало.

29 марта. Вербное воскресенье. Саня принесла хлеб. Подкрепились немнож-

ко, да 100 гр. купили за 35 р., и пришла Вера Шорникова, а мы стали с Саней выносить папу. Сначала гроб на сани поставили, а потом вынесли папу и положили в гроб. Простились, заколотили и повезли. Вера помогла немного, а потом ушла домой, и мы с Саней отвезли на кладбище. Погода холодная, дует ветер. Наверное, весна красна будет. Подрядили могильщика за 60 р. и положили в сырую могилу. Вечная память ему. Хороший был. Не вспомнишь плохим. Боже мой, как скучно. И что будет с нами? Вывезут ли отсюда? Так тяжело. Выдержим ли мы? Увижу ли хоть кого из детей?

30 марта. Сегодня день солнечный. Ходила в Исполком, и записали на эвакуацию. Как-то мы выедем, силушки нет, всё дрожит. Наверное, вещи, которые есть, бросить половину придётся, а всё нужное, необходимое. Ходила к Ивану Максимовичу на могилку. Горько-горько плакала, а он ничего не говорит, лежит в сыпучем песке. Как ему хотелось уехать! Бог не привёл, очень жаль. По обе стороны невдалеке высокие сосны, в головах пень новый, по правую сторону головы железный крестик, а по левую – чугунный, и перед ним братская могила. Я сколотила маленький крестик и вырезала буквы: фамилию, имя, отчество, ещё положила железку. Не знаю, найдём ли после могилку, если живы будем.

13 апреля 1942 года – день смерти моей дорогой сестры Нины. Умерла бедная Нина по дороге из Ленинграда в ужасном вагоне. Труп её мы с моей покойной мамой зашили в простыни, надели ей на шею крестик и так вынесли её из вагона. Как это было ужасно. Это было на станции Череповец. Умерла она вечером, не знаю, во сколько часов. Моя милая, бедная мама не смогла снести ещё нового удара, и её слабые силы не выдержали, и она тоже умерла.

18 апреля день смерти моей дорогой матери. Умерла она тоже вечером. Труп её остался на станции Данилово. Милая моя мамочка, как мне хотелось, чтобы хотя бы ты у меня осталась в живых. Но ты умерла. Такова судьба. Как ей тяжело было умирать, но она не кричала, не жаловалась, что ей тяжело. Также и Нина не пожаловалась, что ей было тяжело. Если существуют святые, то я уверена, что мои незабвенные мать и сестра будут в их числе. Вечная им память. Вечная память дорогому моему отцу и всем родным, умершим в ужасные дни войны.

19/IV 1942 г. мы с Юриком приехали в Ярославль.

Подготовлено к публикации Г.С. Савельевой.

**ПРОЗА. ПОЭЗИЯ.
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ**

Пётр Шахов (1931–2006)

Пётр Федотович Шахов родился 22 января 1931 года в деревне Кекур Усть-Куломского района. Учился в Ухтинском горно-нефтяном техникуме, позднее окончил Сыктывкарское педагогическое училище. В молодости привелось быть воспитателем и директором детского дома. Работал в редакции газеты «Югыд туй», был редактором Коми книжного издательства. В течение ряда лет занимал должность главного редактора журнала «Войвыв кодзув». На пенсию вышел с должности председателя правления Союза писателей Республики Коми.

Автор рассказов «Тёлыш бара вёлі кёдзыд», «Уна и колё», повестей «Олымыс сёмын заводитчё», «Ӧксинь тъёт», «Лёз патефон».

Синий патефон

Повесть

Начало в № 3 и № 4 2009 года

Глава четвёртая

Первое, что сказал Василий, проснувшись поутру, было: «Нельзя...» Нельзя, непозволительно взрослому, пожившему на этом свете, человеку терять голову от вина. От горя, или от радости – ещё куда ни шло. Но скакать, как мальчишка, от лишней рюмки – некрасиво, стыдно. Поэтому на следующий после выпивки день Василий обычно испытывал своеобразное раздвоение личности. Сегодняшний – трезвый и рассудительный – Василий Вадоров обращался к вчерашнему пьянице, как к человеку, хоть и близкому, но самостоятельному:

– Ну что, опять вчера задурил?

Тот не отвечал.

– Опять шлялся, болтал бог знает что, красовался перед людьми?

– Шлялся. Болтал.

– Сколько раз тебе повторять, – сердится сегодняшний праведник, – не пей допьяна, а опьянел – не лезь к людям, запрись и сиди дома! Когда ты, наконец, поймёшь?.. Сколько можно позорить меня!

– Нельзя, – ещё раз повторил Василий, встремхнул головой, разделся и полез в ванну, под душ. Он, конечно, и дальше мог валяться на диване, перебирая в памяти детали вчерашнего вечера, но Василий давно понял: все эти переживания и нытьё после пьянки – пустая, никчемная трата времени. Проснулся – так вставай и делай что-нибудь. Что было, того не вернёшь, не поправишь.

К тому же, нельзя сказать, что вчера он вёл себя совсем уж неприлично, хотя вечер и закончился несколько неожиданным образом. Вот уж действительно – неисповедимы пути господни. Ведь Василий вышел из дома, чтобы попросту пропетриться. В кафе залетел машинально, на минутку, а просидел весь вечер. А Галина... Сегодня встретится с её отцом, придётся знакомиться... А дальше что?.. А что? – рассуждал, умываясь, Василий. – Всё нормально. Мир не так тесен, хватит в нём места и для старых, и для новых знакомых.

Освежившись одеколоном и облачившись в спортивный костюм, Василий уверенно и бодро отправился в столовую. Ни Галины, ни её отца он там не встретил. После завтрака завернул в холл – купить газеты и посмотреть почту. На его имя пришло два письма: одно, надписанное Сашиной рукой – из дома, другое – без обратного адреса, и почерк незнакомый. «Галя?..» – Василий вскрыл конверт и торопливо пробежал глазами несколько строк, написанных крупным, размашистым почерком:

«Дорогой мой человек! Прости, что так получилось. Мы ушли рано утром. На поезд. Я очень рада, что Вы есть, что я встретила Вас. Если захотите – пишите. Галина».

Василий прочёл адрес и машинально опустился в оказавшееся поблизости кресло. Северогорск! Как сильно и тревожно отзывалось в нём это название! Ожили, тесня и перебивая друг друга, дороги, лица, картины, звуки. Сама юность весело и ласково заглянула Василию в глаза, согрела его своим ласковым дыханием.

В этом городе Василий служил. Сначала солдатом, потом сержантом.

Небольшой городок на берегу просторного озера у подножия гор остался в памяти Василия тёплым и ласковым, как то короткое северное лето... И надо же: в этом городе живёт Галя!

Здесь по вечерам гулял он в городском саду. Этот небольшой, с молодыми берёzkами и нестриженой травой, сад в самом центре города... Бойкая речушка бежала через него, журчала и плескалась, шлифуя валуны и камни. Чистая и светлая, она и радовалась, и любовалась, и смущалась, когда в саду раздавались звуки духового оркестра, когда веселились навстречу жизни и молодости такие же юные, как и она, парни и девушки, когда скидывали свои одежды и кидались они в воду, тормоша и тревожа её, молодую и красивую реку.

Здесь, среди молоденьких берёз, под весёлую танцевальную музыку Василий мечтал о любви. Даже провожался несколько раз.

Светлыми и сказочно прекрасными летними ночами.

Здесь одна девушка даже сказала Василию, когда они стояли на каменистой сопке под молодыми соснами... когда светлая и мудрая луна нашёптывала всем молодым и горячим сердцам одни и те же слова... и девушка – гибкая, как ветка черёмухи, с длинными густыми косами – тихо прислонилась к нему, прижалась щекой к шершавой гимнастёрке и, смущаясь, прошептала:

– Вы совсем на солдата не похожи...

Было это в городе Северогорске, на берегу Онежского озера.

Василий не спросил, почему не похож, а только мягко погладил девичьи косы. Можно было и поцеловать девушку, но не стал этого делать сержант, потому что чувствовал, понимал – не его это девушка, и смотрит он на неё, как на младшую сестру, не более того.

— Завтра мы с подругами пойдём купаться, приходите, — сказала девушка, перебирая тонкими пальчиками яркие солдатские значки.

Пляж расположился на берегу широкого залива, уходящего от озера, как протока, глубоко в побережье. Как договорились, Василий спустился туда в полдень. Оглядываясь, он быстро обошёл отдыхающих на берегу. Никто его не окликнул, не остановил. Уже в самом конце пляжа Василий вдруг заметил, как из сосняка, что рос по-над берегом, выпорхнули три девушки, быстро и ловко скинули лёгкие платьица и сразу бросились в воду. Только одна немного задержалась, посмотрела в его сторону и вроде бы махнула рукой, мол, давай, догоняй, и тут же сама бултыхнулась вслед за подругами. «Зина», — решил Василий. Руки пловчих поблескивали, взлетая над водой, как игрушечные вёсла. Вёсла взлетали и опускались, унося девушек всё дальше и дальше, на самую середину залива. Вспыхнуло сердце у Василия. Во-первых, за два года службы он ни разу не видел в такой степени разделых девушек, во-вторых — и не купался. А девушки плывут и плывут, на тот берег переправляются. Хватит ли сил у Василия не опростоволоситься перед пловчихами? Так далеко он и дома не плавал, на маленькой речушке вырос.

Василий разделся немного выше и в стороне. Подвернул длинные казённые трусы и, тоже бегом, вошёл в воду, окунулся разок и — поплыл. Уже на середине залива почувствовал — тяжело. То ли разучился, то ли мешали мелкие волны, постоянно шлёпающие по лицу и сбивающие дыхание, — дома такого не было, — Василий устал и разозлился, а тот берег ещё далеко. Василий готов уже был повернуть назад, и повернулся — если бы был один. Но на том берегу сидели три девушки, и среди них — Зина. И они, конечно же, ждут его. Василий продвигался вперёд медленно, и поэтому течение снесло его гораздо левее сидящих девушек. И когда ноги наконец-то коснулись дна, и он, пошатываясь и на ходу поправляя отяжелевшие трусы, стал выбираться на берег, девушки вспорхнули, бросились в воду и весело поплыли обратно.

Но Василию было уже всё равно. Да и не угнаться ему за ними. К тому же, Василий сообразил: Зина подошла бы хотя бы поздороваться. Значит, не ему махала рукой девушка, а, может, и вовсе никому не махала. И Василий лёг на песок. И не заметил, как уснул.

Пробнулся от холода. Открыл глаза и вскочил, поражённый увиденным. Над заливом неслись в сторону озера гонимые сильным ветром, мощные грозовые тучи. Горбатилась и пенилась враз потемневшая вода. Глянул: на том берегу — ни души. Что делать? Пора уже быть в подразделении (в этом небольшом городке службу несла отдельная рота). Обойти по берегу? А кто знает, сколько надо идти, если вообще пройти можно? А вдруг тут кругом — болото? А переправиться как? Василий никогда не плавал по такой волне, и нырять как следует не умеет. А волны не к берегу, прямо в озеро катят. В тихую погоду насилиу переправился... Надо плыть, пока ещё хуже не стало, — твёрдо сказал Василий и побежал вверх по берегу, чтобы потом не вынесли его волны в открытое озеро. В воду вошёл, когда преградил дорогу густой ивняк.

Дно в этом месте оказалось илистым. Ноги по колено утопали в скользкой и липкой грязи. Василий залез в воду по пояс и поплыл. Ы-ых! — подхватила пловца волна, вынесла на гребень, развернула лицом туда, где бурлило, разгуливав-

шись, широкое и бескрайнее, как небо, озеро. Захватило дух, но отпустило, вздохнул, открыл на секунду рот, и тут же наказала волна: швырнула вниз, вдавила в раскрытый рот порцию воды. Сразу стало жарко, в глазах потемнело от страха, но Василий сжал зубы и рта больше не открывал.

— Ы-ых! Ы-ых! — набегали волны, увлекая пловца за собой, но Василий об этом уже не думал, даже страха особого не ощущал — чему быть, того не миновать, только бы рот не раскрылся, — и изо всех сил толкал и пинал воду, стараясь держаться поперёк злой волны, лицом к своему берегу.

Очнулся от того, что кто-то звал Василия по имени. Над ним склонился сержант из его взвода Николай Петров (сам Василий стажировался на командира).

— Василий, ты что? Тебя командир роты приказал разыскать! Немедленно!

Василий лежал у самой воды, изо всех сил сжав в кулаках пучок длинной и густой береговой травы. Поднял голову, мутно и бессмысленно уставился на Петрова и, вдруг, скривившись, как от удара в живот, начал судорожно хватать губами воздух. Василия вырвало. То ли укачало его на волнах, то ли от пережитого страха, а, может, и воды всё-таки наглотался.

То же самое повторилось и в подразделении, как только подошёл к умывальнику. Тут же стоял командир роты и слегка озадаченно наблюдал за мучениями подчинённого. Умывшись и приведя себя в порядок, Василий виновато вытянулся перед офицером:

— Я не пил. Купался. Не помню, как из воды выбрался.

— Ну спасибо, что хоть выбрался, — усмехнулся ротный. — И чтоб в воду один не лазил! И во взводе на этот счёт порядок наведи: без командира, без старшего в воду не лезть! Никому! Через неделю — командировка. В Печенгю. На разминирование. Подготовь солдат.

А вечером, после ужина, повеселевший и вполне здоровый, Василий бодро направился в город. Ещё при входе в парк его окликнула Зина. Ждала. Рада встрече. Голубые глаза блестят, тяжёлые длинные косы едва успевают за порывистыми движениями маленькой головы — то смирно лягут на едва прступающую девичью грудь, то игриво взлетают, слегка касаясь плеча Василия. И тогда Зина ловит, успокаивает их длинными пальчиками и радостно, нежно смотрит на Василия. А Василию нечем ответить на её горячий и искренний порыв, и стоит он молча, неловкий и виноватый.

— А я сегодня весь день косила! Вот! — показала Зина две лопнувшие мозоли на своих маленьких ладошках. — Придёшь стоговать, когда подсохнет? Всю лужайку перед домом выкосила.

Василий уже бывал на этом покосе, её дом стоял недалеко от казарм. Дом небольшой, двухкомнатный, а покос широкий и длинный. Василию пришлось изрядно потрудиться, укладывая сено в стог, а Зина только и знала, что шалила да смеялась. То накроет его целой охапкой сена, то вдруг подскочит со спины и запихнёт за шиворот гимнастёрки пучок сухой, колючей травы. Старшая сестра — Тамара — одёргивает Зину, а та только прыскает-хочет, в своём лёгком сарафане с красивыми голубыми цветами по белому полю.

— Пусть разделенется! В такую жару в одной майке можно работать. Уж сколько раз ему сказано, чтобы раздевался. Вот травы ему за шиворот запихну — пусть почешется...

— Уймись, Зина! — упрекает сестра. А Зина не слушает, скачет, играет, словно весёлый и неразумный щенок.

Василий давно бы снял гимнастёрку, если бы не стеснялся своей солдатской, с длинными рукавами, нижней рубашки, да и не совсем свежей, к тому же. Так и потел, пока сёстры не зашли в дом накрывать на стол. Тут он быстро снял гимнастёрку, рубашку, спешно вытряхнул налипшие колючие стебли и, облегчённо вздохнув, оделся. Глянь, а Зина тут как тут, в руке — пучок сена:

- Вот я тебе!
- Нет! Зина, не надо! — испугался Василий.

А Зина, словно этого и дожидалась — тут же набросилась на бедного. Тогда Василий перехватил настырные руки, прижал их за спиной у хозяйки, и, таким образом обняв девушку, спросил:

- Не перестанешь?
- Нет.
- Тогда не отпущу, так и будем стоять.
- Тамара кушать позовёт, небось, тогда отпустишь.
- Ах ты, хулиганка! Не дождёшься!

И Василий держал Зину. Её густые волосы щекотали шею, её дыхание, стук её сердца, каждый бугорок, каждая ложбина на девичьем теле радостно тревожили сержанта.

- Не перестанешь?
- Нет, — тихо отвечала Зина.
- Значит, не отпущу.
- А мне уже 18 лет. А тебе?
- 21.
- А что до армии делал?
- В школе работал.
- Уу-у! То-то, гляжу, на других солдат не похож.
- Чем же?
- Культурный. И с виду, и так, по поведению. А я лаборанткой работаю, в депо, уже целый год. После десятилетки. И секретарём ещё, в комсомольской организации.
- То-то, гляжу, привыкла командовать, управы на тебя не найдёшь.
- А ты держи крепче, а то если вырвусь...

И Василий держал. Не так уж крепко, но уверенно, разок даже погладил легонько длинную косу на узенькой, хрупкой спине. Может, это любовь? — подумал тогда Василий, прислушиваясь к дыханию притихшей на груди девушки. А сейчас, в парке, сержант смотрел на Зину совсем иначе. Сейчас она была для него младшей сестрой, которую он по-своему любил, но любил, как любит старший брат послушную и ласковую сестрёнку.

- Я тебя искал на пляже, даже поплыл за какими-то девушкиами. Думал — это ты с подругами, — сказал Василий, чтобы как-то оправдать свою холодность.
- Меня Тамара не пустила, косить надо было. И ты поэтому сердишься?
- Нет.
- А что такой невесёлый?
- Слышишь песню? Может, из-за неё?

С танцплощадки громкоговоритель разносил по всему парку песню, в которой говорилось о матери, сыне и невестке:

Помнишь, мама моя, как девчонку чужую,
Я привёл к тебе в дом, у тебя не спросив,
Строго глянула ты на жену молодую,
И заплакала вдруг, нас поздравить забыв.

Под эту песню молодёжь кружилась в вальсе. Песня, конечно, невесёлая, но...

– Ты всё врёшь! – коротко и резко бросила Зина, будто и не она только что была такой весёлой и ласковой.– Ты меня не любишь, а жалеешь, хочешь не обидеть, хорошим хочешь показаться!

Василий не нашёл, что ответить. Зина покраснела. Зина выкрикнула:

– Ты плохой человек! Ты танцуешь со мной, домой провожаешь, а глаза другую ищут. Я это сразу заметила. Зачем ты прикидываешься? Учитель! Чтоб духу твоего не было возле нашего дома!

И Зина побежала вон из парка. Вскоре скрылась из виду. Василий не останавливал. Зина была права, она видела в нём совсем не старшего брата, и нечего ему было придуриваться, что не видит, не понимает. Зине восемнадцать лет. Ей нужно, чтобы её любили. Чтобы любили только её одну, не замечая никого, кроме неё. На этот счёт Василию уже было сказано однажды. В этом парке, на этой танцплощадке. Тогда он впервые пришёл сюда, и на белый танец его пригласила смуглая, как южанка, девушка. И когда Василий начал вертеть головой, рассеянно наблюдая за танцующими парами, партнёрша весьма убедительно потревожила его ладонь острыми коготками. Василий удивлённо взглянул в тёмные глаза. Как горячо, как сердито они сверкали! Как плотно сжались в усмешке яркие девичьи губы!

– Не смейте смотреть в сторону! – шепнула девушка.– Только на меня! Я пригласила вас на танец.

Василию оставалось только подчиниться и больше глаз от её лица не отрывать. От такого напряжения сержант к концу танца слегка обалдел. А глаза девушки, её улыбка ясно и открыто говорили: «Я научу тебя, сержант, танцевать белый танец!.. Головой вертеть!» Правильно. Надо учить. Юноше следует знать, что если сердце спокойно – не играй глазами, речей жарких не веди, рук не протягивай, не зарождай в девичьем сердце тревоги. Потом самому же достанется, как досталось тогда Василию.

А в командировке сержант вдруг затосковал по Зине. После задания вернутся солдаты в палатки, приляжет Василий на топчане, закроет глаза и перед ними – Зина. То – задира, весёлая, то – тихая и грустная, а то и – горькая, горькая, с немым укором в глазах.

По возвращении, а было это в конце августа, Василий жил в ожидании двух событий. Первое – это встреча с Зиной (которая, конечно же, состоится), второе – близкая уже демобилизация: месяц, два... Последнееказалось Василию чем-то маловероятным, после двух лет службы, строевых занятий, приказов, нарядов. Василий уже не мог представить себя человеком вполне свободным, вольным идти на все четыре стороны, по своему усмотрению. Без всякой команды. Но в октябре

приказ о демобилизации всё же вышел, а вот Зина встретиться с Василием не пожелала. Она его просто не замечала. Северогорск – городок небольшой, не сговариваясь заранее можно несколько раз за день встретиться с человеком. А Зина ежедневно ходила мимо окон их казармы в депо и обратно. Дежурные на пропускном пункте знали её в лицо. «На горизонте она!» – сигналили сержанту наблюдатели.

Но Зина к Василию была слепа и глуха. Не отзывалась даже, когда окликнул её по имени. И Василий с нетерпением ждал вечера, когда городская молодёжь соберётся на танцы, но теперь уже не в парке, а в кинозале Дома культуры. Желающие потанцевать должны были сами (почти как в деревне) растащить деревянные кресла, сложить их друг на друга, а оставшиеся аккуратно расставить вдоль стен. Эту работу обычно выполняли вышедшие в увольнение солдаты и сержанты, для них это было чем-то вроде разминки в ожидании прихода девушек. Приведя зал в надлежащий вид, молодые солдаты чинно рассаживались и с улыбками наблюдали, как входят, раздеваются, меняют обувь, причёсываются и прихорашиваются гордые городские девчата.

– На горизонте она, – толкает Василия сержант Петров. Потом добавил: – И он.

Праздника, как не бывало. Василий напряжённо, боковым зрением следил, как входят в зал Зина и Он – курсант военного училища. Почти одного роста, красивые, гордые. Слегка придерживая даму под локоток, курсант провожает её к сцене, помогает раздеться, устраивает одежду, усаживает рядом в кресло, затем снимает шинель, фуражку и встаёт рядом. Только теперь он бросает мимолётный взгляд в зал и, наклонившись, что-то говорит спутнице. Наверное, о том, что в конце зала сидят одни солдаты, гражданских почти нет.

Танцевали, как и летом, под радиолу: вальсы, фокстроты, краковяк, польку...

В танце Василий частенько оказывался рядом с Зиной и её курсантом, вспыхивая от нечаянного прикосновения, ведь была же эта девушка такой близкой, ласковой... Но – была, и только. Зина не откликалась, не замечала. Вечером, в день демобилизации, когда до отправления поезда оставалось, может, десять, может, пятнадцать минут, Василий выскочил из вагона, перемахнул через пути, побежал к лаборатории, где работала Зина. И остановился, не смея войти. Взглянул на часы, и став под ярко освещённым окном, крикнул: «Зина!»

Немного погодя со двора ему ответил женский голос:

– Уходите. Зина не выйдет. Она не хочет вас видеть. Уходите – не надо кричать.

По приезду домой, Василий написал Коле Петрову – у него оставался ещё год службы – просил повидаться с Зиной, поговорить.

Хороший парень – Коля Петров! Коренастый, крепкий, одет всегда аккуратно по форме, по-взрослому озабоченный, внимательный к просьбам и жалобам солдат, немногословный и уверенный – он казался гораздо взрослеем сослуживцев-ровесников. Подчинялись ему охотно, без возражений.

И Василию Коля Петров с ответом не промедлил. Он написал, что встречался с Зиной на районной комсомольской конференции. «Все перерывы говорил с Зиной, – писал Николай, – вспоминали о тебе, что ты мой друг, и в письмах спрашивала о ней. Зина эту тему не поддерживала, но мне кажется, что она к тебе не равнодушна. Мне Зина понравилась. Простая, хорошая девушка. Между

прочим, нас обоих выбрали в члены райкома, а Зину даже вторым секретарём. Сам я теперь старшина роты. Всё хорошо. Пиши. Не забывай. Напиши и Зине. Вот адрес: город Северогорск, ул. Нагорная, 79. Твой друг Николай».

Василий написал, но ответа не получил. Наверное, эти письма, написанные под завывание декабрьской выюги, под потрескивание дров в маленькой печурке больше были похожи на стихи, чем на письма...

И вдруг...

Когда отвеселились ребятишки на Новогодней ёлке в сельской школе, а их учителя уже вовсю гуляли за праздничным столом – в школьный зал вошла почтальонша и выкрикнула:

– Василию Александровичу телеграмма!

Бумажка не сразу дошла до Василия. Передавая из рук в руки, каждый из коллег посчитал своим долгом громко зачитать текст, и когда телеграмма, наконец, дошла до адресата, Василий незаметно вышел, оделся и, грудь нараспашку, пошёл гулять-бродить по завьюженным улочкам. И под свист ветра повторял снова и снова: «Василий! С Новым годом! Будь счастлив. Зина».

– Не забыла. Помнит, – шептал тогда Василий, и на душе было легко и радостно. Как никогда, мила была эта зимняя снежная выюга, что принесла из дальних краёв добрую, тёплую весточку.

... И вот опять – Северогорск. Только не Нагорная, а Береговая. Не Зина, а Галина. А, может, обе они только мечты, напоминание о той красивой и чистой жизни, к которой безуспешно стремится сам Василий...

Василий вышел на улицу и, будто помолодев, легко зашагал к парку, как и в Северогорске, сплошь из белоствольных красавиц-берёз. Только эти красавицы постарше, потемнее их северогорских сестричек. Впрочем, ведь и там они, наверное, уже потемнели и состарились! За восемнадцать лет!

Уже в парке прочитал письмо из дома. Здесь, в стороне от посёлка, среди милых сердцу берёз, было так тихо, что можно было, словно наяву, услышать далёкие и родные голоса.

«Дорогой папа! – говорила Лена. – Как ты там живёшь? Мы живём хорошо. Какая у вас погода? Как в Москве? Что там есть вкусного? Купи мне, пожалуйста, колготки 20 размера. Белые и красные. Мы картошку ещё не убрали... Погода у нас хорошая, дождя нет. Папочка! Я ещё хочу что-нибудь написать, но Саша не разрешает. Бабушка на кухне пекёт оладьи.

– Всё правильно! – пишет Саша. – Неужели сразу всё рассказывать, надо и на потом оставить. Пятнадцать дней уж отучились. Ленка каждый день хвастает своими пятёрками, а мне пока похвастать нечем. Записался сразу в две секции: мото и самбо. Завтра начнутся занятия. Что ещё написать? Погода у нас не плохая, и не хорошая – обычная. Ну, о нас всё. А как там ты отдыхаешь? В Москве был? Купил ли уже значки? Написал ли что-нибудь? Играет ли патефон? И так далее, и тому подобное.

До свидания. Всё.

Саша».

Берёзовый парк наполовину занялся уже жёлтым огнём: и поверху, и понизу. Жёлтый лист, падая и покрывая сухую землю, мягко освещал стволы деревьев, и оттого воздух становился мягким и прозрачным. Василий долго ещё бродил по

шуршащей под ногами листве, думал, прислушивался и получалось, что на сегодня у него всё в порядке, пусть и дальше так будет. Пытался представить Галину, воскресить в памяти вчерашние разговоры, прикосновения, поцелуи, но где-то недалеко, среди берёз, мелькнула, выглядывая, фигура жены, а рядом с Галей вдруг оказалась... Роза!

Теперь, много лет спустя, Зина тоже показалась Василию красивой и близкой, и он пожалел, что ничего у них так и не получилось. Ни поцелуев, ни всего прочего. Но память об этом чистом и светлом чувстве, видимо, всегда будет жить в нём: она живёт и тихо светит, как робкий огонёк белой свечи. Пусть же не гаснет свеча, пусть горит она в душе каждого человека, год от года чище и светлее.

Вернувшись в номер, Василий сразу же сел за стол, сидел долго и неподвижно, черты лица его заострились, строго сомкнулись губы, глаза смотрели жёстко и сосредоточенно: Василию даже казалось, что в наступившей тишине он различает таинственные шумы мыслительной машины, похожие на едва уловимое тиканье часового механизма, или стрекотание крошечного кузнечика в густой траве.

Тихо вздыхает за окном осень, кружатся, опадая, листья, будто на ещё не остывшую землю бесшумно слетают яркие красногрудые птицы. «Снегири. Птицы зимы, — написал Василий. — Как мне хотелось, чтобы в нашем дворе, где-нибудь за хлевом или возле бани зимой жили снегири. Как только выпадал снег и наступали холода, мы с другом Толей хватали топорики, перебирались через лощину, что возле колхозного гумна, рубили молодую хвойную поросль, тащили её во двор, круговую втыкали в снег, а внутрь кидали крошки хлеба вперемешку с льняным жмыжом, садились у окна и таращились-ждали, когда же прилетят в самодельный лес дорогие, красивые гости: красногрудые снегири и, в зелёных рубашечках с чёрными бантиками — синицы.

Уже много лет живу я в городе, много зим... И лесных птиц вижу нередко, в холодную пору они безбоязненно прилетают к людям в поисках тепла и пищи. Но они не трогают меня, не радуют: это не мои птицы. Мои снегири и синицы там, за гумном. На высоких холмах, за глубоким оврагом. Как высоки и прекрасны там зелёные ели, как сладка там лесная ягода. И когда замелькают в городском парке весёлые и нарядные птицы, нестерпимо захочется рвануть через сугробы и годы туда, в свой двор, в своё детство, к торчащим из снега маленьким ёлочкам. И я готов всем и каждому повторять снова и снова: «Это правда. Чем дальше ухожу из детства, тем сильнее и ярче вижу: у гумна с силками для птицы снежный бугорок ярким пламенем горит от пляски снегирей.

Бьётся в силках красногрудое пламя,
Бьётся мальчишечье сердце в груди,
Через сугроб, через годы он мчится
К счастью.
Кричу я ему: «Погоди!»
Дай мне притронуться к перьям руками,
Выпустить в вечное небо над нами
Красную птицу,
Иброситься к маме.
Дай мне поверить — вся жизнь впереди!

Какое же это диво – родной дом и детство! Недавно меня повезли в родное село на моторной лодке. До дому осталось плыть, может, верст десять. И вот показались знакомые холмы, под холмами вдоль реки – знакомые деревни. Я взглянул в небо и радостно замер, не в силах вымолвить ни слова, а после кричал, запрокинув голову к небу, с шальной улыбкой до ушей:

– Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте, наши дорогие, милые облака! В верховьях Вычегды над деревней Шутем живущие облака.

От холма к холму, над сельской церковью плыли вместе со мной по небу в сторону моей родной деревни мои большие, как взбитые белые подушки, облака, и я сразу их узнал: на них я любовался-глядел с утра до вечера ещё в детстве. Это – мои облака, моей родной деревни облака! Они меня знают!

А потом: шутемская гроза, шутемский тёплый дождь, водопад, низвергающийся с желобов и с крыши крыльца родительского дома. И я босиком, без рубашки бегаю, прыгаю под милым родным дождём и кричу: «Расти большой под шутемским дождём! Расти большой...»

Всё – и гром, и дождь, и дождевая вода, и после тёплого дождя тучи комаров – всё было шутемское, моя дорогая родня, которые помнят, любят и никогда не забудут меня. Какое же это диво – родной дом и детство!»

Василий Вадоров поставил восклицательный знак, пробежал глазами по только что сочинённому и, если судить по выражению лица, его не очень-то устраивает написанное. Но что делать...

Из записей Василия Вадорова

...Какое же это диво – родной дом, детство! И как же прекрасно, когда ты – счастлив! Мне казалось, что нет на белом свете человека, счастливее меня. Хотя и горести меня не миновали. Крёстным я не стал? Нет. Значит, никогда не состарюсь. И никогда не умру. И буду хорошим. Однажды соврал, но это не повторится. Никогда. И Похвальный лист с Лениным-Сталиным дали. За отличную учёбу и примерное поведение. В первом классе. И в пионеры уже приняли. Хотя и не хотели. Перед Октябрьскими праздниками, после трёх уроков всех второклассников выстроили в зале на торжественную линейку. Стали принимать в пионеры, повязывать красные галстуки. И тут наш учитель Степан Сергеевич приказал мне, одному, выйти из строя, мол, ему ещё девятыи не исполнилось. И померк предо мною белый свет. Горе и отчаяние навалились на бедного мальчика, привели в пустой класс и усадили за парту. Одного из всего класса, из двадцати ребят. И я заревел, отчаянно и безутешно. Но вот уже снова поставлен я в строй, и повязан мне красный галстук, но всё ещё затуманены глаза, хотя сердце уже стучит радостно, и мокрые щёки вполне готовы принять счастливую улыбку. Ну, а для полного счастья четвероклассница Роза отстегнула от своего галстука блестящий металлический зажим, ловко закрепила им узел на мальчишеской шее и, разглаживая пальцами алые полоски на моей груди, прошептала: «Не плачь, Вася, я тебя всегда защищать буду».

Как чудесно жить на свете, когда ты счастлив, когда сбываются все твои самые заветные мечты! В тот год вся наша школа зиму напролёт репетировала-

готовилась к детской художественной олимпиаде. Мы разучивали стихи, песни, пляски, разыгрывали пьесы, гибкие и мускулистые ребята готовили физкультурные номера – ходили по сцене на руках, крутили колесо, ловко составляли многоэтажные пирамиды.

В конце мая нежданно-негаданно мне снова посчастливилось: группу девочек-танцовщиц, моего одноклассника Толю Мингалева с песней «Коза» и меня со стихами комиссия отправила далеко-далеко – на районную олимпиаду, за пятьдесят километров. И когда в лесу, у пионерского костра учитель торжественно объявил состав делегации, а потом вручил мне второй Похвальный лист, уже за отличную учёбу во втором классе, я совсем потерялся от счастья. Взял Похвальный лист и уже не стал задерживаться возле костра, а побежал домой. Как сейчас помню: вошёл в дом – за столом сидит отец, один, видимо, зашёл перекусить с колхозной работы. Мужики-колхозники в свободное от сельхозработ время занимались строительством. В прошлую весну построили для пчёл большой дом на зиму – прямо в земле. Сейчас налаживают на скотном дворе большой сруб, чтобы опустить его в яму и собирать туда навоз. Чтобы было вокруг коровника чисто и опрятно. Я молча кладу Похвальный лист на стол, а сам забираюсь на полати, ложусь, уткнувшись лицом в подушку. Отец не баловал нас лишними разговорами, похвалами, ласками. Скажет пару слов, либо строгих, либо помягче, и довольно, чтобы всё делалось так, как надо.

На этот раз отец сказал:

– Что, будешь и дальше так жить и учиться – хорошим человеком вырастешь, Вася.

От переполнявшего меня чувства, от ожидания отцовской похвалы в горле давно уже собрался комок, но я сумел-таки промолвить:

– А меня ещё в район посылают, на олимпиаду...

И тут уж не выдержал – заревел. Напрасно я тёрся глазами о подушку – слёзы не унимались, а подушка вскоре намокла. Отец же поднялся на полати, потрепал сына по голове:

– Ну, ну, будет. Успокойся.

Потом спустился к столу, от домашнего каравая отрезал толстый ломоть, густо посыпал сахарным песком и подал мне, на полати, и сказал:

– На, поешь пока. Мама придёт – с ней и поужинаешь.

Очень тихо сказал. Теперь, много лет спустя, мне кажется, что тогда отец и сам дрогнул, растрогался. Наверное, вспомнились ему и его детские, трудные годы. Вырос-то он без отца. И в старой, прежней жизни и тогда, когда с трудом налаживалась в деревне жизнь новая, вдоволь испытал он и горестей, и боли, и потерю невосполнимых. И, может, подумалось ему, что нет, не зря он столько воевал и работал, всё-таки удалось добить детям настоящее, счастливое детство...

Уставший от счастья, я незаметно задремал. И увидел себя, сидящего на высоком берегу. И сказочно прекрасный пароход с красно-чёрной трубой вдруг поплыл по реке, по самой середине. А на палубе – вся наша школа, все едут на олимпиаду.

– А где же я? – весь в тревоге, выисматриваю себя на пароходе, и – не нахожу. Рванулся побежать поближе и – проснулся.

А на олимпиаду повезли подводами. Когда девочки разместились, оказалось, что нам с Толей приткнуться некуда, и уже решено было нас не брать, мол,

маленькие ещё, успеют повыступать на олимпиадах. Подводы отправились. И тут к берегу пристал пароходик с баржой. На баржу загрузили мешки с семенами льна, а, заодно, и нас пристроили – двух мальчиков. Как сейчас вижу, предсельсовета и отец с матерью – ещё молодые, красиво, по-летнему одетые – усаживают нас на баржу, о чём-то договариваются с рабочим, потом наставляют-поучают путешественников: по краю баржи неходить, не бегать, а забраться в середину и оттуда смотреть по сторонам. Мы киваем головами, обещаем выполнять всё в точности. В руках у нас узелки с провизией: бутылка молока, шаньги и колобки, мелко наколотый пиленный сахар.

– Не упадите, смотрите, в воду не упадите! – кричит нам вслед мама и даже немного бежит, по берегу сопровождая баржу. Неспокойно материнское сердце. А мы стоим на носу, и кривится рот то ли в улыбке, то ли в преддверии слёз. Стоим мы, девятилетние мальчишки, и робко машем руками тем, кто остался на берегу, и трепещут на ветру наши красные галстуки.

Когда миновали длинный плёс и деревенские домики скрылись из глаз, Толя задрал голову, широко раскрыл рот, сложил на животе маленькие ручки с пухлыми пальчиками и зычно заревел. Полились слёзы свободно и обильно:

– Мам-ма-а! Ма-ма-а!..

Ёкнуло и моё сердчишко, подступили слёзы, скривились губы. С трудом справился, удержался и дрожащим голосом выдавил:

– Не плачь, Толя... Давай... сахару поедим...

– Ма-ма-а... Ой-ёй, ма-ма-а, – кричит Толя, трёт мокрое лицо рукавом широкой рубашки. Под Толину песню пароходик обогнул излучину реки, и улыбнулась-показалась нам уютно умостившаяся у подножья высоких холмов наша деревня Шутем, и Толин дом в три окна: серенький, с низеньким крылечком. А вон, на песке у Чёрного ручья, что впадает в Эжву-реку, загорают-купаются наши друзья-товарищи.

Голенёкие, как тёплые солнечные зайчики, девчонки и мальчишки с криками бросились от парохода и, поднимая тучи брызг-искорок, выскачивали на жёлтый песок, и ещё дальше – на крутой берег, расцвеченный ярким многоцветьем по зелёной траве. И Толя умолк, уцепился за поручни на носу баржи, не в силах оторвать глаз от знакомого берега, ещё мгновение – и соскочит в воду, спрыгнет, шлёпнется на прибрежный песок, а потом побежит через луг, сбивая на ходу жёлтые купальницы, к маленькому домику в три окна, к такому родному домику с низеньким крылечком.

И соскочил бы. Заметив, что корма баржи вплотную приближается к берегу, он вихрем помчался по палубе и близок уже был к цели, когда угодил в твёрдые, безжалостные объятия усатого и бородатого дяди. И Толя затих, обессилел от горя. Да, дружок, тяжело и горько впервые оставлять родные места, пусть хоть и на олимпиаду едешь. Для маленького человека нет ничего милее и ближе родительского дома, двора, родной деревни...

Я не горевал, как Толя. Сколько мы завидовали тем, кто плавал на пароходах, а теперь вот сами на барже плывём.

Речка узенькая. Берега утопают в зарослях ивняка, в высокой, сочной траве заливных лугов. Можно подумать, что и баржа, и пароход плывут по цветущему, бескрайнему лугу. Мы сидим на носу, вполне успокоились и хрумкаем кусочки

сахара вперемешку с мягкими шаньгами, во все глаза рассматриваем проплывающие мимо берега. Прогревшийся воздух мягко обволакивает нас. Тишина. Только слышится, как мерно шлётпают гребные колёса. Мы, насколько можно тщательно, подсчитываем стрижинные гнёзда, густо усеявшие песчаный срез берега. Проплывая мимо деревень задиристо окликаем ребятишек на берегу, кривляемся и хвастаем. Совсем осмелели. Зашло солнце, от воды повеяло сыростью и прохладой. Толя потёр глаза кулачками и снова захныкал:

– Вась! Ничего не вижу, курсослеп взял!..*

Я вот говорю о счастливом детстве, а ведь многие семьи жили тогда трудно. Нелегко было и Толиной семье, жили они без коровы и, видимо, немного витаминов попадало в детский организм, если после захода солнца у Толи, как у курицы, рябит в глазах. А вот голос был звучный и красивый – как крикнет, так даже уши закладывало. А сам – от горшка два вершка. Для выступления на олимпиаде учитель Сергей Степанович спшил Толе из церковной ризы широкие штаны, вышитую рубашку, красивый и широкий пояс и шапочку, вроде тюбетейки. И в этом блестящем костюме Толя пел: «Жил-был у бабушки серенький козлик. Вот как, вот как, серенький козлик!..» На «вот как» Толя, как учил Сергей Степанович, широко разводил руками, топал ножкой.

И вот за исполнение «Козы» – Толю, за стихотворение – меня, красивый пароход, да ещё и с баржой, везёт нас в район.

Спали в трюме, на мешках с льняным семенем. Мешков было много. В те времена наши колхозы лён выращивали в большом количестве. Как созреет – всех школьников отправляют на уборку. И вот мы, дети, рвём, кланяемся на зелёном льняном поле, да так, что к обеду одуреешь от льняного духа и от непрерывного качания: тошнит, голова кружится, уходит из-под ног земля. А теперь вот спим на плотных мешках с прошлогодним урожаем, с головой укрывшись своими плохонькими пиджачками.

– Артисты-циркачи! Приехали, друзья, подъём! – разбудил сопровождавший баржу дядя.– Быстрей, друзья, быстрей, нам надо дальше плыть, в город. Ну, засони! Протрите глаза-то да пошире раскройте, красно солнышко встаёт!..

Дядя вывел нас на палубу, сунул в руки узелки с едой, столкнул с носа баржи на каменистый берег деревянные сходни, выпрямился, оглядел окрестности и рассмеялся:

– А вот вам и торжественная встреча!..

Но людей нигде не видно, только торопится к сходням, скользя и оступаясь на камнях, длиннорогий, белобородый зверь с всклокченной, достающей до самой земли, шерстью.

– Ну, молодец, Вася! – смеётся дядя.– Это моей бабки Мары козёл Вася, настоящий кавалер, рыцарь нас встречает. Здорово, Вася!

– Ме-е-е! – отозвался, задрав голову и тряся головой, неведомый зверь и даже поднялся передними ногами на сходни.

Мы с Толей стояли, как вкопанные. Живого козла никогда не видели. Думали, козлы бывают только в «Букваре» и в песне. А вот он, живой гуляет, мекает, глядит на нас продолговатыми выпущенными глазами, да ещё и на баржу залезть хочет. Вот это да! Живой козёл... Живой! Это тебе не картинка в букваре...

* Курсослеп – куриная слепота.

— Значит так, друзья-артисты, циркачи-пиркачи, — балагурил дядя, похоже, хотел нас развеселить, раззадорить, чтобы мы смелее действовали в новой, незнакомой обстановке. — От пристани по мосткам подниметесь до конца, потом большак перейдёте, там будет двухэтажный дом. На стене стеклянная вывеска, на ней написано «Райком». Подниметесь на крыльце и стучите, что есть силы, а то сейчас ещё рано, все спят. Откроет дверь бабушка, моя бабушка — Бабка Марья, она сторожем в райкоме работает. Скажете: «Здравствуйте, бабушка Марья. Поклон вам от внука Ивана, он на барже в город поплыл. А мы — молодые артисты, циркачи-пиркачи, приехали на олимпиаду, примите нас и сдайте куда следует». А моя бабушка сообразит, куда вас направить. Поняли?

Мы неуверенно кивнули.

— Стало быть, давайте, — весёлый дядя положил руки нам на плечи, направился к сходням. — Дуйте на олимпиаду да не трусьте герои, чтоб ещё и в город направили.

Мы не двигались: Васька — кавалер, рыцарь — передними ногами стоял на сходнях.

— Васи боитесь? — догадался дядя, вынул из кармана магазинский калач и бросил на камни. Вася мекнул и погнался за калачом. Мы сошли. Поднимались по мосткам на высокий берег да не раз, и не два оглянулись, не гонится ли за нами Васька-рыцарь. Одно диво, думаем, уже повидали. Будет, чем похвастать, когда домой вернёмся. Козла видели! Живого. С бородой и рогами. Ну и зверь. Настоящий. Значит, не только в сказке такие бывают.

Бабушка Марья поначалу никак не могла понять, кто мы и откуда. Потом разобралась, вскипятила самовар, сварила нам по яйцу, напоила чаем с пряниками. Мы повеселели, чувствуя себя почти как дома.

— Что ж вы, детки, показывать будете? — ласково спрашивала бабушка.

— Я пою, — приободрился осмелевший Толя.

— Что же ты поёшь?

— Жил-был у бабушки серенький козлик...

— Да, никак обо мне! — всплеснула руками бабушка. — Только у меня не серенький, а белый. И в лес мой Васька не ходит, а всё больше у реки, на пристани ошивается, калачи да пряники у приезжих выпрашивает.

А Толя возьми да и спой:

— Бабушки козлик к речке спустился. Вот как, вот как, к речке спустился!

А бабушка встала, наклонила голову, широко развела руки и неожиданно продолжила:

— Просит у каждого калач да пряник...

— Вот как, вот как, калач да пряник, — тут же подхватил Толя, и от радости, от удовольствия, что так хорошо получилось, засмеялся, звонко хлопнув по столу пухлыми ладошками.

Милая старушка, довольная, что удалось так хорошо принять и развеселить мальчишек, сидела на лавке, тихонько смеялась, хлопала жилистыми, с набухшими венами, руками по коленям и приговаривала:

— Ты посмотри, артисты, будь ты неладна, какие артисты приехали! Давайте, детки, ложитесь и спите, рано ещё. А время придёт — разбужу и в роно отведу, оно над всеми школами командир.

Я не помню, как мы выступали в районе, но наших танцовщиц – хотя и танцевали они в красивых, нарядных лентах – «завернули» домой, а нас с Толей оставили, чтобы в город отправить. Толя снова заробел, побежал было за телегами, придерживая штаны, но на телегах сидели обиженные девочки и дразнились, ещё больше расстраивая бедного мальчика. Толя с плачем бежал, а девчонки кривлялись и кричали:

- Толя-боля, коза-Толя! Толя-боля, коза-Толя!
- Серенький козлик! Серенький козлик!

Среди них была и четвероклассница Роза, и я лично был бы очень доволен, если бы сидел в телеге рядом с ней.

Мы остались стоять на дороге, а телеги с детьми скрылись за поворотом. Завтра они побегут на берег реки купаться, будут целый день лежать на песке, нарвут на лугу сладкого гума*, мальчики будут играть в шары и в чижика, удить ершей и окуней, платками наловят целую банку чёрных мальков. А нам надо в город ехать! Как тут не заплакать, когда есть на то столько серьёзных причин!

На этот раз плыли не на барже, а на большом пароходе. На палубе – деревянные диваны, где и расположились мы, участники олимпиады. Мы с Толей притулились у самого капитанского мостика и втихаря рассматривали попутчиков. Все они были гораздо старше нас. На передних скамьях сидели ребята: все в одинаковых белых майках, красивые и, на наш взгляд, очень сильные. Один из них держит на коленях гармошку и что-то тихонько наигрывает. Мы уже знали, что эти ребята из дальней деревни Кодж. Все они закончили в этом году семь классов, физкультурники, а один даже нарисовал на полотне настоящего Ленина и везёт показать его художникам.

Мы рассматривали ребят во все глаза. На скамейках вдоль палубы сидели девочки из райцентровского детдома, все в матросских костюмах и, похоже, именно для них старались физкультурники: усилием бицепса разрывали нитку, ходили на руках, крутили колесо... Девочки тихо переговариваются, внимательно наблюдают, как стараются, показывают себя ребята, с улыбкой смотрят на них штурвальный – совсем молодой ёщё человек. Но, по нашим понятиям, он, конечно же, очень старый, может – двадцать, а может, и все двадцать пять лет, всё уже узнал и пережил, и ждать ему впереди уже нечего. Это в детстве так кажется: если кто-то старше тебя, значит – уже старый, и не понятно, зачем он ёщё живет, какой ёщё радости ждёт от жизни?..

То ли дело – ты, сам. У тебя всё счастье ёщё впереди. Ты впервые плывёшь на таком пароходе. Тебя везут выступать в город. Везут! Всего-то девять лет, а уже собираются показать тебя всем людям! И сидишь на палубе, и нетерпеливо болтаешь маленькими ножками, и думаешь: всё, что ты видишь, сделано для того, чтобы ты был счастлив. И пароход – для тебя, и школьники-физкультурники, и хорошенёкие детдомовские девочки, и олимпиада! И этот тёплый, хороший день! Всё это есть потому, что живёшь на белом свете ты. И учитель Степан Сергеевич! Ведь с тех пор, как он меня увидел, у него одна цель в жизни – сделать меня счастливым! Если буду я когда-нибудь ставить свечки всем, кто остался в сердце и в памяти, то его свеча будет самой яркой. Для меня он был и остаётся человеком исключительным, нигде и никогда не будет такого человека. Вот идёт он

* Гум – дудчатый, полый стебель, ствол растения.

ранним утром по деревенской улице. В школу. В блестящих туфлях, синем костюме, в белой, как снег, рубашке, шёлковом галстуке, на левом лацкане пиджака «Ворошиловский стрелок», лицо весёлое, над высоким лбом – зелёный картуз в белую полоску, в руке – портфель, набитый книгами и тетрадями. Шагает уверенно, гордо, и, кажется мне, всё в деревне утихают, прислушиваются. Увидали учителя и бросили свои шалости молодые собаки, скромно подёргивают ушами и виляют хвостами, провожая учителя взглядом. На время прекратили перебранку соседи. И окна в доме, и сад под окнами, и скворечник в саду – все почтительно смотрят на учителя, идущего в школу. А со всех концов деревни – и сверху, и снизу, и из-за ручья – несётся с книгами и тетрадями ребятня, чтобы успеть в школу раньше учителя, успеть войти в класс, положить книжки-тетрадки на парту, выскользнуть в коридор, чтобы там встретить учителя, когда идёт он в учительскую, и сказать:

- Здравствуйте!
- Здравствуйте!
- Здравствуйте, Степан Сергеевич! Я домашнее задание целиком выполнил!

А учитель пройдёт по коридору, слегка поскрипывая туфлями, скроется в учительской, куда вход только по особому приглашению, и мы, задрав носы, ещё ниюхаем запах учительского одеколона, а Степан Сергеевич приоткроет дверь и скажет:

- Скажите дежурному, чтобы звонил на зарядку. Зарядка будет во дворе.
- О-о! – все бегом спешат на улицу. До этого, вообще-то, успели уже и побегать и попрыгать, но зарядка – это совсем другое дело. Когда все разом наклоняются, гнутся, приседают, машут руками, боксируют, прыгают, хлопая в ладоши над головами – раз-два, раз-два, потом успокаиваемся, маршируем на месте – раз-два, раз-два. Стой! Раз-два! А кто-нибудь и ёщё топнет: три! Кто не умеет. И все оглядываются, кто же лишний раз топнул? Да увидишь-то как... Четыре ряда. В каждом ряду по классу, от первого до четвёртого. Может, первоклашки лишний раз топнули, а может, из четвёртого класса Лажанева Анна или Пашинин Алексей: им лишь бы себя показать, лишь бы не как у людей, как у людей им не интересно.

А когда класс за классом, без суэты и озорства, мы заходим в школу и приступаем к урокам, на склонах холмов начинаются занятия для наших отцов и матерей: слышно, как стрекочут конные лобогрейки, как покрывают на лошадей и машинист, и погонщик. Чаще слышится «тпру» – это кричит машинист, когда лошади спускаются под гору. Не раз вспотеет он на крутых склонах шутемских холмов. Да и погонщику не легче, того и гляди, съедешь с гладкой спины на шею коренника, а не удержишься – сзади острые, только утром наточенные лезвия шаркают, бежалостно и неотвратимо срезая тяжёлые золотые колосья... Тут кореннику крепкие удила требуются, да и сам погонщик соображение должен иметь, а не дурить, как Пашинин Сашка или Лажанева Анна.

А Степан Сергеевич уже раздаёт классные тетради. По чистописанию. С оценками за самостоятельную работу. Ты аккуратно придерживаешь левой рукой чистую, без единой помарки, синюю обложку, а правой медленно отгибаешь страницу, пытаешься угадать – что же там за оценка. И вдруг покажутся ярко-красные буквы: отл... И смело раскрываешь страницу полностью. А там на двух

страницах три «отлично». Аж неохота тетрадь закрывать. А закрывать придётся. Учитель открывать пока ещё не просил.

А там наступят Октябрьские или Майские праздники. К этому времени наши мамы вымывают, высобляют школьные помещения, и школа наполнится громкими, возбуждёнными голосами. Мы, дети, мастерим из разноцветной бумаги кольца, сцепляем их в длинную цепь и развешиваем вдоль всего коридора. Мы, конечно, только собираем цепи, а развешивает их другой учитель Иван Николаевич вместе со школьным сторожем дедом Тимой. Дедушка Тима небольшого роста, с чёрными усами и бородой, в руке всегда веник или метла на длинной палке. Ходит по коридору из класса в класс и высматривает: не висит ли где паутина, не требуется ли уборка. Перед войной ему лет шестьдесят уже было – дети давно переженились и внуков народили. Иван Николаевич – совсем молодой учитель, ещё в армии не служил. И был он, как мне теперь кажется, человеком весёлым, энергичным, даже – озорным. На переменах – всегда в кругу ребят, руководит всякими подвижными играми и сам больше всех бегает и хохочет.

Но как только прозвенит звонок на урок, улыбка исчезнет – строгий и серьёзный, он отправится в учительскую, и таким же появится вскоре в классе. Иван Николаевич меня не учил и, наверное, поэтому в сравнении со Степаном Сергеевичем всегда был на втором плане. Да и знал я его всего два учебных года. Правда, эти годы и теперь представляются мне бесконечно долгими: длиннее, чем вся жизнь – столько событий, радостей и печалей вместили они в себя. А ведь так, наверное, оно и есть! Ты – малыш. Ты только-только начал знакомиться с миром, в котором сам появился совсем недавно, и никто не знает – откуда. Вокруг тебя столько людей! Дедушки, бабушки, дяди, тёти, братья, сёстры, соседи, односельчане, друзья и приятели! И думается: так было всегда, и всегда так будет, всегда рядом будут дедушки и бабушки, мать и отец... И не может быть всему этому никакого конца...

Если мы, малыши, украшаем с дедом Тимой и Иван Николаевичем зал и коридоры, то Степан Сергеевич вместе с самыми толковыми старшеклассниками работает в пионерской комнате. Она такая же светлая и просторная, как и учебная. Здесь по внутренним стенам развешивают разноцветные картины, аккуратно нарисованные на плотных листах ватмана. На одной стене исторические картины: Куликово поле, Бородино, Степан Разин, Пугачёв, Суворов, Пётр Первый, Кутузов, Будённый, Чапаев, Ворошилов... Великие битвы и великие люди земли русской.

С другой стороны смотрят на тебя диковинные звери: тигр и лев, леопард и слон, жираф и разинувший зубастую пасть крокодил... На третьей стене пестреет красками весь земной шар: моря и океаны, Африка, Америка...

В праздничные дни сюда приходят наши родители, а два учителя отвечают на все их вопросы, и люди, впервые услышавшие столько нового и интересного, долго рассматривают висящие по стенам картины, молчат, вздыхают и удивляются: чего только нет на белом свете. Потом вдоль стен расставляют столы и раскладывают на них тетради – можно посмотреть, кто и как пишет, считает, рисует. Для каждого класса – отдельная стена, отдельный стол. И отдельно от всех – тетради отличников и ударников. А ты – отличник...

Когда я рассказал об этом своим детям, Лена вдруг спросила:

– Пап! Ты так хорошо учился, такой умный был?

И тут мне приходится остановиться, сделать паузу.

— Нет,— отвечаю без утайки.— Только в начальной школе в отличниках ходил, а в пятом уже только в ударниках.

— А в шестом?

— А в шестом и тройки в табеле появились.

— Почему? — удивляется Лена.

Я не сразу нахожу, что ответить. Думается, тут и война повлияла: вроде бы, что там наши «уды» и «неуды», когда кругом такое творится. Да и сам я стал как-то полегче ко всему относиться: захочу — почитаю, а нет — так и не буду. А отцу с матерью трудно догадаться, что случилось с их отличником. Может, так и надо — на большее их сын не способен. В школу ходит — и ладно. А, может, война эта проклятая вообще никогда не закончится, поубивают всех. Тройки получает — и то хорошо. Пусть хоть не болеет. А я ещё и болел. Про себя частенько удивлялся: как это одноклассники умудряются разглядеть, что там математичка на доске пишет, когда я и лицо-то её с трудом различаю. Я хочу заглянуть в тетрадь соседу, а друг-приятель Афоня даже тетради не доставал. Заложил пальцы за пояс и сидит, развалившись, как на именинах. Я тоже откладывала ручку. Учительница, видя наши скучающие физиономии, перестаёт стучать мелом по доске:

— Вадоров! Ты почему не записываешь?

— Не видно! — тихо оправдываюсь я.

— Как не видно?

— Как же, «не видно», — встревает девчонка с соседней парты.— Очень хорошо видно.

— Чтоб всё было записано,— подводит итог учительница.— А ты, Афанасий, почему не пишешь?

— Тетради нет,— не вставая отвечает Афоня.

— Во-первых, встань,— приказывает математичка, и Афанасий нехотя поднимается.— А потом, как это тетради нет? Я же вчера только дала новую!

— Я её на письма израсходовал. Отцу, дядьям. На фронт.

Учительница в растерянности. С тетрадями было тугу. Она всё же открывает портфель и достаёт совсем новенькую тетрадь, быстро подходит к нам и кладёт её перед Афанасием.

— И чтоб записывал,— говорит она без тени неудовольствия и так же быстро возвращается к доске.

Афанасий берёт ручку и вроде бы начинает старательно писать. На самом деле — водит сухим пером по бумаге, а мне шепчет:

— Завтра в лес уйду. Ямщиковать. Уже с предом колхоза договорился. А что, не сидеть же мне за партой в четырнадцать лет. Работать буду, зарабатывать и девок обманывать,— прыснул он в рукав.

— Афанасий! — обернулась учительница.

На следующий день Афанасий в школу не пришёл, и в самом деле пошёл работать в лес на всю зиму — брёвна перевозить. И с тех пор за парту уже не садился. Разве что — после войны, когда в армии на шофёра выучился. А мне в тот год было только двенадцать. С тех пор я много лет не встречался с Афанасием. И как-то встретились в родной деревне. Афанасий, уже с женой и детьми, на своей машине приехал погостить. Он и в детстве был крепенький, кудрявый, с

ласковыми тёмно-синими глазами на круглом лице. А тут стал совсем круглый, не поймёшь – где живот, а где – всё остальное. Поздоровавшись, он долго смотрел на меня увлажнённым синим взглядом (слегка под хмельком), растроганно спросил:

– А помнишь, как в пятом классе я у Анны Алексеевны, математички нашей, тетради выманивал?

– Помню. Одну.

– Пять! – хлопнул меня по плечу Афанасий.– Пять. Две недели в школу ходил, а она мне пять новых тетрадей дала.– Вздохнул.– Знаешь, Вася. Она любила меня почему-то...

– А девушек, поди, много потом обманул?

– Чш-ш-ш! – зашипел Афанасий, приложив палец к губам.– Жена услышит. Было дело, Вася.

Всё это разом вспомнилось, когда разговор зашёл об учёбе, а Лена всё выспрашивала:

– Ну, а в начальной-то хорошо видел?

– В начальной-то я на первой парте сидел, и то всё время шею к доске вытягивал. А в новой школе сидел на последней.

– А очки почему не носил? Стеснялся?

– Тогда детям очки не полагались. Только служащие – сильно учёные люди – тогда носили очки.

– Да!.. А что же ты лениться стал в новой школе, ведь ты от рождения хотел быть хорошим, до неба вырасти, никогда не умирать?

– А знаешь, Ленка! – вдруг удивился я самому себе.– Тогда, помнится, я ничего такого не хотел. Почему-то совсем забыл об этом, пока не вырос и не стал взрослым. Вот в чём дело, Ленка!..

– Значит, в шестом я тоже троечницей буду, – делает вывод дочь.

– Почему?

– Потому, что мы с тобой одинаковые.

– Не будешь троечницей.

– Буду.

– Нет. Сейчас не война, и видишь ты хорошо.

Мы не совсем одинаковые, Ленка. Дети должны быть лучше родителей.

– А вдруг буду? – грустит Лена.– Знаешь, пап! Ты лучше расскажи, как ты тогда в город приехал, как ты там жил?.. Ведь такой маленький и совсем один. В городе, среди людей...

– Э-э... Не один. С нами был учитель, Степан Сергеевич.

– Он вместе с вами был?

Учитель встретил нас на городской пристани. Перед прибытием в город пароход уже был полон детьми, они садились по пути в каждом райцентре.

– Скоро город покажется, – радовались маленькие пассажиры, впервые отправившиеся в такую дальнюю дорогу. Уцепившись за перила, они смотрели только вперёд – вот-вот покажется настоящий город, который они видели только в книге для чтения, да ещё – в кино. И вот он уже где-то рядом. Только что пароход шёл между высокими, лесистыми берегами, но вот лес расступился, вот уже раскинулись далеко вокруг зелёные луга, вот пароход тоненько свистнул –

раз, другой – видимо, поговорил о своих делах с встречным пароходом. Вот оставил он в одиночестве красавицу-Эжву, свернул налево. И через минуту все радостно закричали:

– Город, город!

На левом, высоком берегу среди деревьев виднелись большие, светлые дома – ещё деревянные и одноэтажные, но это были первые городские дома. Потом потянулись длиннющие серые склады, и пароход дал громкий гудок, перестал шлёпать колёсами, приткнулся к боку деревянной пристани, пришвартовался. Хотя торопиться, может, было и некуда, но все прибывшие разом бросились, спеша и толпясь, к трапу.

– Вадоров! Мингалев! – слышно, как зовут нас сопровождающие районных ребятишек взрослые. И мы тоже стали спешить, толкаться, пробиваясь к призывным голосам. Сошли с парохода – и будто в доме очутились. Весь берег возле пристани прикрыт деревянным полом – настилом. В город вела широченная лестница с красивыми резными перилами. А наверху – наши вожди, Ленин и Сталин, вскинули в приветствии крепкие руки. Я, разинув рот и задрав голову, рассматривал скульптуры вождей, когда со спины кто-то широкой ладонью закрыл мне глаза. И никак мне не сообразить, кто же вздумал поиграть со мной здесь, в городе! Ну, никак!

– Не знаю, – едва выдохнул я.

– Узнай, – сказал кто-то за спиной и рассмеялся.

– Степан Сергеевич!

Да, это был он.

Степан Сергеевич рассказал о том, как по радио передали о нашем успешном выступлении на районной олимпиаде, и как узнал он, что нас направляют в город.

Мы идём по городу рядом с учителем.

– Это летний сад, парк, там и качели, и карусели, как-нибудь нас туда сводят, покатаетесь. Это улица Кирова, – объясняет Степан Сергеевич.

Идём по улице, вдоль парка. Тут учитель останавливает нас и показывает рукой на красивый двухэтажный дом с окнами, почти как в церкви, и говорит:

– В этом доме я учусь. Вчера сдал последний экзамен. Завтра еду в Москву. Путёвку дали за хорошую работу и учёбу. Жаль, конечно, что вашего выступления не увижу. А вы не бойтесь. И здесь ещё похвалят.

Мы тогда, конечно, не очень-то понимали о какой такой учёбе говорит Степан Сергеевич. Ведь мы-то думали, что нет на свете ничего, чего не знал бы наш учитель, а оказывается, и ему надо много учиться, чтобы учить нас, детей. Но мы об этом тогда, конечно же, не думали. Разинув рот, мы вовсю глазели на городскую жизнь, на нескончаемый поток спешащих куда-то людей.

– Вась! Автомобиль! – вдруг с криком схватил меня за руку Толя. Глядим, а за ним уже и второй автомобиль гудит. А за ними – мотоцикл. И было удивительно, что городские ребята не гоняются за ними, как мы – деревенские. А нам дома увидеть и услышать автомобиль – это всё равно, что с неведомым зверем повстречаться! Как услышишь далёкое гудение машины – подберёшься весь, шею вытянешь и слушаешь: удаляется или приближается? Если же приближается – бросаешь всё и мчишься что есть силы на шум мотора. И вдруг станет тихо.

Перемахнёшь через очередной забор, пробежишься, обжигая пятки, по горячему песку большака и вот он – зелёный, гладкий и блестящий, стоит возле дома Петра Егорыча. А вокруг машины, как растревоженные муравьи, уже копошатся, бегают малолетки, вроде меня. Нюхают восхитительный запах бензина, глядят блестящие, выпуклые фары, щупают упругую узорчатую резину, а самый смелый и знающий заберётся на подножку, дотянется до заветной кнопки в середине руля – би-би – весело и тревожно отзовётся автомобиль, и тут бросаются врассыпную подальше от машины все. В доме откроется форточка, и зычный шофёрский голос выдаст:

– Вот выйду – уши-то обдеру! – глядишь, не одна рука задумчиво потрёт кончик уха, каждому эта процедура знакома. Но от дороги далеко не убегаем: ждём, когда выйдет шофёр, заведёт машину и сядет на пружинящее кожаное сиденье. Автомобиль не наш – из соседнего колхоза, а шофёру всяко придётся выйти и гнать домой. И выйдет. И скажет:

– А ну, все в машину. Прокачу.

И поднимет всех нас в кузов, прикажет всем сесть и держаться друг за друга. И – тронется машина, переваливаясь, выберется на большак, да как рванёт по ровному – от скорости захватит дух и, кажется, вот-вот подбросит нас на ухабе как следует, и полетим мы из кузова, и шмякнемся прямо в ручей, что бежит вдоль дороги. Позже мне часто снилось, как взлетаю я из кузова прямо в голубое небо, потом начинаю падать и просыпаюсь уже возле самой земли.

Конечно, в городе всё казалось нам удивительным и странным. И множество машин, и деревянные тротуары на улицах, и большие многоэтажные дома, и духовой оркестр, что играл в парке по вечерам, лавки, магазины... Но не менее удивительно было то, что в центре города, на огромных тополях мирно расположилось множество вороньих гнёзд. На каждом дереве, может, штук по сто. Как увидели – долго удивлённо глазели на это непривычное зрелище. Да, ну и жизнь в городе. Нам, в деревне, приходится в лес ходить, чтоб хоть одно гнёздышко отыскать. А здесь, в городе, и ходить никуда не надо – полно висит. В самом центре. Тут и слепой увидит. Но когда поразмыслили получше – гнездо разорить невозможно, птенцов домой не унесёшь и не вырастишь: гнёзда-то на самых вершинах разместились, на кончиках длинных ветвей. Туда, пожалуй, не добраться. А и доберёшься – голова закружится, да и полетишь вверх тормашками, шмякнешься – мало не будет. Или, если голова не закружится – длинная и хрупкая ветка согнётся, потом хрустнет и... – опять же вниз головой полетишь. А если вороны нападут! На вора! Если сто ворон разом накинутся, то, пожалуй, волосы-то начисто выдерут, до костей исключают. И Толя смотрит на дерево да почёсывает голову, будто уже поклевали, потерзали его разгневанные вороны. А в нашем лесу вороньи гнездятся на ёлках. Когда – с ветки на ветку – забираешься на дерево, то всего-то две вороны и летают, каркают над гнездом, да и гнездо от ствола недалеко. Достанешь рукой уже оперившегося птенца, в картуз сунешь и без особых трудностей спустишься обратно. Рубашка, конечно, осмолится да ещё и за сучок зацепится, порвётся. Но ведь с дерева не свалишься, и никто тебя не клюёт, волосы не выдирает, только воронья чета гоняется за тобой и кричит отчаянно, ругает по-своему на все лады, может так даже:

– Пионер, пионер ещё называешься, а птички гнёзда разоряешь! Позор! Позор!

А ведь в мыслях мы вовсе не разорители. Нам хочется поселить воронёнка в дома, накормить его всякой всячиной, потом чему-нибудь научить... Вот ведь сколько лет уже живёт в детском доме ворона. На ночь она улетает в ближайший ельник, а поутру, как только заметит клубы дыма, весело и густо повалившие из детдомовской трубы, ворона сильно оттолкнётся от зелёной вершины, и неторопливо машая крыльями, полетит к родному дому, сядет на знакомое крыльцо и подаст голос:

– Кра-кра! Кра-кра!

После завтрака проводит детдомовских детей в школу, сядет во дворе на берёзу и станет через окно смотреть-слушать подряд все уроки. С ними же вернётся домой, и пообедает, и поужинает. А на ночь снова улетит в свой ельник. И всегда сыта, и не надо домашней вороне суетиться, беспокоиться о хлебе насущном.

Но это не совсем то, о чём я хотел вспомнить и рассказать. Степан Сергеевич уже на следующий день уехал в Москву. Об этом он написал в письме моему брату Грише, тогда шестнадцатилетнему юноше. Гриши давно уже нет, он погиб в июне сорок второго под Ленинградом. Но ведь память не умирает и, пожелавшие, как осенние листья, письма лежат на моём столе и всё ещё живут, рассказывают, вспоминают:

«Здравствуй, дорогой мой юный друг Гриша – писал Степан Сергеевич. – Сегодня я считаю себя счастливейшим человеком, так как получил Ваше драгоценное письмо и сегодня мне вручили бесплатную путёвку в Москву.

Гриша! Я достану тебе для лечения рыбий жир. Здесь, в городе, у меня появились новые знакомые – врачи. Четыре воскресения провёл я в Сыктывкаре, и на каждое был приглашён в гости. Сегодня утром по радио передали, как хорошо выступали в районе ученики нашей школы Толя Мингалев и твой брат Вася. Скоро они будут в городе. Гриша! Не расстраивайся, что не попал в город на курсы. Успеешь, молодой ещё. В городе сейчас жить труднее, чем в деревне, с продуктами всё ещё очень тяжко. Через месяц я приеду, и снова каждый вечер будем собираться в школе, и снова славно поживём до следующего лета, поставим много спектаклей и концертов, полностью покончим с безграмотностью в деревне. Я уже сейчас думаю, какие спектакли ставить зимой, как подготовить Новогоднюю ёлку. Я так жду этого времени, даже голова кружится, как подумаю. Гриша! В Сыктывкаре очень много молодёжи, в том числе и учителей, призвали в армию.

Ответ не пиши, через два дня еду в Москву знакомиться с пролетарским центром, каналом Волга-Москва и с ВСХВ. Письмо пишу под музыку: сегодня в педучилище выпускной вечер. Наверху пляшут и играют, а я пишу письмо. В городе идёт звуковой фильм «Поднятая целина».

Твой друг С.С. Логинов. 19 июня 1940 года».

Через два дня после этого письма мы прибыли в город. А ещё через три дня на первой странице газеты «За Новый Север» была опубликована заметка. Эта пожелавшая газета тоже лежит на моём столе. Там написано:

«Открытие республиканской олимпиады детского творчества.

23 июня в 6 часов вечера в театральном зале Дома Народного творчества, в

торжественной обстановке открылась художественная олимпиада детей Коми АССР. Театральный зал заполнен до отказа. Здесь собрались представители общественности, артисты, музыканты, стахановцы от городских предприятий, представители советской интеллигенции и, конечно же, дети, прибывшие на олимпиаду из районов республики и сыктывкарских школ.

Вступительное слово произнёс председатель оргкомитета олимпиады, секретарь обкома ВЛКСМ товарищ Торлопов.

Торжественной «Песней о Сталине» в исполнении хора детской художественной студии открылась республиканская олимпиада. Детский хор, который спел также «Гимн партии большевиков», был встречен тепло, бурными аплодисментами.

Зал дружно одобрил хоровое пение воспитанников Усть-Куломского, Айкинского, Нишпорского, Юдорского детских домов.

Но больше всего зрителям понравились выступления ученика начальной школы из деревни Шутем Юдорского района Толи Мингалева, который исполнил песню о козе, и девочкой из Усть-Вымского детдома, которые показали танец кузнечиков.

Надо отметить хорошее выступление чтеца Васи Вадорова (Юдорский район, Шутемская начальная школа), который прочитал стихотворение «Пусть солнце сияет». Всего в первый день было представлено двадцать пять номеров. Сегодня олимпиада продолжается».

А рядом с заметкой снимок. На снимке поющий Толя Мингалев. На круглой голове – сшитый из ризы высокий колпак. В вышитой рубашке с широким узорчатым поясом, он по театральному сцепил пальцы перед грудью.

Мы тогда, конечно, ни этой хвалебной заметки, ни фотографии не видели. Только помню: Толю в первый вечер трижды заставляли спеть. Как сейчас слышу бурные аплодисменты в зале и крики: «Толя! То-ля!» А Толя стоит, спрятавшись за занавесом, и за плечо его придерживает молоденькая ведущая (тогда для нас, конечно, совсем не молоденькая), а потом снова подталкивает Толю на сцену. И Толя, совсем как медвежонок, переваливаясь бежит на середину, кланяется до земли, потом складывает ручки перед животом, немного наклоняет вправо голову и звонким голосом заводит:

– Жил-был у бабушки серенький козлик... – а потом широко разводит руками, топает ножкой по сцене и поёт: – Вот как, вот как, серенький козлик. Бабушка козлика очень любила. Вот как, вот как, очень любила.

Конечно же, зрители, в основном, взрослые люди, радовались не столько искусству пения, сколько новой, счастливой жизни. Ведь вот приехал же в город из деревни, за триста вёрст мальчик, совсем ещё ребёнок. И поёт со сцены. Без всякого страха. Звенит, как ручеёк, его чистый детский голос. «Вот ведь и настала для детей новая жизнь. Счастливая жизнь. И пусть бесконечно счастливы будут все советские дети», – наверное, примерно так думали тогда зрители и организаторы той первой художественной олимпиады.

Заключительный концерт, на который комиссия отобрала лучшие выступления, проходил в зале драматического театра. Толя пел и много раз выбегал кланяться на середину сцены – совсем артистом стал, и я читал «Пусть солнце сияет», вздывая руки вверх, к воображаемому солнцу и небу. И после нас ещё многие должны были петь и танцевать. А мы, свободные от творческой работы,

бегали за сценой. Подёргаем одного за красивый пояс, у другого пощупаем впечатительных размеров кинжал. И только к девочкам из Юдорского детдома я приблизиться не смел. Они, необыкновенно нарядные – длинные шёлковые ленты струятся от головы до пояса, белые расшитые кофточки, на чёрных юбках яркие рюшечки, на ножках красивые красные туфли – ждали, когда объявят их номер. Девочки заметили, что я стою в стороне и восторженно их разглядываю, показывали и глазами и руками, чтобы я подошёл к ним – ведь мы же из одного района и в городе вместе живём в Доме колхозника. Но подойти я не посмел. Ведь я всего два класса закончил и некрасивый. Хотя в мыслях я был рядом и теребил разлетевшиеся по всей спине шёлковые ленты одной из девочек.

– Пап! Ты что – с детства такой влюблённый был? – тут же спросила моя Лена.

Да, сегодняшние Ленки и не такой ещё вопросик могут подкинуть! Ещё один только нос из пелёнок торчит, и тот уже к телевизору тянется. И чего только они там не увидят и не услышат. Как-то пришёл я домой пообедать. И пока разогревал на кухне еду, стал свидетелем забавного диалога. В соседней комнате шестилетняя Ленка и её четырёхлетний брат лежали на разложенном диван-кровати и, подперев головы маленькими кулаками, смотрели телевизор. Видимо, какой-то взрослый фильм. Слыши, Ленка возмущённо заявляет:

– Фу! Ещё не влюблялись, а уже целуются!

А немного погодя четырёхлетний двоюродный братик урезонил старшую сестру:

– А чего же им ещё делать, Ленка, ты сама подумай! Они ведь не маленькие, играться, как мы, не будут!

Мы в своё время таких разговоров не вели. Хотя я, если откровенно, сколько себя помню – вечно в кого-то был влюблён. Но тайком, чтоб никто не то, что догадатьсяся, а и – подумать бы не мог. В том числе и сам предмет любви. Любишь – и тебе любо, радостно. Чтоб только никто не знал. И сам же, совсем маленький ещё человек, опять же про себя, удивляешься-спрашиваешь: почему нельзя ни с кем этой радостью поделиться? Может, ты один такой скрытный?

А тогда я, девятилетний мальчик, стоял за сценой, смотрел не детдомовских девочек и думал: вот бы купить красные, как у девочек, туфли и привезти домой! Вот бы наши, деревенские, глаза-то вытаращили! А четвероклассница Роза всплеснула бы руками и сказала: «Вася! Какой ты красивый!»

И тогда я потерял Толя... Концерт уже закончился, на сцену вынесли столы, стулья. На столах, покрытых красной скатертью, расставили коробки и свёртки. Говорят, участникам олимпиады будут вручать премии и грамоты. Уже все дети спустились в зал и там расселись, а Толи нигде нет! Я бегаю за сценой, заглядываю за каждую занавеску, в каждую комнатушку. И – Вася! – окликнули меня откуда-то снизу.

Гляжу, из-за двери, что ведёт под сцену, выглядывает Толя и таинственно машет мне рукой.

– Ты что здесь делаешь? – спрашиваю я Толя, спустившись к нему. Там темно, чуть теплится единственная лампа. Толя очистил лицо от паутины и пыли и молча указал на свой живот. Я сначала не понял, но потом заметил, что рубашка сильно оттопырилась.

– Что там?

– Тут на полках полно красивой бумаги. И не бумага даже: гнётся, как

резина, а не ломается. И всякие цвета есть: красный, синий, алый, зелёный. Я лампу накрывал. Каким цветом накроешь – таким и светит. Я всех цветов отобразил. Когда все уйдут – вынесем. Знаешь, что будет, если такое добро привезём! На Новый год зажжём фонари, накроем все разными бумагами и будет, как в сказке. Как все уйдут – вынесем!

– Толя! Наверху премии дают. Слышишь?

– Пусть! Нас, может, и не премируют.

В этот момент сказали:

– На сцену вызываются ученики Шутемской начальной школы Юдорского района Мингалев Толя и Вадоров Вася...

– Слышишь? Пойдём!..

– Нет. Слушай, чем премируют. Потом возьмём.

В зале, наверное, искали нас, а потом тот же голос произнёс:

– За хорошую подготовку к олимпиаде Шутемская начальная школа награждается почётной грамотой и премией – патефоном с двенадцатью пластинками...

В зале захлопали, а у нас глаза полезли на лоб, дух захватило: патефон! Патефон мы за четыре километра бегали слушать, в сельсовет. По праздникам. Теперь свой будет!

От неожиданности мы долго ничего не могли сказать, только удивлялись – патефон и двенадцать пластинок!

И вдруг Толя спросил:

– Вася! А как же мы разделим? На двоих? Или пусть одну неделю у меня дома будет играть, другую – у тебя?

Долго мы думали, как разделить патефон. Но когда нам вручали премию, сказали, что патефон, дорогие ребята, делять не надо. Мол, к осени мы вышлем патефон в вашу школу и там будете играть. Для всех детей. А по праздникам и для взрослых.

– Вот он, ваш патефон – премия для всей школы, можете посмотреть и даже проверить, играет или нет, – показали нам на синий ящик на столе.

Мы подошли к столу и, затаив дыхание, смотрели на патефон, как на новорождённого ребёнка, поглаживали его немного шершавую крышку. Синий патефон. Блестят, как пионерские зажимы, новенькие, тугие замки. Если оттянуть и отпустить вдруг – резко хлопают они по патефонной крышке. И пахнет резиной, как автомобиль.

– Умеете пользоваться? – спрашивают нас тёти и дяди.

Мы качаем головами: не умеем. И не в силах оторвать глаз от, теперь уже – нашего, патефона, стоим возле стола, как пришпиленные. Тут подошла ещё одна тётя (для нас – тётя, а на самом деле – молодая девушка, комсомолка), ловко щёлкнула замками, открывая патефон, из-под крышки достала заводную ручку, вставила её куда надо, приблизила к красному диску мембранны на изогнутой серебряной шее, закрепила на мемbrane тонкую иглу. Взглянула на нас, улыбнулась:

– Кто будет патефон заводить?

– Вася пусть заводит, – прошептал Толя.

– А ты, Толя, выбери, поставь на диск пластинку.

Ну и работёнка! Я, моментально вспотев, потихонечку кручу ручку, а девушка

придерживает патефон, чтобы не елозил по столу, и просит: смелее, смелее... И вот Толя осторожно положил на диск выбранную пластинку... Тётя-девушка отпустила тормоз и, когда диск разогнался, тихонько опустила мембрану с иглой на пластинку. Немного помолчав, патефон вдруг отозвался:

Если завтра война,
Если завтра в поход,
Если тёмная сила нагрянет –
Весь советский народ
Как один человек
За советскую Родину встанет.
На земле, в небесах
И на море
Наш напев
И могуч, и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход –
Будь сегодня
К походу готов!

Мы были окончательно смущены и совершенно счастливы. Мы страстно желали, чтобы как можно скорее пришла осень, первое сентября, чтобы подоспел к этому времени в школу первый патефон.

Когда кончилось лето, когда пришла осень и первое сентября – в школьном дворе собирались не только ученики, но и их родители, старшие братья и сёстры. На школьное крыльце сторож дед Тимофея вынес стол, накрыл его зелёной, с учительского стола, скатертью. А потом был митинг. Степан Сергеевич рассказал, что должны делать в новом учебном году ученики и их родители, а затем показал и зачитал содержание Почётной грамоты, которой школу наградили за успехи в учёбе и на олимпиаде. И тогда мы с Толей вынесли на стол с зелёной скатертью – премию. Я нёс патефон. Толя – пластинки. Я завёл пружину, Толя – положил пластинку, отпустил тормоз, опустил мембрану, и красивый, сильный голос запел:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек...

Так и поделили мы с Толей патефон. Если мы не болеем, если мы в школе – патефон обслуживали мы, пока там учились. Конечно, тем, кто сидел рядом, давали ручку покрутить и иголку наточить. Поёт патефон, а кое-кому так и охота внутрь заглянуть, руку запустить, ведь есть же там кто-то!..

Толя сидит возле патефона и неоднократно повторяет:

– Нет, нет там никого, нечего руки протягивать и нос совать, куда не следует!

– Ну, а как же он поёт? – недоверчиво спрашивают его.

– Вот этого я и сам не знаю, – прямо и просто отвечает Толя. – Всё понимаю, а вот как на пластинке слова и музыка остаются – этого не понимаю, не могу сказать.

Не отвечает на этот вопрос и учитель, только говорит, что надо много учиться, чтобы это понять. Но всё это было уже потом. А в тот вечер, когда мы дожидались ухода зрителей, и когда всё стихло, и когда мы вылезли из-под сцены – в зале, где не было ни одного окна, было темно. Вышли из зала – посветлело, а в какую дверь ни толкнёшься – ни одна не открывается. Так мы и влипли: побросали на пол разноцветные пластиинки, сами уселись у дверей и заскулили. На наше счастье поблизости оказалась женщина – то ли уборщица, то ли ночной сторож. Услыхала, пришла, долго удивлялась, как мы заблудились в театре, потом долго вела нас по коридорам и вывела на незнакомую улицу.

– Куда идти, знаете?

– Не-ет, – дружно протянули мы.

Тогда женщина провела нас к парадному входу, развернула лицом вдоль спускающейся под гору улицы, показала рукой и скомандовала:

– Пойдёте прямо по улице и во-о-он там ваш дом, на левой стороне, напротив дома из красного кирпича.

Жили мы в Доме колхозника – так тогда называлась гостиница – небольшой, двухэтажный дом. Две комнаты на втором этаже занимали девочки из Юдорского детдома, ещё две – ребята-физкультурники из Коджи, а между ними была наша с Толей комната, и через неё проходили к себе и юдорские девочки и ребята-физкультурники. Когда мы поднялись на второй этаж, девочки и ребята ещё играли во что-то в тёмном коридоре. А мы, виноватые и опоздавшие, прошли к себе, сели на кровати и стали дожидаться, когда наши соседи пойдут спать. И вот входят тринадцать физкультурников. И, видимо сговорившись заранее, каждый дёргает за волосы, пригибая наши головы аж до пола. Напоследок сказали:

– Это вам добавок к премии, чтоб не обидно было. Нам – трусы и майки, а этим за серого козла – патефон!

Значит, трусы с майками показались ребятам недостаточной премией. Они большего ожидали. А нам ещё и деньги в конверте выдали, по сорок рублей. Видимо, вместо премии – патефон ведь в школу отправят для всех детей. А на следующий день я пошёл в магазин – покупать красные туфли. Туфлей нужной расцветки в магазине не оказалось, но зато мне досталась ещё более интересная обувь – такой я никогда и ни на ком не видел. Хоть продавцы и отговаривали, мол, это не для меня. А для кого же тогда! Какому такому человеку такую обувь сшили? По какому праву! И я купил. Сшитые из крепкой кожи туфли были необычны тем, что носы их как бы распадались на две половинки, которые надо было стягивать крепкими и длинными шнурками. Но самой удивительной была подошва: она была не гладкой, усеянной небольшими шишечками, вроде наростов на берёзе. Такой подошвы я ещё ни на какой обуви не видел. И – купил. По возвращении домой отец долго крутил-вертел их перед окном, рассматривал невиданную обувку, потом одобрительно заметил:

– Крепко сшиты! Шишечки только с подошвы ножовкой срежем и – хоть сто лет бегай.

В этих диковинных ботинках я потом сфотографировался, когда следующей весной с первым пароходом приехал из города фотограф. Каждую весну приезжал фотограф. Мы сфотографировались втроём: старший брат Игорь, я, и младший –

Юрий. Юрий – в центре, с октябрятским значком. Мы стоим по сторонам. Игорь с серьёзным, строгим выражением на лице. Я, мечтающий всегда быть хорошим, вроде немного улыбаюсь, а на ногах – высоко зашнурованные, с шишечками на подошве, туфли. После съёмки фотограф подошёл ко мне, вблизи рассмотрел мою обувь и сказал:

– Ну, думаю, что за ботинки парень надел... А это, оказывается, футбольная обувь – буцы называется.

И после этого много неприятных минут испытал я из-за этих ботинок. Старшие ребята (ровесники-то не смели) при встрече кричали:

– Эй, Васька! Эй! Буцы-то покажи!

А ведь люди-то думают, что «буцы» – это не обувь, а что-то другое, неприличное.

И был я очень рад, когда эти диковинные туфли стали натирать подрастающие ноги, и тогда «буцы» перешли к младшему брату Юрию. В то «олимпийское» лето мы с Толей едва добрались до дома. В городе нас посадили на пароход вместе с другими ребятами из нашего района. В Юдор, райцентр, прибыли утром. Ещё темно. Льёт дождь. Детдомовские девочки вскочили да и побежали в их общий дом. Ребята из Коджи ещё ночью сошли в своей деревне, а мы с Толей постояли под дождём да медленно, потупив головы, поднялись по мосткам на берег и постучали в уже знакомую дверь бабушки Мары. У бабушки жили, наверное, недели две – никак не можем домой отправиться, дороги-то ещё пятьдесят километров. Однажды, сидя на ограде, что вокруг бабушкиного двора, услышали мы, как зазвенел по большаку знакомый колокольчик, потом показались знакомые шутемские лошади, запряжённые в почтовый тарантас, а на передке сидел дядя Сарьён – шутемский почтальон. Забыв обо всём на свете, мы бросились за тарантасом:

– Сарьён! Сарьён! – бежим по большаку и кричим. И, наконец, Сарьён услышал, остановил лошадей. И забрал нас, вечером посадил нас и всю ночь мчал по волоку в родную деревню.

И, когда показались меж высоких холмов знакомые дома, такие близкие и родные улочки, деревья, поля – снова не было людей, счастливее нас. Мы были ещё более счастливы, чем тогда, когда большой пароход впервые повёз нас в город.

В рубашке, давно потерявшей от грязи первоначальный свой цвет, в изжёваных, запылённых штанах, босой, на плече две пары ботинок: новые и старые, я шагаю по своей, знакомой до каждого бугорка, каждой ложбинки, улице, низко опустив голову, чтобы ни с кем не встретиться взглядом, не расплескать переполняющую душу радость. Вот уже увидел меня и улыбнулся своими светлыми окнами родной дом – приветливо оскалились ворота, вот и мосточек через изгородь заметил меня – радостно подзывает и манит к себе: «Иди, Васятка, иди скорей!» И я уже на мосточке, и тёплые доски ласкают подошвы босых ног, а на огороде под окном – мама картошку очищает, работает быстро, торопится...

Но вот – разогнулась, заметила меня, стоящего на мосточке, стряхнула руки от налипшей земли и заспешила навстречу... Я пересёк двор, стою уже под окном на тёплой и мягкой лужайке. А мама, прижав к животу мою голову, провела рукой по волосам, осматривая. Слыши, ворот рубашки расстегнула, галстук пионерский от зажима освободила и бросила на траву, и слышу – горячие капли упали на мою голову, щёки – мамины слёзы...

— В одной рубашке, в одних штанах услали ребёнка на такой срок, — причитает мама, утирая слёзы. — Снимай, родимый, всё, не входи уж в дом таким... Сейчас, тут же воды горячей вынесу, голову вымою, шею, рубашку новую дам. И сейчас же баню затопим, сейчас же...

Конечно, всплакнула, наверное, и Толина мама, когда увидела его отросшие, свалявшиеся за месяц волосы, почерневшую от грязи рубашку.

Назавтра мы бегали возле речки наголо остриженные, пропаренные горячим веником, не раз и не два отмытые-оттёртые с мылом и щёлоком, в лёгких, чистейших рубашках и штанах. И готовы мы были обежать всю деревню, заглянуть во все её уголки и закоулки, с которыми так долго не виделись.

И снова были мы вполне счастливы. Надолго ли? Не зря говорят: счастье и беда рядом ходят, друг за дружкой. То одно тебя коснётся, то другое.

Не было школы в верховьях Эжвы-реки, где бы не знали, что Шутемской школе за олимпиаду дали патефон. И в каждой школе с первого же учебного дня готовились к следующей олимпиаде. От нашей семьи на олимпиаду собирались три брата. Чтобы занять хорошее место, нашли и выучили наизусть самые длинные стихотворения. Игорь — сказку о царе Салтане, я — о золотой рыбке, а брат Юрий — октябрёнок — небольшой, но красивый стишок про рыбалку.

И снова пришла весна, и пришёл первый пароход. И городской фотограф приехал первым пароходом. В яркие майские дни все шутемские жители — и большие, и маленькие — два дня подряд фотографировались в школьном дворе, чтобы память осталась на век. Фотографировались учебными классами, семьями, с друзьями и подругами. Отдельно, с песнями и плясками, фотографировались участники самодеятельности. В эту зиму они подготовили и показали две пьесы: «Красавицы» и «Колдун». Каждая колхозная бригада также фотографировалась отдельно. Был это, в общем, двухдневный «фотографический» праздник, чтобы память осталась на всю жизнь...

А через месяц, ранним утром нам надо спешить на новую олимпиаду. В район выехали десятью подводами. И снова повстречался нам почтальон на конной паре.

— Куда едете? — крикнул Сарьён, поравнявшись с нами.

— На олимпиаду, дядя Сарьён! — дружно отвечали мы, радуясь началу летнего дня.

— Какая олимпиада! — с досадой крикнул Сарьён. — Война! Война началась! Гитлер на нас напал!

И погнал дальше почтовую пару. Чтобы быстрее, быстрее принести односельчанам чёрную весть:

— Война! Война, товарищи! Война, братья и сёстры!..

Сразу возвращаться не стали, доехали до райцентра. Там к нашему приезду уже готовились: дважды накормили вкусным мясным супом, напоили из больших кружек горячим молоком, угостили пирожками с котлетами и варёными яйцами. А потом большие дяди, добрые дяди, жалеючи нас, малышей, спокойно объяснили:

— Война, дети! Теперь у всех одна забота: фашистов разбить. Сегодня же всем — обратно домой. И с завтрашнего дня — на луга, на поля. Ох, и много же работы вас ожидает. Прогоним фашистов — тогда и попоём, и попляшем.

Тогда в райцентре работал бухгалтером мой старший брат Гриша. И я не

вернулся домой вместе со всеми, а пожил несколько дней у него. И с утра до вечера крутился возле двухэтажной школы, где день и ночь работала призываная комиссия. А на лугу, рядом со школой, полно народу: мужики и бабы, дети и стреноженные лошади; оглобли, как зенитные пушки, недвижимо торчат тут и там; дымятся под чайниками и котелками небольшие костерки... Здесь собрался народ с верховий Вычегды: люди прибывали и прибывали, чтобы отсюда уйти на защиту Советской Родины. И уходили четыре года подряд, зимой и летом, весной и осенью. И сейчас, когда пишу я эти строки, со мной говорят пожелавшие от времени письма: письма, которых мы так ждали тогда. Передо мной письма фронтовиков моей сестре Музе, в начале войны ей было шестнадцать лет. В них очень мало сказано о войне, о трудностях, но по этим письмам можно понять, как стосковались люди по родному дому, по мирным, довоенным делам и заботам.

Письма

Здравствуй, Муза!

С приветом к Вам Иван Николаевич, бывший ваш учитель. Несколько слов о своём житье-бытье. Сегодня 1 ноября 1943 года. Третий год на фронте, третий раз ранен, лежу в госпитале. Но скоро выйду и снова туда – на фронт. Рана в груди уже зажила, только осколок там остался да указательный палец не сгибается, цепляется повсюду, здесь терпеть можно, а вот на фронте, в бою будет сильно мешать. На фронт попаду в самый дождь и холод, но ничего, не впервой.

Позади остался ещё один октябрьский праздник, третий за время войны. Весь день из госпиталя никуда не выходил, сидел на кровати, чиркал карандашом по бумаге. Нарисовал нашу шутемскую начальную школу с большими окнами и, глядя на рисунок, думал, вспоминал всех вас, даже увидел, как вы слушаете в школе премиальный патефон, да потихонечку пел грустную песню. Вот и всё, о чём хотел написать.

До свидания!

Здравствуйте, Муза Александровна!

Сегодня 21 декабря 1943 года. Сегодня меня выписали из госпиталя и – снова туда, где нас ждут. Будем беспощадно драться за правобережную Украину. Привет отцу с матерью, братьям: Игорю, Васе и Юрию, пусть хорошо учатся, всем знакомым.

Иван.
Полевая почта № 34597

Сестрой надписано на письме: «Умер в госпитале, в Донбассе, в феврале 1944 года, после четвёртого тяжёлого ранения».

Привет от Пронта.

Печеницыну Михаилу Егоровичу.

Здравствуйте, дорогие мои молодые Барушки Вадорова Муза Александровна. Ну, Муза – разрешите теперь несколько слов о себе написать по-коми, по-русски

мне очень трудно после двух лет учёбы-то, хоть и четвёртый год воюю да слышу только русскую речь, а также разрешите на будущее с вами получше познакомиться и переписываться. В армии я седьмой год, конечно, за это время все девочки у нас подросли, и, если приеду домой – никого не узнаю. А, может, и не доведётся домой приехать. Ну, Муза, на меня не сердись, что письмо пишу, мне никто не пишет, хочу узнать, как там дома живут. Сама, наверное, знаешь, ни отец, ни мать писать не умеют. Что сказать о себе? Я на фронте. Конечно, три раза ранен. Дважды наградили орденом «Красная звезда» и медалью «За отвагу». Идём на запад. Как разобьём гитлеровских бандитов – вернёмся домой. Пора уж, Муза, домой возвращаться. Я уже так устал на фронте, такое повидал, что и написать нельзя. Но надо как-нибудь перетерпеть, будем живы – вернёмся домой, с победой. Давно уже никого из коми не встречал. Как ранило под Сталинградом – с тех пор. С тех пор никого не встретил из Коми. Ну, Муза! Ждите домой с победой.

Прощай и досвиданице.
Полевая почта № 29567-III.
7.9.44 год.

Сестрой написано: «Погиб в марте 1945 года. Я прочитала извещение и долго плакала. Ответ долго не писала, и не знаю, получил ли он моё письмо».

Сестра работала в Шутемском колхозе счетоводом и ей на стол складывали всю деревенскую почту.

22.XI.44 г.

Здравствуй, Муза Александровна!

Пишет вам с фронта ваш друг детства и сосед Ульянов Алексей Васильевич. Шлю вам и всей шутемской молодёжи чистосердечный боевой комсомольский привет лично от себя и от моих боевых друзей.

Муза! Никак я не могу забыть вас, земляков, хотя и давно не был дома. И так хочется разок увидеть вас всех и свою улицу. Но ничего. Скоро вернёмся, война кончится, разобьём фашистов, будет и на нашей улице праздник. Лишь бы живыми остаться. А живыми мы останемся!

Муза! Я никого из девушки не знаю. Дай кому-нибудь мой адрес – можно какой-нибудь учительнице, чтобы она написала мне письмо. А твой адрес я дал одному моему другу, очень хороший парень.

Ваш сосед и друг детства Алексей.

На письме написано: «Вернулся с тяжёлым ранением в живот в 1946 году, после лечения в госпитале. Умер на родной улице, в родном доме в марте 1947 года от тяжёлой раны и плохого питания. Умер в 26 лет».

Привет из Корткероса!

Добрый день, хороший час, весёлая минута.

Здравствуйте, Муза Александровна, Нина Кирилловна (Нина – колхозный завхоз) да Митя Трофимович (Митя – предколхоза, раненый фронтовик). Это пишет Егор Прокопьевич – Проке Ёгор. Как мы добирались из дома до армии?

(Егор Прокопьевич – 18-летний юноша из Шутема, до ухода в армию – колхозный бригадир). Сперва прибыли в Юдор. Нас осмотрели и сразу выдали продукты: хлеба – 4 кг, печенья – 700 г, масла – 200 г, консервов – 2 банки, папирос – 2 пачки и денег 131 рубль. И сразу вышли в дорогу, 3 января в 6 часов вечера. С привалами шли пешком всю ночь, для поклажи на 10 человек дали одну лошадь. До города осталось 48 км. Шутемские, 8 человек, все в одном отделении. Идём, особо не расстраиваемся, смеёмся и поём, а некоторые все плачутся, даже в сани боятся сесть. Пока всё. Особо не горюйте, привет домашним и всем колхозникам-колхозницам. Хорошо работайте в колхозе.

Муза, Нина и Митя!

Живите в колхозе хорошо и колхозницами управляйте, как следует, чтобы не голодали.

Другое письмо напишу из части.

Егор.
4.1.43 года.

Пишет учитель Степан Сергеевич.

Здравствуйте, Муза Александровна!

Прошло много времени с тех пор, когда мы в Шутемской школе веселили молодёжь и пожилых колхозников. Я ушёл на войну холодным зимним утром, выходя из дома не показал виду, что на сердце у меня тяжело и горько. Уходя в армию, обещал отомстить фашистам, которые погубили наших дорогих друзей и товарищей: Ивана Николаевича, Гришу, Раевского и многих других. По Коми земле шли пешком, все деревни провожали нас и желали доброго пути, наказывали до конца бить врага и обратно вернуться на родную землю. Я снова ранен и теперь лежу в госпитале, за эти три фронтовых года сильно изменился, постарел и похудел, вчера мне исполнилось 45 лет. А сердце говорит: это всё ничего, скоро кончится война, снова вернёмся на родную землю и будем работать ещё лучше, ещё сильнее. Очень уж мне хочется поработать с молодёжью, с детьми...

Логинов С.С. 13.2.45 год.

Глава пятая

1

После того, как Василий Вадоров перенёс эти письма в свои записи, он ещё долго сидел за столом, неподвижный и хмурый. С разложенных фотографий смотрели на Василия такие знакомые и дорогие лица, и взрослые и дети, которых успел запечатлеть на снимках приезжий фотограф в мае 1941 года. Они смотрели с фотокарточек, как экзаменационная комиссия. Будто Василий сдаёт экзамен, а они задают вопросы. Экзаменуют не теперешнего, а того, маленького Васю. Поэтому, может быть, и не очень строго:

– Ну что, Вася. Нелегко признать, что мы не только были, но и теперь есть, не

исчезли, не пропали никуда? Мы были и есть, Вася. Со всеми нашими радостями, печалями и болью. Ты почти что прав, Вася, когда говоришь: мы все существуем в этом огромном мире, покуда есть те, кто помнит нас. Ты правильно думаешь, друг, правильно.

— Ты помнишь, Вася, — спрашивает восемнадцатилетний Гриша. — Ты помнишь, Степан Сергеевич вызвал тебя в учительскую, одного. Степан Сергеевич сказал мне, что ты хочешь спеть на олимпиаде «Песню о Щорсе», и хотел, чтобы ты попробовал спеть под мою гармошку. Я заиграл, а ты голову опустил, словно бодаться собрался, и забурчал что-то себе под нос. Я перестал играть, сказал Степану Сергеевичу «не надо», а ты носом зашмыгнул. Что, сильно разозлился на брата, Вася?

— Мне эта песня очень понравилась, и петь я умел, а ты сказал учителю — «не надо», не умеет, мол, петь. Мол, у Толи Мингалева голос лучше, пусть он и поёт.

— Да. У Толи хороший голос был. Звонкий.

А учитель Степан Сергеевич слушает этот разговор и хитро улыбается, немногого прищурившись смотрит на Василия, будто говорит: «Ну-ка, ну-ка, защищайся, Вася...»

— А как защищаться?..

— Приезжай. Научу, — говорит Степан Сергеевич. — Сядись на самолёт, или на теплоход и приезжай. За столом, с глазу на глаз я ещё вполне могу поговорить.

Василий долго смотрел на разложенные фотографии, на лица дорогих ему людей, а потом открыл толстый и широкий блокнот для записей и на одной из страниц крупными буквами написал: «По возвращении домой незамедлительно съездить в Юдор. К первому учителю Степану Сергеевичу Логинову». Записав это срочное дело в блокнот, Василий отложил ручку, встал у окна и некоторое время стоял, поражённый увиденным. Листопад был в самом разгаре. Густо, как крупные хлопья снега, летели жёлтые, красные, оранжевые листья. Земля под деревьями превратилась в яркий ковёр. Так, что поначалу даже слепило глаза. И Вадоров быстро оделся-обулся, бегом выскочил в это половодье красок, разгулявшееся в парке.

И снова — галки. Снова парк наполнился их многоголосым шумом-гвалтом.

— Значит, они не улетели, а только отлучались куда-то? — спросил Вадоров у гуляющего в парке мужчины.

— Не галки, а грачи, — сердито ответил мужчина. — Долго ещё не улетят. Если вообще улетят. Может, и здесь перезимуют.

А ещё через час, после прогулки по парку, Василий сидел за столом и при свете настольной лампы читал письмо от Саши и Лены. А ещё через час электричка с грохотом помчала Василия в Москву. А ещё через час в паспорте Василия лежал авиабилет Москва — Сыктывкар на следующий день, и уже сидя в вагоне обратной электрички, Василий заново перечитал письмо.

«Папа! — писал Саша. — Ты знаешь, у нас, вроде, всё в порядке, но я больше не могу скрывать. Всё хорошо, ты не бойся, папа, но Ленка в больнице уже вторую неделю, вскоре после твоего отъезда и забрали. Желудок обследовать. Мы с бабушкой каждый день ходим после уроков, и Ленка в каждой записке просит, чтобы мы выслали тебе письмо. Мы не хотели тебя беспокоить, но Ленка плачет, и я больше не могу скрывать, может, ей нельзя плакать при её болезни. Если

сразу не приедешь, папа, напиши только Ленке письмо, сразу. А я посылаю одно письмо от Ленки, то, что она написала тебе в последний раз.

Саша».

А Ленка пишет:

«Папочка! Почему не отвечаешь на мои письма? Я так по тебе соскучилась. Живу нормально. Сегодня закончили меня обследовать. Исследование называется – урография. Вчера вечером мне сделали клизму, полную грелку воды мне в живот натолкали, чуть успела до туалета добежать, живот так раздулся, что в трусики не влезла. Это у них называется «промывание желудка». Потом дали съесть уголь, чтобы в животе не было никаких газов. Утром снова клизму сделали. Потом повели на рентген. Привели, уложили чёрт знает куда и стали делать укол в вену. Одну вену, на руке, наверное, пять минут кололи (так больно) да так в вену и не попали. Тогда стали возле пальцев вену искать, с горем пополам нашли. Сделали укол. Потом снимок. Так прошло моё последнее исследование. Папа, я уже просто плачу от уколов. Папа! Когда ты приедешь? Купил ли колготки? Нашёл ли в Москве вкусные конфеты?

Папа! Сегодня я спросила у врача: «Уколы ещё будете мне делать?» «Не бу-у-уду», – очень тихо говорит дядя врач и слова растягивает. А я снова спросила: «А гулять на улицу отпустите?» «Отпущу-у-у, – опять также ответил, а потом добавил, – видишь, Лена! Я всё делаю так, как ты хочешь».

Врачи, папа, хорошие, но я всё равно плачу. Мамы нету, тебя нету...»

И тут строчки письма смешались, буквы поплыли. Вадоров зажмурил глаза и в который уж раз увидел: летят в темноте две галки, Саша и Лена, одни, маленькие...

– А мы, два взрослых человека, отец с матерью, носимся со своим, личным счастьем, всё чего-то ищем на стороне. Тьфу! – вслух воскликнул Вадоров и сплюнул в сердцах, потом испуганно огляделся: на ближайших сиденьях, к счастью, никого не оказалось.

На следующее утро Вадоров уже был в родном городе, дома. И в полдень, держа в руке сумку с гостинцами, торопливо вышагивал по направлению к массивной, многоэтажной детской больнице, казавшейся ещё величественней от того, что расположилась она на высоком, открытом месте. Листва с деревьев уже облекла, только отдельные листочки трепетали и бились, стараясь оторваться от породившего их ствола, чтобы в первый и последний раз взлететь, вспорхнуть, словно лёгкая бабочка, и тихо опуститься на землю, где колышутся под лёгким ветерком их многочисленные подружки. Рябины, во множестве стоящие вдоль каждого дома, завораживали взгляд своими тяжёлыми, яркими гроздьями, снизу до верха навешенными на тонких ветвях, словно в наступающих сумерках зажглись праздничные красные фонари. Столько ягод да притом – лекарственных, вызрело, спелось в самом центре города, и никто их почему-то не снимает, – удивлялся Вадоров. Потом вспомнил, как заходил с Леной и Сашей в недалёкий пригородный лесок ещё в самом начале июня, когда в лесу вроде бы ещё и делать нечего, а глядишь, уже много любителей слоняются между деревьями. В лесу в эту пору, словно в крестьянском доме возле печки поутру: печь уже натоплена, душистым пихтовым веником выметена, пироги заложены и уже издают аппетитный аромат, но ещё не готовы. И лес, словно мама, говорит:

– Да подождите, дети, погодите! Потерпите немного!

В эту пору в лесу ещё стыдно промышлять, и Василий побыстрее вывел детей на дорогу. А уж потом грибов с ягодами уродилось – как никогда, и черника-то – гроздья, как виноград! И уж комаров-то возле черники! Войдёшь в лес и – батюшки! – словно прямо к маминым пирогам поспел, и выходить не хочется, потому что не скучится лес, не прячет своё угощение, а потчуэт от души. Вот и насытились, видимо, люди лесными щедротами, и теперь поджидают рябины птиц, засветив множество красных фонарей, чтоб издалека заметили их гости. Не успел Василий и двух шагов пройти по больничному двору, оглянувшись – что тут и как, когда увидел девочку, отделившуюся от стайки ребятишек возле крыльца, и изо всех сил бежавшую ему навстречу.

– Папа-а-а! – закричала она и через мгновение затихла, успокоилась на груди отца.

– Когда приехал, папа? – трётся мокрыми щёками об отцовское пальто Лена, а слёзы всё текут и текут.

– Ну, будет... Будет, Ленка, – поглаживает девичью головку Василий и успокаивает, как успокаивал когда-то его самого отец. – Сегодня приехал. Только что. Вчера получил Сашину письмо, узнал, что ты в больнице, и вот – сразу приехал.

– Папка... мне столько уколов делают... А ведь уже не хотели-и...

– Потерпи, Ленка. Лишь бы поправиться побыстрее...

– Я вчера у врача спрашивала: к Октябрьским праздникам меня отпустите? А он говорит, отпу-у-устим. Захочешь – ещё раньше отпустим... Пап, ты каждый день приходи. В палату не пускают, а ты корпус обойди, я тебе наше окошко покажу, на втором этаже, а ты в окошко шишкой бросишь, а я тебе записку напишу и через форточку выброшу. Ладно?

– Ладно.

Потом, когда сидя на диванчике в тёплом больничном холле, дочка с отцом обсудили все новости и рассмотрели московские гостинцы, Василий спросил:

– Мама знает, что ты в больнице?

– Знает, – неохотно ответила дочка и отвела взгляд. Потом выпрямилась, подняла на отца свои большие серые глаза и добавила: – Папа! Не пиши маме плохие письма!..

– Какие письма? – удивился Василий.

– Мама пишет, что ты послал ей плохое письмо, но она и тогда, после такого письма, на отлично контрольную написала.

– Дура, вот дура-то, только о себе думает-переживает, – злобно повторял про себя Василий. – Надо же написать об этом ребёнку, девятилетней девочке, в больницу! Где же сердце-то у неё, где разум!

– Колготки обратно забери, в школу буду носить. Конфеты мне тоже нельзя, пока не поправлюсь, одну только возьму, папа, вот эту, «Мишку на Севере». Печенье и яблоки возьму. Остальное домой отнеси, – говорила отцу маленькая дочка, ещё раз перебирая свёртки. Затем достала из кармана пальто вчетверо сложенный тетрадный лист, передала папе и добавила: – Это положи в конверт и отправь маме.

При этом дочь не объяснила, нужно ли ей читать письмо или нет, но дома, прежде чем вложить листок в конверт, Василий всё же прочёл.

«Мамочка, — писала Лена, — наберись терпения и учись. Ты правильно поступаешь, мамочка, не обращай никакого внимания на невзгоды. Желаю тебе хороших отметок, в общем — продолжай в том же духе. Передай, мамочка, привет всем твоим подружкам и всем, всем, всем.

Целую тебя крепко — Лена».

В этот вечер Василий долго сидел вместе с матерью у телевизора. И не столько смотрел на экран, сколько думал о том, что вот уже и на детей накладывает лапу их бестолковая семейная жизнь. И такой маленькой девочке, больной, приходится думать, беспокоиться о матери, переживать за неё и за отца.

— Эх-эх-эх, Василий, — обратилась к Вадорову мать. Видать, слышит, знает, о чём помалкивает сын. — Не повезло тебе с женой, с семейной жизнью. Тяжело тебе жить, и дальше лучше не будет. Обошло тебя семейное счастье.

За четырнадцать лет, что вместе живут Василий с Ниной, не слышал он от матери ни слова на этот счёт, и вот — услышал. Долго, видать, удерживала, не пускала эти слова мать.

— Да ведь и она-то не очень счастлива! — тихо ответил сын после паузы.

— Она давно другим счастьем живёт.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, сынок, давно знаю, только говорить не хотела. Многие знают.

— Да что знают-то? — не выдержал Василий.

— Нина не любит тебя, с другим человеком она радостная. Они и в Архангельск учиться вместе поехали. Третий год вместе учатся, не верю, что не знаешь ничего.

Василий помолчал, потом спокойно ответил:

— Что есть кто-то у неё, я знаю. А что они и учатся вместе — слышу впервые. И, если уж откровенно, мне всё равно. Я давно не люблю. С тех пор, как понял, что Нина тайно живёт.

— А дети-то, дети! — в сердцах воскликнула мать. — Таких детей ни за что загубите! Чему только учат вас теперь по десять лет да по двадцать лет! Только о себе и печётесь, как бы прожить полегче, бесстыжие ваши глаза! Вот, Вася, если замечу, — уже потише продолжила мать, — что заемел кого-то, что домой, к детям не спешишь из-за дурной юбки — на другой же день домой уеду. — И заплакала, закрыв лицо передником. — Да Саши с Ленкой жаль, без родительского тепла растут...

— Мама... Ты же знаешь, я не могу без Лены и Саши. Не бойся — не буду я скотиной...

— Чтоб жили как люди, не смейте себя и детей перед людьми позорить, — утирая краешком передника лицо, наставляла-отчитывала писателя-сына с высшим образованием мать, которая сама отучилась за партой всего один год и всю жизнь училась отличать добро и зло.

Ещё в Доме творчества Вадоров записал в блокнот неотложное дело – по возвращении домой немедленно съездить в Юдор для встречи с первым учителем. Но теперь оно уже не казалось Василию таким уж срочным. Почти каждый вечер, после работы, он бодро вышагивал по уже ставшему привычным маршруту – от редакции к больнице на горе. И встречи с дочерью тоже стали привычными: либо Лена гуляла во дворе и тогда сразу бежала навстречу отцу, либо Василий обходил больничный корпус, набирал сосновых шишек и начинал кидать их в третье окно спрашивая на втором этаже.

Были и такие побуждения: написать письмо Нине Вадоровой, в котором прямо, без всяких околичностей сказать, что между ними всё кончено. Но ведь после такого письма Лену, наверняка, известят, что отец опять пишет нехорошие письма. Так что переписка отпадает. Надо молчать. Впереди ещё длинная зима, когда Вадорова будет ещё доучиваться на экономиста вдали от дома. Значит, эту длинную зиму можно ещё прожить вполне радостно и счастливо.

Теперь и вечер с Галиной в Петуни казался Вадорову чем-то постыдным, неприличным для его возраста и положения. «Чтобы разжечь огонь и гореть в любви, я-арко гореть! – надо быть свободным-свободным, чтобы не было рядом Лен и Саша, – говорил себе Василий. – А то разгораешься, горишь, как чучело на ветру, а детям дико и страшно у этого огня, как на пожаре. Будем считать инцидент исчерпанным. Нужен костёр семьи, чтобы в этом костре уголья всегда полыхали, чтобы возле этого костра было тепло и светло детям, Лене и Саше», – рассуждал Василий по дороге между редакцией и больницей. И как-то, в приливе благородных чувств и мыслей он ощутил себя особенно великодушным и достойным человеком, тем более, что и Лена пошла на поправку, вот тогда достал Василий Вадоров из кармана тёплого демисезонного пальто бумажник, вынул из бумажника вчетверо сложенный листок, разорвал его на узкие полоски и пустил их по ветру. И свежий осенний ветер подхватил, поволок по земле пять бумажных полосок, и на каждой полоске – строка:

«Дорогой мой человек!

Мы ушли сегодня рано утром. На поезд. Я очень рада, что Вы есть, что я встретила Вас.

Если захотите – напишите.

Галя».

И вместе с последней, шестой, лентой полетел адрес:

«Карелия, Северогорск, Береговая, 72...»

Василий потуже затянул пояс, поплотнее надвинул широкополую шляпу, сунул руки в просторные и тёплые карманы пальто и зашагал по мосткам – прямой и уверенный, а перед ним, цепляясь за опавшую листву, всё ещё жила, порхала под порывами ветра белая полоска бумаги, может, первая, может, шестая...

– Какая там любовь! – твердил про себя Вадоров.

– Какая, говоришь? – не соглашался с ним кто-то, – ведь один раз живёшь, другой жизни не бывает. Это с сорока-то лет хочешь без любви жить? Смотри, – предостерегал оппонент. – Не опоздай, бросаешься такими письмами...

3

Следующим утром друзья-приятели, курившие в редакционном коридоре, многоизначительно сообщили спешащему в свой кабинет Василию:

- Василий Александрович! Тебя в кабинете гость дожидается. Женщина.
- Да ну! И красивая?
- Не то слово! – загоготали коллеги.

Василий недоверчиво усмехнулся, а в кабинете и в самом деле сидела женщина. Чёрное плюшевое полупальто, синяя юбка, большой платок с крупными красными цветами по чёрному полю, на ногах – дорогие, модные сапоги в обтяжку. Раздеваясь и причёсываясь возле зеркального шкафа, Василий будто ненароком, напряжённо разглядывал гостью, скромно притулившуюся на краешке стула возле стены, но так и не вспомнив, прошёл к своему столу и поздоровался:

- Здравствуйте...
- Здравствуй, – встала навстречу женщина и улыбнулась. И спросила: – Не узнали что ли, Василий Александрович?

– Не узнал, – пришлось прямо ответить Вадорову, растерянно вглядываясь в незнакомые, но такие дружелюбные и открытые глаза. Сеточка морщин на круглых от улыбки щеках, неяркие поблёкшие губы, привычка стыдливо прикрыватьсь красным платком и...

– Да Роза я! Из Шутема! Неужели так состарилась? – смущённо спросила женщина.

– Бог ты мой! – Василий узнал. И убедился, как безжалостно к человеку время. Неужели и он так постарел? Да уж, наверняка, не помолодел, хотя и хочет, и «выступает» ещё иногда, как молодой, считая себя не последним парнем на деревне.

– Ро-о-оза Его-ров-на... – тихо протянул Василий, виновато и растерянно улыбаясь.

– И без Егоровны сойдёт, – отклинулась женщина. – Вы тоже переменились, возмужали... Мы-то, женщины, стареем...

– Помните, Роза, как свой пионерский замок мне отдали? Когда в пионеры меня принимали?

- Помню, Вася.
- Сколько же лет не виделись?

– Сколько... Сейчас, сочтём, – улыбнулась Роза, снова прикрыв рот платком. – Помнишь, как на троицу провожались?

- Помню, – прошептал Василий.
- Тогда мне семнадцать было. Сейчас – сорок два.
- А мне было четырнадцать.

– С тех пор и не виделись. Двадцать пять лет. Хотя вас-то я вижу иногда – по телевизору, в газете ли. Увижу где на фотографии и детям показываю, – вот, мол, каким человеком стал наш шутемский Вася, писателем, а ведь я ему в четвёртом классе галстук завязывала. А Толя хлопнет по столу ладонью и добавит: «А я с Васей на олимпиаду ездил, патефон привезли заместо премии», – и дрогнует голос у Розы, отвернувшись.

– Я слышал, вы с Толей поженились. Что-нибудь случилось? – тихо спросил Вадоров.

— Случилось. Выговорить стыдно, — не показывая лица, сквозь слёзы проговорила Роза.

— Так, что же?

— В тюрьму его посадили.

— За что?

— Не велел говорить. Велел к тебе зайти, чтоб пришёл ты к нему, в КПЗ. Это здесь, в городе.

Долго молча сидели односельчане, друзья детства. Потом Роза заговорила:

— Я тогда, после троицы, в леспромхоз записалась, так домой только в отпуск приезжала. В двадцать лет за Толю вышла, старшая дочь уже замужем. У Толи в бригаде сучкорубом работала, уж пришлось топором помахать... Потом, когда поясницу прихватило, в пекарню устроилась. И там тоже для рук дел хватает, — вздохнула. — А какое время было, Вася! Помнишь?

— Помню.

— А ночи-то какие были звёздные, как в сказке, что зимой, что в троицу! И сами-то мы были молодые и красивые! Вот когда бы и жить! На всю жизнь память, до смерти вспоминать да плакать.

— Так, Роза. Помню. Завтра же схожу к Толе.

— Сходи, Вася. Пусть уж не ругает меня, что к тебе не заходила.

4

Вечером Вадоров сидел дома за письменным столом, а с фотографии на него смотрел Толя Мингалев — глаза закрыты, рот распахнут для песни. И Вадоров спросил у него:

— Что же мне делать, Толя? Как написать о тебе в повести, если ты — в тюрьме?.. И Роза...

О своём первом знакомстве с Розой Василий уже упоминал: «Для полного счастья, ученица четвёртого класса Роза сняла со своего галстука ярко пламенеющий языками пионерского костра металлический зажим и скрепила им мой новенький галстук, разгладила пальчиками его концы и потихоньку шепнула: «Не плачь, Вася. Я тебя всегда защищать буду».

И пока учились в одной, начальной, школе Васю Вадорова частенько тянуло посмотреть на эту ладную, кареглазую и круглоголицую симпатичную старшеклассницу. А иногда, играючи, Роза, обхватив Васю за талию, сажала его себе на колени и в какой-то момент вдруг сильнее прижимала его к себе и быстро шептала в спину: «Я тебя люблю».

Потом началась война. Вася продолжил учёбу уже в другой школе-семилетке, а Роза, закончив начальную школу, дальше учиться не пошла. И вдруг, когда Вася стал уже семиклассником, вновь появилась Роза. Уже красивая, взрослая девушка. Как будто для того и исчезала, чтобы вырасти в красавицу. А встретились они под рождество в тогдашнем клубе. Такой «клуб», а попросту — комната в одном из крестьянских домов, открывался на каждое рождество. На улице трескучий мороз, а подростки-парни и девки — те, кто постарше, на войне или в лесу — берут, кто в охапку, кто подмышку по полену или по два и бегут вечером в «клуб». А полено — вместо входного билета. Комнату надо топить, а где хозяйка лишние дрова возьмёт.

В один из таких вечеров на лавках расселись пары. Играли в старинную игру, смысл которой состоял в поиске удачных пар. При этом сначала парни сидели у девушки на коленях, потом — наоборот. Играли при свете зимней ночи, в войну керосинка для игр не полагалась. Все уже расселись, когда дверь распахнулась, впустив клубок морозного воздуха. Клубок метнулся туда-сюда и, чтобы не выгнали, по-собачьи улёгся подальше под лавку. А возле двери уже стояла Роза: в ладном дублёном полушибке, чёрных валенках, на голове — нарядная шаль. Роза огляделась, схватила оставшегося без пары мальчика, усадила себе на колени, и стали они самой крайней парой. Водящий подошёл к ним и спросил у Розы:

- Довольна?
- Недовольна.
- Кто нужен?
- Алексан Вась.

И водящий снова отвёл сидевшего у Розы на коленях парня на другой конец лавки, а к Розе привёл Васю.

— Вырос-то как! — шепнула Роза, слегка обняв его за талию.
— Так четырнадцать лет, — прибавил Вася годик. — А тебя что-то не видно было.

— Три года в лесу. Теперь домой позвали, в скотницы. Вот с вечерней дойки забежала на минутку. Небось, пахнет навозом?

— Нет, — соврал Вася.
— Пахнет, — быстро уличила Роза и встала, вышла с водящей девушкой на крыльце. Та вскоре вернулась и шепнула Васе:

- Тебя на крыльце зовут.
- На крыльце в бледном лунном свете стояла Роза.

— Ну-ка, ростом померяемся, — сказала Роза, приблизившись вплотную. — Не сутулься, — и приложив ладонь к своей макушке, повела рукой, ребро ладони пришлось как раз в лоб юноше. — Да ты выше меня! — удивилась Роза.

— Так я же парень!
— Ну, совсем жених стал. Проводи!
Василий испуганно оглянулся, не видит ли кто.
— Не могу. Дразниться будут.
— Тогда я быстро-быстро побегу, а то у меня дома печурка затоплена, а ты следом приходи. Мамы нет, в коровнике дежурит.

И Василий послушался, пришёл к Розе. В доме теплынь, видать, славно поработала печурка. На краю стола чуть теплится керосиновая лампа. Роза в цветастой кофточке с короткими рукавами, плотно облегающей девичий стан, в чёрной сатиновой юбке в горошек, в шерстяных чулках с узором, стояла посреди комнаты, словно на сцене: руки за спиной, симпатичный носик гордо вздёрнут, ярко пламенеют в волосах алые ленты. И Роза улыбнулась.

— Здравствуйте, — чинно и торжественно объявила она. — Здороваться надо, когда в дом входишь.

— Здравствуйте, — вытаращил глаза и выдохнул Вася.
В «клубе», упакованная в овчинную шубу, Роза казалась большой и толстой, а теперь, в лёгком платье, она была совсем как школьница.

- Вася! Ты что, не узнал меня? Что так смотришь-то? — рассмеялась Роза.

— Узнал.

— Так раздевайся.

И девушка, стремительно приблизившись, сняла с Васиной головы шапку, расстегнула пуговицы старенького суконного пальто, ловко сняла и повесила одежду на гвоздики за занавеской.

— Ты голодный? Молока выпьешь?

— Нет,— мотнул головой Вася.

— Тогда будем книгу читать на голбце. Вишерские песни и сказки.

Вадоров, прикрыв глаза, пытался вспомнить хоть одну сказку, какую тогда читали с Розой. Но увидел только красивый, узорчатый переплёт книги и Розу: как сидит она, подобрав ноги и положив голову на колени, и хотя ситцевая юбка в горошек и прикрывает, но нет-нет да и откроется девичье бедро. И тогда, не поднимая глаз от книги, видит Василий белую полоску нежной кожи, и, вдруг, сильнее забьётся сердце, и тёплая волна поднимется откуда-то из глубины. И так хорошо, прекрасно было... И жизнь, и то, что они вдвоём вот так сидят на голбце,— всё и впрямь казалось сказкой. И милее, дороже этого нет ничего на белом свете: ни отец с матерью, ни сестра с братьями...

— Танцевать умеешь?

— Нет,— вздохнул Вася.

— Спустимся, научу тускл танцевать. Меня учительница Вера Алексеевна научила,— и Роза по-кошачьи мягко спрыгивает с голбца, встаёт посреди комнаты, поджидает парня.

И парень, слова не смея сказать, уже стоит напротив, положив правую руку девушке на талию, а левой сжимая тонкие девичьи пальчики.

— Ближе встань,— велит Роза.

Василий и теперь помнит, как закружила голова, когда упругая, словно резиновые мячики, девичья грудь коснулась его груди. И парень, совсем потеряв голову и забыв всякий стыд, опустил правую руку вместе с зажатой в ней девичьей ладошкой на один из этих резиновых холмиков и не зная, что сказать, спросил:

— Это... что?..

Роза ласково посмотрела в глаза парню, помолчала и тихо сказала:

— Тебе нравится? Да? Если хочешь — потрогай, а я тебя поцелую.

И парень касался рукой этих волнующих до трепета «холмиков» и снова казалось, что прекраснее и выше этого нет ничего на белом свете.

Домой вернулся за полночь. И даже потрескивающий от мороза ночной воздух не мог успокоить гулко бухающее в груди сердце, так оно вззволновалось обыкновенным зимним вечером с девочкой Розой наедине: Розой, которая давным-давно сказала: «Не плачь, Вася. Я тебя всегда защищать буду». Правда, под окнами родного дома оно совсем было остановилось, чтобы застучать потом украдкой, потихоньку: в окне горел свет, дома не спали. Тут уж Василий помнит каждый шаг: как поднялся на крыльце; как веником тщательно отряхнул валенки; как потянул за конец верёвки, продетой сквозь дверную щель; как лязгнул-поднялся железный крючок; как шагнул в тёмные сени; как ойкнули, заск-

рипели застывшие от мороза половицы; как ухватился за дверную ручку, так и не сняв от смущения рукавицы; потянул на себя и перешагнул порог и – застыл остановился на месте; снял шапку, но дальше пройти не решился. За столом спиной к дверям сидел отец – вернулся из лесу, ест. На другом конце стола шестнадцатилетний брат Игорь – взгляд больших голубых глаз из-под высокого, нахмуренного лба так и пригвоздил пришельца у порога; на лавке сидела сестра Муза; из закутка вышла мать и молча смотрела на стоящего у порога сына. В общем, кроме отца, все смотрели только на Васю. И все молчали. Василий собрался уже пройти и раздеться, когда мать всё-таки спросила:

– Где ж ты, дитятко, гулял так долго?

– Дитятко? – возмутился Игорь. – Нашли – дитятко! Все дома, а дитятко, седьмого класса ученика, до двух часов ночи дожидаемся.

– Где же ты был Вася? Я ходила искать, так не нашла нигде, – спросила сестра.

– В Вичкодор ходил, в интернате с поселковыми ребятами по алгебре и русскому занимался, потом поиграли.

– Может, в карты? – спросила мать.

– По-всякому, – небрежно ответил Василий, довольный, что так удачно соврал, разделся и поднялся на голбец. Валенки пристроил сушиться на печку вместе с другой обувью и мёрзлыми заячьими тушками, которые, вернувшись с промысла, забросил туда отец, чтобы назавтра разделать. Много зайцев нагнал рождественский мороз в отцовские капканы.

– Завтра я расспросчу поселковых парней, выясним, где ходил и чем занимался, – всё ещё пугал брат.

– Да уж так, как ты, в карты играть не буду, – не растерялся Василий и полез на полати.

– Ты сначала выучись, как я! – вспылил Игорь. – Я семь классов отличником закончил, а у тебя одни тройки в журнале!

– Ложитесь, – сказал отец, отужинав, и этим положил конец междуусобице. А сам сел возле печурки покурить и, не взглянув на Васю, добавил: – Погуляй-ка ёщё вот так же, да чтоб я об этом узнал.

Аж съёжился парень от этих слов: не дай бог!

Отец с матерью улеглись на полу, постелью им служила толстая широкая перина и подвёрнутое конвертом снизу овчинное одеяло. Муза спала на кровати, Игорь лёг на голбце, Василий с младшим братом – на полатях. Лёг, закутавшись в одеяло, довольный, что вышел сухим из воды, да ёщё и старшего брата поддел, который по сравнению с ним и в самом деле – отличник, да ёщё и на почте служит – одновременно и начальник и телефонист. Игорь, на правах человека почти самостоятельного, да к тому же – служащего, мог уже позволять себе приходить за полночь, ведь отец вечно по тайге мотается, а мать спросить, как следует, не сумеет, так – пожурит разве что. А вот недавно Игорь пришёл совсем поздно и, вместо того, чтобы улечься потихоньку, сам позвал отца с матерью.

– Отец, мать, вставайте, – сказал он твёрдо.

Услышав такое дело, Вася, конечно же, не мог не полюбопытствовать – высунулся с полатей. Отец с матерью молча поднялись. Мать села на постель, а отец –

на лавку, ближе к дверям, на своё хозяйствское место. Ни отец, ни мать ни о чём не спрашивали, а только смотрели на строго сосредоточенное лицо сына и ждали. А сын, активист-комсомолец, снял шапку, грохнулся на колени, обратившись бледным в лунном свете лицом к иконам, и сказал так:

— Вот бог. Вот эта колода карт,— достал из-за пазухи кучу самодельных картинок.— Перед богом клянусь и перед вами, отец и мать, клянусь: никогда, до самой смерти не притронусь к картам,— и принялся рвать на куски разрисованные листки. Перед богом на коленях стоял, а перекреститься, вроде бы, забыл. Отец с матерью смотрели на это всё и молчали, как тогда показалось Василию, удивлённые и довольные, что растёт у них сын с характером.

— Зарплату проиграл? — спросила немножко погодя мать.

— Да, — просто признался сын.

— На картах, сынок, не разбогатеешь. В карты выиграть всё равно, что украсть или ограбить, — сказал отец.

Теперь-то, после такой клятвы, Игорь наверняка в карты не играл, но Вася всё же случая не упустил, получил удовольствие. Завтра надо будет в школу пойти пораньше, поселковых ребят подучить, чтобы отвечали, как надо, если Игорь и в самом деле выяснять станет, — уже вполне успокоившись, размышлял Вася.

Да, в жизни без обмана не обойдёшься, не хочешь, а сорвёшь. А что поделашь? Ведь не признаваться же, в самом деле, что тускел с Розой разучивал!

Вскоре колхоз снова отправил Розу на лесоразработки и увидеться снова им довелось уже летом, на троицу. Когда уже целый месяц не было войны.

Хотя Василию тогда было уже четырнадцать, день Победы остался в памяти не цельным и непрерывным, а как бы составленным из отдельных, по-детски — ярких, воспоминаний.

С утра Василий зарядил ружьё и отправился в ближайший лесок, в лощину вдоль ручья, где ранней весной на лужайки выбегает попастись заяц. И хотя по уже подсохшему, согретому весенним солнышком редколесью осторожно — заяц обнаруживал его первым и успешно скрывался от близорукого горе-охотника. Да и утро было пасмурным, серым, с неуютным северным ветром, а под ногами то и дело предательски скрипел последний, жёсткий и зернистый снег.

А когда вернулся домой да взошёл на крыльце, да взглянул на широкое серое половодье, на лес за рекой, на притихшую деревню — в ушах зазвенело от тишины. И тогда увидел Василий, как вдоль по их улице бежит однорукий деревенский почтальон. И смешно, и странно было видеть, как размахивает он единственной рукой, выкрикивает какие-то слова и скользит, и падает на размокшую весеннюю дорогу. Встаёт, бежит снова и снова падает. И только когда Сарьён добежал до Васиного дома, Вася понял, что кричит этот старик прерывистым от волнения голосом, размазывая по щекам слёзы и шатаясь, как пьяный:

— Победа! Победа! Конец войне!..

И падает, и поднимается, и снова бежит, повторяя то громко, то шёпотом:

— Победа! Победа!..

Можно понять Сарьёна. Он первым принёс в деревню весть о войне. Четыре года возил он в чёрной сумке солдатские треугольники с фронта, похоронки на земляков, друзей, родственников... И вот — конец этому.

— Победа! Победа! Конец войне!

Теперь свободен Сарьён от тяжёлой повинности – приносить страшные вести. Навсегда. Теперь никто не будет бояться встречи с ним.

– Победа! Победа!..

И когда Василий вспоминает день Победы, то первое, что он видит – это бегущего деревенской улицей почтальона. И уж потом – совместный колхозный стол в помещении школы. Председатель колхоза, фронтовик Митя Трофимович, счетовод Муза Александровна и бригадир Нина Кирилловна впервые за всю войну не спросились районного начальства забили двухгодовалого бычка, из колхозных мучных запасов организовали пироги и шаньги, и всё это весело, быстро, на одном дыхании. И никто, конечно же, не заметил ни северного ветра, ни хмурого, серого дня – день этот для всех был самым тёплым и солнечным, и всем хватило, да ещё и на завтра осталось и мясного супа из общего котла, и гуляша с мясом. И даже спирта и самодельного пива хватило всем. Со слезами и причитаниями. И снова со слезами. Потому что, как помнит Василий, в первый день праздника Победы в их деревне люди не пели, а кричали. Выкрикивали имена мужей, братьев, отцов, имена тех, кто погиб за Победу и кому никогда уже не вернуться в родную деревню. Выкрикнув имя, запивали тяжёлый ком в горле горьким пивом. А потом, обнявшись, плакали по-бабы, навзрыд, плакали овдовевшие в войну жёны, матери, потерявшие сыновей, а с ними вместе и невесты, у которых ни женихов, ни мужей уже никогда не будет...

Плакала и Васина мама, плакала, обнявшись с подругами и склоняясь вместе с ними до самой земли. Третий год уже оплакивает она гибель девятнадцатилетнего сына Гриши. И когда уговаривали её дети: «Мама, не плачь», мама послушно говорила: «Нет, не буду!» и выходила с подойником в хлев. И долго не возвращалась. И дети выходили узнать – что с мамой. А она сидит возле притихшей послушно коровы и тихо причитает, склонившись к коровьему вымени и вытирая о него обильные, неудержимые слёзы. И корова слушает, не шелохнётся, разделяя горькое, неизбывное материнское горе, изредка мычит что-то вместе с хозяйкой, как будто всё, всё понимает...

6

Потом был первый послевоенный праздник – троица. Василий к тому времени закончил семилетку, и было уже решено, что он поедет учиться дальше в город, на учителя. И сейчас, вспоминая то время, Василий удивился, что тот день помнит почти целиком. И как ходил пахать в праздничный день – весенний сев в колхозе ещё не закончился – осталось вспахать и засеять небольшой, но самый тяжёлый, глинистый холм за ручьём. Война кончилась, и намаявшиеся за весну бабы впервые дали себе послабление, впервые самовольно никто не вышел на работу. Василий был на холме один. Глинистая земля высохла, закаменела, да так, что Василию никак не удавалось ни воткнуть плуг, ни поднять пласт. И, хотя кругом уже зелено, и солнце ласково пригревает, Василию так скучно и тягостно было одному, что, помучавшись с часик, он распряг лошадь и отвёл её пастись в загон. Уже снята уздечка, а лошадь не отходит от юноши, будто сказать что собирается, а потом потёрлась головой о плечо парня, встряхнула слегка и пошла к ручью. Вроде сказала: «Не печалься, брат. Завтра в двадцать лошадей

выйдем, с одним холмом справимся как-нибудь, хоть он и твёрдый, словно камень». Напившись из ручья, послушная лошадь снова посмотрела на парня и тихонько заржала: «Не печалься, брат. Всё хорошо».

А вечером, хоть и голодное было время, залилась переборами гармонь, зазывая парней и девчат на вечерку, повеселиться. Василий сидел у раскрытоого окна и прислушивался к гармони. Тогда окликнула его мать. Она стояла возле окна и держала в руках рубашку – на картошку выменяла у приезжих горожан. Рукodelльная вышивка широка и больно уж красива. Вышито и по вороту, и на рукавах, и понизу. Мать настояла, и Василий переоделся, подпоясался сверху, но на гулянье в такой рубашке показаться не решился, спустился к речке. И там, на берегу, один переживал и эту уж больно торжественно-нарядную рубашку, в которой бы только на олимпиаду, и этот вечер, весь пронизанный теплом, светом, и дурманящим до лихой радости запахом цветущей черёмухи. Туда и прибежала Роза. Ради этого вечера девчата прошли сегодня двадцать километров от лесосплава до деревни, а завтра утром молодые, резвые ноги помчат их обратно. Уже вдвоём они пошли, но не ко всем на гулянку, а поднялись на ближний холм, с вершины которого родная деревня открыта взору каждым своим домиком, неторопливой речкой, лугами и лесами за ней. В коми троица – светлая, сказочная пора. Утихнут гармошки, угомонятся плясуны и певуны, разойдутся по домам. Подойдут и встанут под окнами или на крылечке. Какая-то сила держит, не пускает их в дом, заставляет прислушиваться неведомо чему. И кажется, всё вокруг молчит и слушает: замерли, вслушиваясь в тишину забытой за долгую зиму белой ночи, избы, сараи, бани; задумались, задрав головы в синеву неба, привязанные к будкам собаки; потихоньку пощипывают траву в загоне и прядут ушами отдыхающие лошади... Всё в молодой зелени – земля, сады; в белой пене черёмуха. И кажется, вот-вот в этой тишине и умиротворённости донесётся с бледно-синего неба голос: «Живите так. Не балуйте. Любите друг друга». И тогда же, стоя на вершине холма, Роза сказала:

– Вася! Я несчастная-несчастная... Ведь я люблю тебя и никогда не буду твоей. Ты уедешь учиться, а когда закончишь, я уже буду старая – двадцать один год. А тебе только восемнадцать исполнится. И ты забудешь меня за четыре года. Вася! Ты любишь меня?..

Василий тогда и боялся, и стеснялся ещё таких слов, а Роза своими красивыми чёрными глазами, красными лентами в чёрных, как смоль, волосах, чуть припухлыми губками-бантиками так горячила-тревожила сердце паренька...

– Люблю, – шепнул тогда Василий.

И вот двадцать пять лет пролетело. И нужно идти к Толе, к мужу Розы, в камеру предварительного заключения. Василий никогда в таких местах не бывал, думал – не попадёт, никто его туда не пустит. Но вспомнил, как познакомился в кафе, за ужином, с милицейским подполковником Туголуковым, и телефон записал, и домашний и служебный. Всё получилось легко и просто. Уже на следующий день тот позвонил Василию.

– Выходите. Я подброшу вас на машине. И туда, и обратно.

– Хороший знакомый? – уже в машине спросил подполковник.

– Был когда-то. В детстве росли вместе, соседями были. А потом по-настоящему и не встречались. Я в райцентре жил, потом в городе. Бывало, приедешь в

деревню, к родительскому дому дошагиваешь, а Толя с крыльца крикнет вместо «здрасьте»:

— Вася! Помнишь — на олимпиаду ездили?

— Помню! — отвечаю. А Толя плачущим голосом проговорит-проклычет:

— Эх, Василий Александрович! Хорошее было время, — и добавит: — За детство счастливое наше спасибо, родная страна, — и ещё добавит: — Заходи, примем по рюмочке. Поговорим.

А мне всё вроде бы некогда. «А, может и, — уже про себя думает Василий, — а может и, с Розой встречаться не хотел, она уже замужем была за Толей».

И вот, Вадоров уже в комнате для свиданий следственного изолятора, один. Серые бетонные стены, бетонный пол, окошко с решёткой. Где-то за ним звякнуло, заскрипело — видимо, открылась дверь, протопали по бетонному полу чьи-то ноги и Вадоров увидел, как медленно, будто крадучись, к зарешечённому окошку приблизилось чьё-то лицо, толстые пальцы коснулись прутьев, чьи-то глаза смотрели на Вадорова напряжённо-выжидательно. Василий вынул из карманов руки и подошёл поближе. И только когда приблизился вплотную, лицом к лицу с тем, за решёткой, тогда услышал горячий шёпот:

— Ну... Здравствуй... Василий Александрович... Узнали? — странная гримаса исказила черты широкого, скуластого лица. Тяжёлая ладонь прошлась сверху вниз — по остриженным волосам, глазам, подбородку — скрывая невольную слабость хозяина.

— Узнал, узнал, Толя... Здоров ты стал... Что руки, что плечи...

Анатолий ещё раз провёл ладонью по лицу и уже спокойно ответил:

— Станешь здоровым, Вася, если двадцать шесть лет топором да пилой поработаешь. С четырнадцати лет лес валю, Василий Александрович... Орден за это имею, звание ударника...

— Знаю, — вздохнул Василий.

— А вот, засадили. Поживи, мол, под замком. А то на воле ты — общественно- опасное явление.

— За что?

— Избил... Гада одного, — понизив голос на определении «гад», доложил Анатолий. — Крепко избил, от души, — зло двинул желваками. — Перелом рёбер.

— Спьяну?

— На трезвую голову, Вася. Потому и не раскаиваюсь.

— В чём? В том, что избил?

— Довёл он меня. В одном посёлке живём. Я лес валю, а он дорогу строит. Три года назад ему четырёхкомнатную дали, мне — тоже. И вот позавидовал он. Мой дом ближе к речке оказался, и двор побольше, я там баньку поставил и сарайчик для коровы. Двадцать шесть семей в нашем посёлке коров держат. И вот начал он писать: в рабочком, потом в город, в обком профсоюза. Будто я меньше его в лесу работаю и в отпуск выхожу всегда летом — в сенокосную пору. Без конца проверяющие ходят. А два года назад молодёжь забросила старую песчаную спортплощадку на краю посёлка и новую соорудили, хорошую. Я этот пустырёк песчаный у лесопункта выпросил, мол, попробую траву посеять. И начальство, и все смеялись: ну, попробуй, попробуй, кому он нужен, песок этот. А я летом торфу натаскал, навоза, а этой весной траву посеял с клевером вперемешку. Пока сла-

бенькая взошла, но ожила земля, уже может родить. А через месяц приехал корреспондент из газеты, в воскресенье ко мне зашёл. И прочитал письмо. Там написано, что весь мой род был кулацким и белогвардейским, и будто бы я от них недалеко ушёл. И тому пример: хитростью отобрал у молодёжи спортплощадку и устроил на ней луг, чтобы расширять единоличное кулацкое хозяйство.

Корреспондент расспрашивает, что, мол, и как. Корреспондентик молоденький, боязливый, увидел, как я в лице изменился – и не рад, что зашёл, заикаться начал. Я и говорю, что не бойтесь, мол, лучше сходим к тому, кто писал, там и поговорим. Пошли. Под окном курил, клеветник-то. Я показываю клеветнику на корреспондента, мол, по твоему письму приехал разбираться. А потом не стерпел, рявкнул, мол, вот тебе мой ответ, корреспондент! И схватил клеветника за грудки, и начал утюжить... Вот так, Василий Александрович. Отвёл душу. Корреспондент из-за забора кричал: «Перестаньте!» А попал бы под горячую руку – и ему досталось бы. Ей богу, – Анатолий перевёл дух и продолжил: – Вот так всё и было, Вася. Я и на суде каялся, мол, правильно сделал, что избил, его ещё не так надо бить, чтоб писать разучился. Клеветник он. Три года дали. Ты, Вася, дрался когда-нибудь?

- Нет, – немного подумав, ответил Василий.
- Это как же? – удивился Анатолий.
- Не знаю.
- И никогда у тебя руки не чесались, чтоб съездить кому-нибудь по роже?
- Это было.
- И что? Стерпел?
- Кулаком, Толя, ничего не докажешь и не исправишь. Только ещё больше зла наделаешь.
- И жену не бил?
- Нет.
- Как это – нет?
- Да так же.

Толя помолчал, удивлённо и непонимающе глядя на Василия. Наконец, спросил:

- А как же ты тогда жену учишь? Жизни-то? Ведь если бабе волю дать – такого наворотит! Не разгребёшь! Я-то учил Розу. Один раз... Из-за тебя...
- Не понял, – теперь уже Василий холодно и отчуждённо смотрел на человека по ту сторону решётки.
- Телевизор смотрели. Вас, писателей, показывали. Когда ты выступать стал, Роза встала и вышла на кухню. Я – за ней. Гляжу – глаза вытирает и носом шмыгает. Я и двинул. В другой раз не распускай нюни из-за какого-то писаки, рифмоплётки.

– Ты об этом мне рассказать хотел?

- Нет, нет. Я посмотреть на тебя хотел, какой ты стал на самом деле, не в телевизоре, всё-таки вместе росли, вместе на олимпиаду ездили... И вот – я за решёткой, в чёрной фуфайке, причёска подходящая... А леса навалил – наверно, целый город можно из того дерева поднять... Тебе, может, хочется меня по личику съездить, Василий Александрович?.. Ничего, ничего, Вася... А хочется если, так у меня срок небольшой, как выйду – повидаемся. Мне тогда только сорок

четыре будет. И помаяться, и лес повалить ещё успею до пенсии-то... Осуждаешь?

— Я тебе не судья. Но, если уж откровенно, так среди моих друзей самодуров, что с нуждой и без нужды кулаками размахивают, никогда не было. И не будет.

— А я в друзья и не напрашиваюсь... Хватит, в детстве подружили. Эх, Василий Александрович! Знал бы, как я зубами скрипел после свадьбы, когда узнал про твои с Розой шашни. Эх, думал, встретится мне сосед Вася, уж я ему морду-то начищу!.. А потом отошёл потихоньку. Дети появились. Ты в большие люди вышел... Ну, как моя Роза? Сильно изменилась?.. Не ревела там у тебя?

— Не плакала. Будь здоров, Анатолий, — Василий сунул руку в карман, показывая, что свидание пора заканчивать. В правом кармане нащупал фотографию из газеты, на которой пел десятилетний Толя Мингалев. Фото захватил с собой, чтобы показать другу детства. Но теперь рука не поднималась. Сердце зло стучало, требуя найти подходящие слова для этого хвастливого хама по ту сторону решётки. И Василий усмехнулся недобро. — А насчёт того, чтоб морду мне начистить, так ведь руки у тебя, Толя, коротки для этого дела.

— Те, те, те! Не серчай, — пренебрежительно, как с маленьkim, говорил друг детства. — Прости, если что не так сказал... Помнишь, в горн трубили, счастливую жизнь встречали! И вот она — счастливая жизнь, — провёл он широкой ладонью по тюремной решётке.

— Ну, тут ты сам виноват. Будь здоров, — жёстко ответил Вадоров, сделал ручкой и повернулся к двери.

— Вася! — выкрикнул ему в спину арестованный. — Напиши, как в город ездили. Напиши о нашем детстве, о нашей школе, как мы жили!.. А я — ничего. Я свою вину отработаю... Как положено...

Уже у дверей Вадоров обернулся (через силу) к зарешечённому окну и прощально махнул рукой.

Бывает, возишься с деревяшками и зацепишь пальцем крошечную острую щепочку. Пустяковую эту занозу так сразу и не вытащишь, да, вроде, и не беспокоит особо. Забудешь даже про неё. Но вдруг зацепится она за какую-нибудь ниточку и напомнит о себе острой, неожиданной и неприятной болью. Раздражённо трёшь тогда палец, ногтём колупаешь крохотную чёрную чёрточку, пытаешься избавиться от надоевшей ноши.

Подумаешь, с другом детства встретился... Ну, повздорил... А вот поди ж ты...

Василия аж передёрнуло, когда вспомнились эпитеты, которыми наградил его бывший друг: писака, рифмоплёт, и морду он ему начистит, и уж самое невыносимое — «те-те-те...» Чаше вспоминал он об этом почему-то по дороге из редакции в больницу, и тогда шире шагали ноги, резче взмахивали руки, жёстко, невидящие смотрели глаза. «Дошло бы до мордобоя... Вот уж оттуюжил бы я тебя, Толя. Я бы показал тебе, как надо морду чистить, как Розу кулаками охаживать, сказал бы ты тогда: «те-те-те...» Вадорову почему-то казалось, что хотя и широки плечи, тяжелы кулаки у Анатолия — а не сладить ему с Василием. Когда надо, и у него найдётся и злость, и сила. И ненависть к человеку проснуться вполне может.

Глава шестая

1

Но, заноза – она заноза и есть. Не бог весть, какая рана... Однажды, после работы Василий вошёл во двор детской больницы, поднял с земли несколько подсохших шишек, кинул в окошко второго этажа, и тут же за стеклом возникла Ленка. Весёлая, она бойко помахала рукой, взбралась на подоконник и через форточку отправила на землю сложенное треугольником письмо. Вадоров поднял листок и жестами объяснил, что всё в норме, поправляйся быстрее. И оказалось, Ленка и в самом деле пошла на поправку, и Толя-заноза забылся. Дома, когда собирались за ужином Саша с бабушкой, вслух зачитал послание. Вот оно:

«В этом письме я – русская поэтесса, поэтому пишу по-русски:

Папулечка-бабулечка!
 Мамулечка-красулечка!
 Сашенька-рашенъка!
 Здравствуйте!
 Живу прилично.
 Чувствую отлично!
 Спим да едим,
 Едим да спим.
 Читаем да гуляем,
 Окончания карантина ожидаем.
 Каждое утро тут врачи проводят
 Пятиминутки.
 Спим мы только до семи,
 Больше ни минутки.
 После ужина дают нам по баночке кефира,
 После этого в кровать спать идём уныло.
 Утром ставят мне врачи
 Градусник под мышку,
 Хорошо, не развелись у нас в палате мышки.
 После этого идём пить микстуру в ложечке.
 А в столовой мы едим по-нем-но-жеч-ку.
 А потом, как говорится, утренний обход.
 Так проходят дни у нас очень незаметно,
 И кончаю свой стишок совсем обыкновенно.
 Писать нечего. Сочинила сама.

Ваша дочь, Лена Вадорова.

Папа! Меня скоро выпустят. Ура-а-а! Купите к моему приходу компот из персиков и всякой вкуснятины».

- Ну, Ленка, ну, внученька. Умеет же писать, умница! – удивлялась бабушка.
- Да что тут уметь! – смеялся Саша-внук.– Русская поэтесса выискалась. Хаха-ха! Тут поэзия и не ночевала. Ну и поэтесса!
- Пусть, – не сдавалась бабушка.– Всё равно хорошо написала, обстоятельно.

— Ленка — молодчина, — думал отец. — Никогда духом не падает. Пусть только не болеет, и тогда хорошим, счастливым человеком вырастет.

Вскоре Ленку выписали, и — снова все вместе. Здоровые и счастливые. Вадоров оставил повесть до весны, до встречи с первым учителем. Взялся за новую вещь и не заметил, как пролетел месяц, позади остались длинные ночи и короткие дни. Пять вечера — а ещё светло, на подтаявший было снег выпал новый, да такой свежий, ослепительно белый — смотреть больно. И вот в середине солнечного, светлого марта Вадорова вызывают в военкомат, вручают направление на медицинскую комиссию с тем, чтобы впоследствии быть призванным для прохождения месячных офицерских сборов. Здесь же, в городе.

Приятная новость. Особенно, когда армия стала далёким воспоминанием, когда считаешь себя уж, бог знает каким, стариком. И вот пожалуйста — повестка! Даже и прихвастнуть охота: вот, мол. Что? Повестка. Какая повестка? В армию. Ну?! Ну, а тут уж и приплести можно. Мол, международная обстановка-то, сам понимаешь...

Хоть и взрослый человек, а хочется, если есть повод, связать свою судьбу с делами большими, крупными: вот ты, скажем, простой, рядовой человек, а вот, гляди ж ты, и с тобой, оказывается, как-то связано международное положение...

При виде повестки заблестели глаза у Саши (тринадцать лет парню, скоро в армию), округлились у мамы (никак, война будет или что?), заулыбались у сослуживцев (разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант!).

Василий весело обходил врачей (во-первых — весна, во-вторых — нигде вроде не болит: тыфу, тыфу, тыфу). Даже осмелился пощутить с последним врачом, моло-денькой девушкой-невропатологом.

Врач уже расписался в его обходном листе, когда Василий, застёгивая рубашку, скромно попросил:

— Вы бы, доктор, меня получше посмотрели.

— Что так?

— Меня жена уже который год психом ненормальным называет, чокнутым.

Девушка помолчала, видимо, соображая, что делать, или — как ответить, затем тихо кивнула на белый медицинский стул, попросила сесть. Снова. Второй раз. Как следует.

Василий сел, приготовился. Девушка снова постучала резиновым молоточком по коленям, снова Василий следил, не двигая головы, за её качающимся вправо-влево пальчиком. Наконец, сказала:

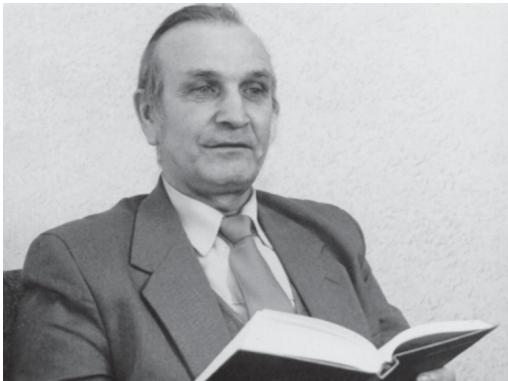
— Свободны. Можете сообщить своей жене, что вы не чокнутый.

Тогда Василий растерялся. Шутить он больше не смел, да и не мог, оставалось только тяжело вздохнуть и виновато сказать:

— Спасибо.

И вышел из кабинета, можно сказать, на цыпочках. Потом всю дорогу думал: всерьёз осматривала его врач, или посмеялась над ним? Но ведь не улыбнулась же ни разу!

Продолжение следует...

Василий Лодыгин

Чужис 1947 воян Кулёмдін районса Габов грездын. Помаліс Керчомъяса шёр школа, Коми государственной педагогической институт. Служитіс армия-ын, велёдіс школынын. 1972 восянь журналистталð. Оні «Коми мү» газетлөн Кулёмдін районын корреспондент.

Поэт. Ләдзис кывбуржяса 8 небög. Тарысы өттөр дасытіс поэтъяслыс 4 өтувъя сборник.

Лөсъобб и сыланкывъяс. Сылён водзмостчомён котыртёма да быд во мунёй онія коми сыланкывъяслын республика тшуупðда «Василей» фестиваль-конкурс.

Россияса писательяслын да журналистъяслын котыржясо пырысь. Коми Республикалын культураын нимбдана уджалысы.

«Ыджыд жё козин – дзонь олём...»

* * *

Съёкыд тайё гижан уджыс.
Кодсянь сійё меным буджис?
Мамё школаё эз ветлев,
Батьё чинё эз жё петлы.
Ыджыд бать да ыджыд мамё
Овлісны съёд уджа сямён.

Кытысь меным татшом могыс,
Этша шудыс, уна шогыс?
Мыйла варыш бордсö восьтіс
Да ме усьём гёнсö босьті,
Гоптö чуткылі да гижи
Енэж эрдас лёйён, вижён?..

Юрын мамлён кывыйс олёт:
«Тадзи, пиё, Енлы колёт».

Мёвпъяс

Мёвпъяс асыныс воёны,
Кытыськё тай лоёны.
Тишиг кёть, пёт кёть, чужёны,
Юрё пырны кужёны.

Лолаёсь и ловтёмёсь,
Полысьёсь и повтёмёсь,
Дудёмёсь и педзысьёсь,
Лэптысьёсь и лэдзысьёсь,

Вемтёмёсь и вемаёсь,
Ентёмёсь и Енмаёсь,
Ваысьёсь и биысьёсь,
Шонтысьёсь и виысьёсь.

Олём – помся мёвпалём,
Быттьё пую кёрталём.
Мыинны эз на кужлыны,
Та вылёр и чужлыны?

* * *

Эз арыс турунсö на пöрöд,
Эз лöньöд визувсö на ёль.
Эн эновт менö парма шöрö
Да аслам гажён овны коль.

Он во ёд, мёдёдчан кё ылёр,
Тэ абу тури либё юсь.
Вай лэбзы менам кильчö вылёр,
Эз лымайыс усь да тэ кёть усь.

Ме ломта тэнайд кыкнан пачёс
Да ёзта гёйгр, мый эм, би.
И, гашкё, шонала жё ачым
Да ѿшиньясысь сылас йи.

* * *

Дон серти книгаяс ог бёйры,
А бёръя, кодлон сэні ов.
И тёрыт ёнасö эг дзёръяв,
Кор сюрис Николай Рубцов.

А Юрий Кузнецов ээ тыдав.
 «Оз овлы», – шуыштисны мен.
 Бур гижысь оні ковтём лыдын,
 Да нёшта власьтыскёд кё вен.

Твардовский абу, Фирсов абу,
 Горбовский лавкаын оз ов.
 Но тырыс сэні öти баба –
 Рубальская, код мен оз ков.

И Евтушенко сэні тырыс,
 И Окуджава уна эм.
 Лёк йёзлы колё, мёвп мед бырис
 Да миян кизьёмыс дзик вем.

Век тадзи вёлі, но эм Пушкин,
 Есенин ловъя, ловъя Блок.
 Россия генийös век чужтö,
 Медвойыс миянö ээ лок.

Коми гижёд

Ванеев, дерт жё, абу Пушкин,
 Но сытёг коми кывбур дъёб.
 И кутшом мам нё выльös чужтас,
 Од роцлысь кодоскё он ньёб?

Юшков, дерт, абу Достоевский,
 Но сытёг коми проза руш.
 И сэтшом, эски кёть эн эски,
 Оз матыс воясо на чуж.

Зэв вёлі коми гижёд бордъя,
 Но бордъя кадё чусмис дзик.
 «Да, поснялисны гижишь ёртъяс», –
 Тадз оні шуё кар и сикт.

Но, энлой, лоасны на овъяс
 Да нимёдасны водзё нэм,
 Од ыджыд парма миян ловъя,
 А сийё чужтысыыс и эм.

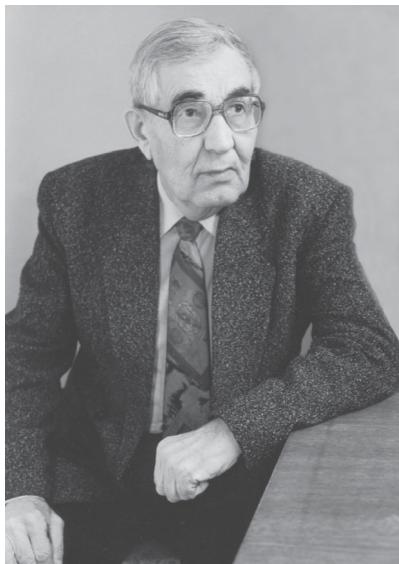
Козин

Ёна жё ывлалыс гажа!
 Висъставны кывыйс оз сюр.
 Енмаён шулісны важён,
 Енэжлань лэптисны юр.

Збыллысь ёд, вывсянь и усьё
 Миянös шензьёдан мич.
 Енъюгыд рёмён и шусьё,
 Съёлёмад кольёд да видз.

Мыйкё мен нёшта мой колё?
 Нинём мен сэсся оз ков.
 Йджыд жё козин – дзонь олём,
 Абу кё бёрдзёма лов.

Из литературного архива писателя

**Геннадий Юшков
(1932–2009)**

Геннадий Анатольевич Юшков – народный писатель Республики Коми, заслуженный работник культуры России.

С 1978 по 1993 годы – председатель правления Союза писателей Республики Коми.

Автор более тридцати книг стихов, прозы и драматургии на коми и русском языках.

Проблемы роста молодых авторов

Каждый молодой автор начинает писать по собственному желанию. Но на этом и кончается самодеятельность его. Выступать со стихами и рассказами в печати – не одно и тоже, что со сцены Дома культуры. Там Вам могут простить, если даже далеко не на уровне. В литературе – не простят и не примут. Публикуемое произведение – не внутрисемейное, не внутриколлективное, а общественное явление. А потому оно должно быть интересно мирскому читателю, хоть чуточку прибавить что-то к его жизненному опыту.

Творческий семинар для молодого автора – не бюро по трудоустройству. Это школа, суровая при том школа, где не должно быть второгодничества. Или молодой автор растёт, выходит на самостоятельный путь, или отсеивается. Некоторые обижаются, что мы вот приглашали их на семинары, а на этот раз нет. Но как сказал С.П. Залыгин, молодой автор не должен «осеминариться»; если он талантлив, ему достаточно двух-трёх семинаров.

Произведение растёт из темы. Но тема может быть и не новой. Потому что добро это общее. Все мы – от жизни.

Но если просто изобразить жизнь в угоду невзыскательному читателю, которому достаточно того, что произведение соответствует тому, что так в жизни и бывает, – этого мало.

Тем, что в жизни бывает, мало кого удивишь. Каждый из нас может рассказать случай. А что за этим случаем? Нас не интересует патология. Нас интересует жизненное явление, которое социально.

В любом трудовом коллективе есть честные, совестливые труженики, но есть и паразиты. Значит, за поступком, за случаем должна быть позиция.

Но конфликт может быть заложен и в самом положительном герое. Потому что он бывает неудобным застоявшемуся коллективу. Словом, надо находить не случаи, а явления, общественно значимые. На этом держится первая ступень мастерства.

Важна верная начальная точка отсчёта: во имя чего ты пишешь, что ты хочешь этим сказать, в чём выражено твоё добро людям? В чём народность произведения.

Расстановка героев – этот – хороший, этот – плох – должна быть не просто жизненно верной, а в чём-то новой, хоть какой-то гранью. Литература – не серийна.

Герой – носитель общественных черт, признаков времени, воспитания и личных качеств.

Вторая ступень мастерства – не повторение пройденного, а самобытность видения.

Глубина и ясность художественного произведения должна обеспечиваться всей душевной силой автора – сознанием правоты, непримиримостью к злу, тревогой по поводу негативных явлений.

Писатель, поэт, хотя и часто называют их певцами, но суть они не певцы, вернее, больше, чем певцы. Они исследователи и воители.

Болью ли, тревогой ли, правотой ли – читатель должен быть задет за живое.

Писатель не имеет права ублажать читателя, подсовывать ему чтиво. Образно говоря, писатель должен быть уже на той стороне ручья от читателя, а не после него, по готовому мостику туда переходить. Это верно и по отношению к историческому произведению, которое тоже должно нести новое.

А чтобы быть за ручьём первым, надо дерзать, рисковать.

В этом третья ступень мастерства – быть впереди.

Мы живём в тревожном мире, и всё-то нас должно касаться. И всё-таки для писателя важна прописка души.

Было бы крайне неразумно упрекать писателя, живущего в Коми республике, за то, что ничего не пишет о нашем Севере. Но согласитесь, что и быть оторванными от Севера мы не можем. Надо уметь находить интересное в своём окружении, в повседневности. Надо уметь настраиваться на новые позывные жизни.

Вот мы сейчас тревожимся по поводу того, что проза наша переживает себя. Даже молодые повторяют нас. Порой кажется, что мы просто прослушиваем старые записи. А нужны новые, собственного сочинения!

Возьмите коми село. Нет нужды доказывать, что оно строится, стабилизируется. Село пережило революцию, колхозификацию, страшную войну, скудность трудодня, даже неприязнь к сельской жизни, что вызвало отток молодёжи.

Каково оно сейчас? Что сохранило старого-доброго, что сохранило национального? Что потеряло? Каков сейчас коми народный характер? Держится ли село высоких идеалов? В лице кого держится? Кто там опора? А кто там оползень? Каким надо ожидать село завтра?

Надо ответить на эти вопросы, а не просто описать, что вот механизатор гонится за рублём, доярка послала дочь в ПТУ учиться на штукатура, а директор совхоза опирается на шабашников.

Это ещё не литература. Литература начинается тогда, когда писатель берёт на себя смелость стать умом и совестью для других.

*Из выступления на семинаре
молодых авторов Коми АССР в ноябре 1984 г.*

Съёлём вотёс (Ягода сердца)

Каких только ягод не собирали в детстве! Каждый год, с начала лета и до глубокой осени, наша Коми Парма-тайга одаривала нас полными лукошками сладких ягод, вкуснее которых, нам казалось, и на свете быть не может. Но и сегодня, имея возможность отведать всякого рода привозных фруктов и ягод, мы тянемся в лес за своими ягодами. Нам надо пойти в знакомый бор, сделать тысячи поклонов родной земле, устать телом и отдохнуть душой, чтобы снова и снова почувствовать, убедиться, что другой земли для нас нет, здесь наша радость и успокоение.

Но есть ещё одна, ничем незаменимая для сердца ягода, всегда вкусная и спелая, зимой и летом опьяняющая! Это – материнское слово, родной язык! Его не надо собирать, он сам в тебя проникает, ложится искринкой на душу, только надо быть чутким и памятливым, осознать себя той ёлочкой в лесу, которой суждено продолжить вечность этого леса.

Не одно десятилетие, даже не один век оттенялся, заглушался наш язык, но его так и не затянуло мохом забвения, не завалило каменными глыбами истории. Как в старину огонь, коми народ берёт свой язык, потому что пользовался им в ежедневной жизни. А пользовался потому, что не хотел уступать кому-то, чтобы не стать постояльцем в своём собственном доме.

Там, где мы уступили, отказались от права хозяев, стали «меда», т.е. наёмными работниками, там и потускнел наш язык, там и обвалился голым речным берегом, не скреплённым корнями деревьев.

Живой язык народа – это признак устойчивости народа, его жизненного полнокровия. Мы наслаждаемся языковой радугой, читая и вспоминая наши легенды и предания, распевая наши старинные песни, но радуга или, скажем, Северное сияние, бывают не так часто, чтобы глядя на них позабыть заботы и тревоги. Живой язык, он как раз и нужен для забот и тревог. Про человека, который запасается на зиму дровами, у нас шутливо говорят, что он, мол, ещё жить собирается. Так и с языком должно быть, если мы жить собираемся.

А мы собираемся жить! И жить не где-то и не в услужении кому-то, а на своей земле, среди своих лесов, на берегах своих рек, своими домами, жить никому не кланяясь и ни у кого ничего не выпрашивая. И нельзя это представить как стремление к национальной замкнутости. Коми человек никогда и ни в чём не замыкался. На домах он не вешал замков, а в охотничьих избушках держал наготове соль, спички, сухари для случайного путника. Коми человек от природы доверчив и открыт, и даже борьба за выживание при советской уже власти не убила в нём до конца эту открытость. Но коми человек бывает и неприступен, когда посягают на его труд, свободу и достоинство. Недаром у нас охрана чести тянется от працедедов, недаром у нас при знакомстве до сих пор спрашивают, откуда ты родом и чей ты.

Это небольшое этнографическое отступление я сделал потому, чтобы сказать, что родной язык – это воплощение нашего образа жизни, и потеря родного языка, самоотход от него означает для народа измену самому себе и, как следствие, самоисчезновение.

Представляется не просто символичной, а глубоко оправданной тема нашей конференции: «Родной язык – моя родина». Так же, как нашу Парму невозможно представить без тысячи ручейков, речек и рек, так и родина лишится животворной силы без родного языка. Примечательны в этом смысле многочисленные признания коми людей, живущих за пределами республики, уже отвыкших от

родного языка. Как бы говорившись, все они уверяют, что стоит только во сне увидеть родные места, как приходят на память давно забытые коми названия. Представить родину без родного языка невозможно.

Да, нам больно, когда безжалостно вырубаются наши леса, отравляются наши реки, растаскиваются богатства нашей земли. Но нам неизбывно больнее, когда угнетается наш язык, не признаётся его право на жизнь. А ведь это равнозначно тому, чтобы лишить человека чистого воздуха.

Конечно, можно и отказаться от родного языка, без него прокормиться, даже добиться карьеры. Собственно, на то и была направлена вся национальная политика, чтобы создать новый тип людей – национальных беспризорников. И следы этой политики ещё будут видны многие годы, как тракторные следы в тундре. Самое горькое в том, что против попыток национального возрождения, защиты коми языка протестуют, а то и злобствуют не столько русские, сколько коми, что, как разау, скрывают своё национальное происхождение.

В новых законодательных актах СССР и РСФСР отдаётся приоритет гражданским правам, что несомненно свидетельствует об отходе от тоталитарного государства, когда человек был вечно мобилизованным и призванным. Но, отдавая приоритет гражданину, нельзя ставить полкой ниже права народов, хотя бы уже потому, что гражданин волен избрать себе, где жить, считать родным любой язык, а народ этого позволить себе не может. К сожалению, права народов пока далеко не узаконены. Даже у себя в республике коми народ лишён своего веского слова, всё-то ему навязывается троекратным большинством пришлого населения.

У противников национального возрождения главное возражение сводится к тому, что коми составляют только 23 процента из общего числа жителей республики и нечего им претендовать на что-то большее, пусть живут согласно с большинством. Но разве может народ со своей историей, языком и культурой, со своей обжитой веками землёй быть в меньшинстве по отношению к кому-то?

Нам ещё предстоит, продвигаясь шаг за шагом, пройти через завалы и болота имперского великородства и старшебратского национализма в его самых обычательских формах. В первую очередь нам необходимо добиться полноправного представительства коми народа в Верховном Совете республики, что нам видится в создании второй, национальной палаты, и узаконения коми языка как Государственного наравне с русским.

Может случиться так, что с переходом на рыночные отношения и истощением сырьевых ресурсов республики со временем начнётся отток нахлынувшего пришлого населения и коми народу легче вздохнётся. Но много ли будет радости оставаться на опустошённой земле? Значит, уже сегодня нужна социальная защита коми народа, которому некуда больше податься.

Я понимаю, что меня так и заносит в сторону от обсуждаемой темы, но что поделаешь, когда эта тема отдаётся сплошной болью с головы до ног. Я хочу, чтобы мой народ жил на своей исторической родине и говорил на родном языке. А для этого, ой как много надо!

Йдъыд аттьё – большое спасибо обществу «Кастрен» за организацию данной конференции и приглашение принять в ней участие. Разойдясь по домам, мы, как охотники, постараемся к следующей встрече принести кое-что поболее и ценнее.

Кузь нэм да бур шуд тіянлы – долгой вам жизни и доброго счастья!

Выступление в Эспоо, Хельсинки 11 августа 1991 года.

Конференция финно-угорских писателей

Людмила Прошак

Людмила Валерьевна Прошак. Первая и главная профессия — журналист. В газетной прессе прошла от районки до <<АиФа>> (зав. отделом чрезвычайных ситуаций). Работала в горячих точках и мес- тах гуманитарных катастроф спецкором, коорди- натором спасательных и реабилитационных опе- раций. Сейчас в журнальной прессе (глянец, но без гламура). Заместитель главного редактора журна- ла ТА (медиакомпания Gameland, Москва). В сво- бодное от профессии и любимой семьи время пишет книги, научные статьи. Смежные специальности: политология, социология. Кандидат наук (история), докторант (философия).

«Та могучая» духовность

«XXI век открывает эру духовности»¹. Это не цитата из программного документа ЮНЕСКО или обращения межконфессионального форума, а выдержка из корпоративного листа японской компании Bandai Namco — изобретателя «Тамагочи» и создателя игры Tekken.

Спасёт ли тамагочи гомункула?

Современная тенденция такова, что на смену печатным мифам приходят мифы виртуальные. Им отдаётся то время, которое раньше щедро тратилось на другие СМИ. Но почему третий по величине игрушечный гигант планеты декларирует духовность как свою корпоративную философию: «Игра должна быть человечной»²? Причём это уже не прецедент, а тенденция — уютно расположиться в нише, которую раньше занимала литература, публицистика, искусство. В головах владельцев масс-медийных ресурсов поселился настырный маленький человечек гомункул (определение Д. Деннета³) — напоминание (оправдание) о духовной сущности выпускаемой продукции.

Но так ли это, если именно тамагочи стал причиной самоубийства японских подростков, не сумевших пережить смерть своего виртуального друга (первона- чальный вариант игры не имел клавиши сброса), в такие подробности не входит. Разумеется, порезаться можно и бумагой. Гибель нескольких неуравновешенных мальчишек и девчонок в статистике 40-миллионных продаж не более чем единичный случай. Особенно, если выбросить из головы слова Достоевского о цене слезинки ребёнка на фоне всемирного движения к «гомункуляризму».

В России тамагочи не имел оглушительного успеха. У нас свои игры. Самая свежая из них — банк «Уралсиб» в онлайновой игре «Счастливый фермер»⁴. Совсем недавно в интерфейсе игрушки, уже собравшей 5-миллионную аудиторию,

появилась кнопочка «банк». Нажимаете — выскакивает логотип «Уралсиба», можно вкладывать денежки на виртуальный депозит, а заодно и ознакомиться с условиями реального кредита. Этот прецедент — будущая тенденция: в социальных сетях онлайн-игр появился продукт плейсмент⁵, на деле обозначающий сотрудничество с реальными компаниями.

How much⁶ свободное время?

Виртуализация реальности, будь то устаревший тамагочи или новоявленный фермер, навязывают человеку свою временную структуру, в соответствии с которой тот вынужден согласовывать свои жизненные циклы. Поэтому современные масс-медиа ведут борьбу *не за сознание, а за свободное время* человека и гомуникула в нём. Медиабизнес всё реже имеет дело с разработкой контента, но всё чаще — с постоянно совершенствующимися *технологиями передачи информации*, создавая венчурные подразделения и вкладывая средства в новые технологические компании, специализирующиеся не только на разработке технологий и предоставлении онлайн-услуг, но и на производстве многопользовательских компьютерных игр⁷. Почему? Потому что люди проводят безумное количество времени в мире ролевых многопользовательских компьютерных игр.

И чем стрессогеннее реальность, тем соблазнительнее виртуальное бегство от неё. «Над вымыслом слезами обольюсь...» — уже стало прошлым. В наступившем будущем есть тому замена — Second Life⁸. Иными словами, в некогда самой читающей стране грядут большие перемены, *на смену читателям приходят геймеры*. Всё, чего им не хватает в негламурной реальности, подарит виртуальность: недвижимость, участие в гонках на супердорогих машинах, владение всеми теми гаджетами, о которых кричит глянц, но молчит, игнорируя, интеллектуальная культура.

Именно поэтому накануне кризиса были так популярны сделки слияния и поглощения. Доля России в общем объёме подобных операций составляет 5-7%⁹. Лидирует на этом рынке финансовая группа «Тройка Диалог»¹⁰, инвестируя средства в покупку блокирующих и контрольных пакетов компаний, рост стоимости которых обусловлен увеличением потребительского спроса. Это прежде всего ритейл, логистика, финансовый сектор, услуги, СМИ, производство продуктов питания, стройматериалов и упаковки.

Итак, масс-медиа в пятёрке самых привлекательных компаний потребительского сектора (TroiKa Capital Partners считает невыгодным участвовать в приватизационных аукционах, сделках в сфере недвижимости и добычи природных ископаемых). Средний размер сделки составляет от \$25 до \$100 миллионов. Такова нынче на медиарынке цена слова — не столько печатного, сколько виртуального. Но что оно в себе несёт? Какой из мифов тиражирует? С какого языка переводит? С японского, английского или, быть может, с виртуального эсперанто, рождение которого прошло незамеченным?

Почему мы не полиглоты?

Уже стало историей то время, когда четверть века назад общество взамен коммунистических мифов получило первый постсоветский миф — *демократический* (он же *антикоммунистический*). Масс-медиа охотно приняли на себя миссию «четвёртой власти», торопясь высказать то, что долгие годы было под спудом. Тогда впервые темой публикации масс-медиа стали межнациональные отношения. Этнические особенности восприятия и оценки сути происходящего, обычай, язык и культура — всё то, что вдруг заявило о себе межнациональными конфликтами. Отчёты о съездах больших и малых народов немногим отличались от репортажей из горячих точек.

Демократы девальвировали свой миф, а финансовый кризис 17 августа 1998 года вместе с деньгами обесценил и гласность. Взамен выкристаллизовался новый миф — *катастрофический*, в котором под предлогом свободы слова нашлось место и этническим фобиям и антипатиям. Образ «чужого», порождённого мифом «страшилок», постепенно трансформировался в миф магии, и это был первый, робкий шаг в виртуальность, где все мыслят образами *того языка*, на котором вызрела идея проекта.

Возможно, поэтому и не прижился в России тамагочи. Как ни странно, в стране двух континентов, вечно в моде западничество. Внутренний расизм российских прогрессистов, наиболее ярко проявивший себя в реформаторскую эпоху Петра I, затвержен на уровне генов: прогресс — это нечто, идущее с Запада. Россия пыталась говорить по-немецки, затем по-французски, теперь по-английски (странны, что наша нация не стала полиглотом). Утверждение о том, что люди пользуются, скажем, английским для общения потому, что «хотят сохранить собственную культуру»¹¹, представляется спорным. «Метастазы новояз» не могут не затронуть этнической модификации. Тем более, что тот же С. Хантингтон не отрицает того, что *язык и религия являются центральными элементами любой культуры*¹². Что уж говорить о масс-медиа! Они — кривое зеркало нашего общества и нашей культуры, если на то пошло. В издательских домах никого не удивишь сегодня вопросом о *дэйлайне мэсседжа об эвенте*¹³. Как говорим, так и думаем. Как думаем, так и живём. Что это — вестернизация, деэтничизация, путь к универсальному языку или всемирной религии? Для начала — это столбовая дорога к глобальной редакции новостей.

Российские масс-медиа вышли из экономического кризиса 1998 года, наполнив рынок изданиями-«кальками» иностранных глянцевых журналов. Политическая интоксикация достигла критического уровня. «Глянец» стал реакцией на неё. Но сеть, раскинутая СМИ ради собственного выживания, превратилась в общенациональную сеть продаж мифа о гаджетах. И всё это на фоне крепчающих разговоров о духовности, которая «в своих истинных достижениях ...*сверхнациональна*. Но по своему опытному источнику, по своему творческому ритму и по своему своеобразию — ...*национальна*»¹⁴, также как и молитву, например, русский человек в первую очередь *переживает по-русски* (выражение Ивана Ильина)¹⁵.

Творцы духовности

Быть носителем и хранителем духовности — тенденция для отечественного купечества не новая, она ещё подмечена Мариной Цветаевой: «сознание неправды денег в русской душе невытравимо»¹⁶.

Но духовность выдумать невозможно, её можно лишь почувствовать как со-причастность. К чему? К кому? Поскольку в современном российском обществе понятие «духовность» располагается в трёх основных семантических полях: религия (25% респондентов считают её первостепенной), нравственные качества (21%), культура и интеллект (8%)¹⁷, постольку ответ вероятнее всего будет дан в конфессионально-этническом ключе, усиленном расизмом российских прогрессистов, о котором говорилось выше.

Если коммунистический миф строго вопрошал: «С кем ты?», демократический миф делал ключевым вопрос: «Против кого ты?», катастрофический миф наводил на мысль: «Как страшно жить!», миф гаджетов вопил что есть мочи: «Хочу иметь эту вещь!», то миф духовности задаёт вопрос в лоб с прямолинейностью пули: «Какой ты?»

Можно быть гражданином двух стран, можно чувствовать, что в тебе течёт на треть арабская, на третью еврейская, на третью русская кровь. Но невыносимо трудно идентифицировать себя на четверть мусульманином, ещё на три четверти буддистом, христианином и язычником одновременно. Это уже таит в себе столкновение культур в такой степени, о какой жутко было предположить даже в пору царствования самых непримиримых мифов.

Чувства и деньги

«Многие компании имеют *возможности, стимулы и вкус* к расширению, к превращению в публичные общества»¹⁸, — заявляет Андрей Шаронов, управляющий директор уже упомянутой выше Группы компаний «Тройка Диалог», которая помимо средств имеет ещё и свою философию, свои принципы и видит свою миссию в активном преобразовании мира. Это не менее сильная заявка, чем их коллег по бизнесу, распространявших по миру тамагочи. Впрочем, философия, принципы и пр. — цели высокие, но довольно абстрактные, пока не будут наполнены конкретным смыслом. Его вдыхает духовность, которая чем чаще упоминается всем, тем большей неоднозначностью характеризуется.

Сегодня в крупных медиакомпаниях никого не удивит появление священнослужителя, консультирующего медиамагната в соответствии с его конфессиональной принадлежностью. Так экономический расчёт подкрепляется своим личным пониманием духовности, который у каждого из нас отягощён историческим опытом секуляризации государства, обернувшейся вторым крещением постсоветской Руси. Но христианизация (исламизация, etc.) совершилась на фоне капитализации, и это дало самые неожиданные результаты.

Например, крайне показательно то, как поступила компания «Промсвязьбанк», контролируемая братьями Дмитрием и Алексеем Ананьевыми, с приложениями к газете «Аргументы и факты», став полновластными владельцами медиа-

холдинга, который стал первым медиаактивом этой финансовой группы. Одни приложения (в том числе и региональные) закрыли из-за их низкой рыночной доли, а другие — из-за того, что они «не укладываются в стратегию развития еженедельника, вступают в противоречие с его аудиторией»¹⁹.

Но трёхмиллионный тираж не может не свидетельствовать о том, что столь многочисленная аудитория обладает известной степенью плюрализма. Первым было закрыто приложение «АиФ-Любовь». Почему? Потому что братья Ананьевы — люди верующие, но главное всё-таки не это, а то, что *контрольный пакет акций обеспечил им полную возможность отстоять свои религиозные взгляды*.

«Если поскрести русского...»

«Если поскрести русского, — заметил де Местр, — обнаружится татарин»²⁰. И не только татарин, — добавим от себя, не конкретизируя без надобности. Процесс самоидентификации, отдав должное горячим точкам, которые сегодня столь же безобидны, как и дремлющие вулканы, трансформировался в *стяжательство духовного опыта* (именно поэтому катастрофический миф масс-медиа перетёк в миф магии).

Вне сомнения, в нашей многонациональной стране религия большинства — православие, за ним следуют на некотором отдалении ислам, католицизм, буддизм, иудаизм, etc. Но не столь многообразна карта медиапространства России. Мысленно водрузив на ней национальные стяги и конфессиональные знаки отличия, автор решил воздержаться от наглядного изображения этой виртуальной картины нашей медиаструктуры. Она никоим образом не отражает этноконфессиональную модель нашего общества. Всё это не имело бы особого значения, если бы не сгущались сумерки нашей культуры, о которых прогностически точно писал Питирим Сорокин²¹.

Среди медиамагнатов есть и те, кто имеет не только двойную этническую и гражданскую самоидентификацию (россиянин-немец, израильянин-россиянин, etc.), но и бизнес-амбиции, зачастую не лишённые и *великодержавных деклараций*, что само по себе на фоне, скажем, двойного гражданства представляется весьма спорным.

Одно из поветрий нашего времени — приглашение зарубежных топ-менеджеров (в том числе и «экс-патриотов»), а прибавьте ещё к этому то, что линейка изданий медиахолдинга, например, уже само по себе «кальки» западных журналов. Между тем, существующие межкультурные различия и сложности адаптации топ-менеджеров из числа трудовых мигрантов не отрицают и консультанты серьёзных фирм, занятых этим бизнесом, например, Executive Search²².

Такое ситуативное проявление этнической самоидентификации медиамагнатов и приглашённых ими топ-менеджеров не может не вести к *новому переформированию медиапространства*. Если ориентироваться на структуру суперэтноса Льва Гумилёва, то в данном случае речь идёт о *конвиксии* (слое в этнической общности)²³. Медиамагнаты, как и остальная российская бизнес-элита, являются представителями субэтноса, сформировавшегося под влиянием *территориального и сословного обособления*. Причём важно отметить этническое разнообразие

бизнес-элиты, которая *внутри самой себя* не дискриминируется ни по этническому, ни по конфессиональному признакам, потому что таковые ей *политически и экономически не выгодны*.

Гораздо острее протекают *внешние* процессы, когда конфессионально-этнический сепаратизм подчёркивается социальным неравенством положений топ-менеджеров и медиамагнатов среди других медиаакторов. Более того, известны случаи, когда конфессионально-этническая принадлежность намеренно подчёркивается самими представителями конвиксии. Например, на званный ужин медиамагнат является в смокинге, который делает его похожим на всех остальных приглашённых, а у себя в офисе ходит в кипе (чалме, etc.).

Национальный головной убор совсем не обязательно подчёркивает исключительную религиозность, он ещё и своего рода социальный опознавательный знак «свой – чужой». В основе такого целеполагания — и неудовлетворённая публичная самоидентификация, и наглядная демонстрация своей духовности, и осознанное или неосознанное *идеологическое давление*.

Рубль разменялся на десять гривенников

Представим себе шахматную доску с рассредоточенными на ней в случайном порядке наборами пяти- и десятицентовых монет. Они перемещаются до тех пор, пока, по меньшей мере, половина из них не окажутся среди «своих», тогда, к примеру, десятицентовики образуют гетто среди пятицентовых соседей. Такова, по мнению Энтони Гидденса, модель максимальной сегрегации²⁴.

Итак, на уровне межличностных отношений сегрегация проявляет себя в виде стереотипов восприятия людей других категорий, налагая ограничения на определённые методы и действия в осуществлении профессиональных обязанностей. Разумеется, такого рода ограничения могут носить временный и вынужденный характер на тот период, напоминая о себе лишь тогда, когда медиаактор в силу тех или иных причин оказывается перед нравственным выбором. Этот этап является своего рода обрядом инициации, который самый непосредственный участник медиапроцесса (особенно журналист) может проходить многократно, потому что реальность меняется, а вместе с ней меняется и медиареальность.

Имеет смысл рассматривать медиаструктуру в виде модели *многокомпонентной этноконфессиональной и социальной системы* с отчётливым синергетическим эффектом (самоорганизацией). Она чревата многими погрешностями личностного характера. Её можно достаточно наглядно представить на той же шахматной доске, расположив на ней наборы копеек разного достоинства и, к примеру, три рубля (*sorry*, очень *sorry*, Mister Baks). И вот что вышло: господин Рубль не нуждается в сегрегации даже с себе подобными, поскольку и без того занимает четыре клетки. В этом конкретном примере он самодостаточен! К сегрегации ему надо будет стремиться лишь в том случае, если он разменяется на десять гривенников²⁵. Но если на его месте окажется Mister Baks (фунт, франк, etc.), он будет не менее самодостаточен.

Выше сказанное — популяризация выявленной закономерности конфессионально-этнической сегрегации на медиаполе²⁶. Религиозное, национальное нач-

ло первично, поскольку «вера глубже любой формы разума»²⁷, а «верить — это гораздо больше, чем „признавать за истину”»²⁸. Бизнес активно участвует в мифологизации медиапространства, диктуя масс-медиа правила игры в соответствии со своими конфессионально-этническими взглядами, которые он выражает экономическими средствами, которые гораздо действеннее политических.

Смиряет ли «смириительная рубашка»?

«...На перезрелой стадии чувственной культуры... нужен „полицейский истории”, который в первую очередь подвергнет его [человека] тяжкому и чисто физическому насилию, как это делает в нынешнем тоталитарном государстве „полицейский истории”; а затем постепенно, после того, как его скрутят, на него наденут *смириительную рубашку идеациональной культуры* для конструктивного и подлинного „переучивания” и „переориентации” — как в отношении себя, так и в отношении мира ценностей и действительности в целом»²⁹.

Казалось бы, всё по Питириму Сорокину: духовность провозглашена целью и потребностью современной медиареальности. И всё же «смириительная рубашка идеациональной культуры» никого не смиряет, потому что она не надета, а лишь накинута, чтобы скрыть чувственную ментальность циничного эпикурейства, в привычках которого использовать «своеобразную технику попеременного надевания *тех идеациональных масок*, которые суют материальную выгоду»³⁰.

Слыть духовным сегодня *выгодно*. Таковы реалии нашей медиареальности, которую можно трактовать как некую совокупность реальностей (полей), созданных или модифицированных в результате преднамеренных или непреднамеренных последствий деятельности медиаакторов, взаимодействующих друг с другом или влияющих друг на друга своим поведением, мировоззрением или ресурсами.

Духовность, становясь одной из переменных культуры медиареальности, конструирует суть связей с другими переменными, влияя на характер каждой из них, таким образом видоизменяя всю медиаструктуру.

Религия, нравственные качества, культура и интеллект — таково духовное трёхполье, дающее в сумме ...*совесть*, если подразумевать её как «состояние *нравственной очевидности*»³¹. Но для человека очевидно то, во что он верит: в Бога, в деньги, в любовь, в гомункула в себе, etc. Во что верим, тому и служим.

¹ Bandai Namco Group Philosophy. — Tokio, 2008.

² Bandai Namco Group Philosophy. — Tokio, 2008.

³ Dennet D. Postmodernism and Truth. Why Getting It Right Matters // Free Inquiry. Vol 20. №1. Winter 1999/2000. S. 109.

⁴ Банк «УРАЛСИБ» начал открывать вклады и выдавать кредиты в игре «Счастливый фермер». Агентство финансовой информации «М3-медиа». 28 сентября 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.m3m.ru/>

⁵ Англ. *product placement*, дословно — *размещение продукции; скрытая реклама*.

⁶ Сколько стоит (англ.).

⁷ Очень показательная сделка: медиаконгломерат Bertelsmann вложил \$30 млн в Trion World Network Inc — компанию из маленького городка Редвуд-сити (штат Калифорния), которая производит многопользовательские компьютерные игры.

- ⁸ Вторая жизнь (англ.). Такое вещание через неэфирные (кабельные и спутниковые) телесети ведёт Gameland. Две трети передач состоят из адаптированного лицензионного контента.
- ⁹ M&A Intelligence [Электронный ресурс]. №8, 2008. Режим доступа: <http://www.ma-journal.ru>.
- ¹⁰ См. отчёт Collins Stewart, 2008.
- ¹¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. [Текст]. — М., 2003. — С. 84.
- ¹² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. [Текст]. — М., 2003. — С. 80.
- ¹³ Просто коллегу спросил о том, в какой срок должен сдать заметку о прошедшем событии.
- ¹⁴ Ильин И.А. Религиозный смысл философии. [Текст]. — М., 2003. — С. 48.
- ¹⁵ Для тех, кто захочет упрекнуть автора в русофильстве: молитву при своих запорожско-забайкальских корнях я переживаю на церковнославянском, затем на древнегреческом и на древнепермском. Это даёт мне личную культурологическую гармонию и историческую ретроспективу. Если кому-то ближе латынь, иврит, арабский, хинди, etc. — ради бога.
- ¹⁶ Цветаева М. Музей Александра III [Текст] / Цветаева М. Поклонись Москве. — М., 1989.
- ¹⁷ Духовность — вчера и сегодня. База данных ФОМ. 11.01.2007. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.fom.ru.
- ¹⁸ Форум Россия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.therussiaforum.ru.
- ¹⁹ Газета. — 2008, 11 августа.
- ²⁰ Цит. по: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. [Текст]. — М., 2003. — С. 213.
- ²¹ «Кризис-катарсис-характера-воскресение — это способ, посредством которого была преодолена большая часть предыдущих великих кризисов...» — Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. [Текст]. — СПб., 2000. — С. 810.
- ²² См. Банковское обозрение. — №12, 2007.
- ²³ См. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — СПб., 2001.
- ²⁴ См. Гидденс Э. Устроение общества. [Текст]. — М., 2005. — С. 50.
- ²⁵ Поучительная притча об этом есть у Михаила Светлова.
- ²⁶ По мнению автора, медиаполе — это пространство, в котором складывается определённая конфигурация сил между медиаакторами (индивидуальными авторами) и масс-медиа (коллективными авторами), а также новымейкерами (выразителями общественного/публичного интереса). Постепенно автономизируясь, медиаполе приобретает социальные отношения, цели и средства, свойственные только ему и отличные от других полей.
- ²⁷ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. [Текст]. — СПб., 2000. — С. 797.
- ²⁸ Ильин И.А. Религиозный смысл философии. [Текст]. — М., 2003. — С. 89.
- ²⁹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. [Текст]. — СПб., 2000. — С. 805-806.
- ³⁰ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. [Текст]. — СПб., 2000. — С. 50.
- ³¹ Ильин И.А. Религиозный смысл философии. [Текст]. — М., 2003. — С. 181.

АРТ-ФАКТ

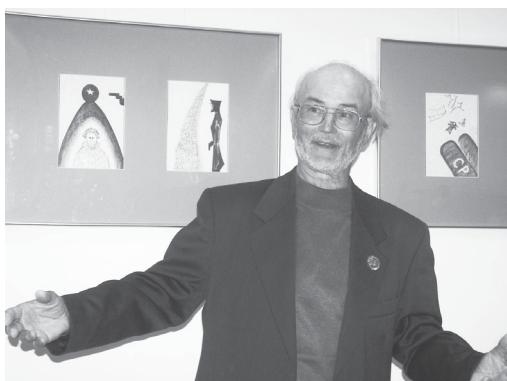

Анна Лебедева

Анна Витальевна Лебедева. Родилась в 1985 году. Искусствовед, аспирант кафедры истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета, научный сотрудник Галереи-мастерской Г.С. Райшева в Ханты-Мансийске. Автор ряда научных статей, каталогов и куратор выставок.

Автор произведения Еремей Данилович Айпин родился 27 июня 1948 года в семье охотника и рыбака-ханты в п. Варьеган Сургутского (ныне – Нижневартовского) района Тюменской области. Окончил Ханты-Мансийское национальное педагогическое училище (1971) и Литературный институт им. А.М. Горького (1976). Пишет на хантыйском и русском языках. Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа с 1998 года, награждён знаком «За отличную работу» Министерства культуры, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I, II степени.

Геннадий Степанович Райшев родился 18 ноября 1934 года в п. Сивохребт Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) автономного округа. Заслуженный художник России, заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, член-корреспондент Российской академии художеств. Уникальный график и живописец, нашедший свой собственный стиль в искусстве.

Иллюстрации Геннадия Райшева к роману Еремея Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах»: писатель, художник и тень восстания

*Значит настал её, Матери Детей, черёд.
На этой войне у остыков существовал свой
порядок вступления в бой. Сначала воюют
мужчины, а когда погибают, вступают жен-
щины, последними дети, те из них, кто уже
может держать в руках ружьё.*

E. Айпин

Трагические события 1930-х годов на Обском Севере сыграли в судьбе народа неизгладимую роль. Именно они легли в основу романа Еремея Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах».

Исследователь событий тех лет Ольга Ерныхова писала: «Казымское восстание 1933–1934 годов, которое советскими судебными органами было названо как "контрреволюционное вооружённое выступление туземцев Казымской тундры" против советской власти – белое пятно в истории Сибири. В советской историографии оно упоминалось лишь в нескольких статьях, а также в диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук В.В. Веселкиной. В этот период истории Казымское восстание, как и впрочем, все мятежи против советской власти интерпретировались исключительно с позиций правившей коммунистической партии. Значительная часть документальных источников находилась на секретном хранении и была недоступна исследователям. Все статьи и монографии носили исключительно апологетический характер, рассказывая о том, какие поистине "сказочные" изменения произошли в судьбе малочисленных народов Севера после октябряского переворота.

Начало 90-х годов XX столетия ознаменовалось глубоким переосмыслением многих этапов и проблем отечественной истории. Закономерно, что в этом ряду оказалось и Казымское восстание – одно из наиболее трагичных событий в истории Югры»[3].

Произведение Еремея Айпина писалось по рассказам шамана, историческим хроникам и воспоминаниям старожилов. В его основе лежит реальная история жизни аборигенов, что подтверждают архивные документы того времени.

Как пишет Александр Игумнов: «Новый роман Еремея Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» (Екатеринбург, 2002) всколыхнул поле литературной критики, заставил заговорить многих литераторов не только о художественной новизне произведения, его исторической ценности, глубине познания автором нелёгкой жизни народа ханты, но и противоречивых, с первого взгляда, эпизодических моментах того далёкого времени.

В художественном отношении роман не только великолепен, но и уникален по-своему. Редкий случай в современной русской литературе, когда в процессе боевых действий со стороны правительственные войска (красных) против мирных жителей Приобья (Казымское восстание остыков, 1933–1934 годы) главным героем романа стал не смелый, решительный, отважный мужчина, типа Сени Малого, а обычна женщина, которая, спасая своих детей, не превратилась в обычную беглянку, безропотно принимающую удары судьбы, взывающую к Богу о мщении, а нашла внутренние силы и вступила в схватку с извергами рода человеческого, какой бы национальности они ни были» [5].

В беседах со студентами и преподавателями писатель говорит о том, что он создаёт характеры героев, представляя как вели бы себя в особых условиях близкие ему люди: мать, отец и другие родственники.

В 2004 г. Еремей Айпин был выдвинут участниками Международного конгресса финно-угорских писателей в кандидаты на соискание Нобелевской премии в области литературы.

О сильном эмоциональном влиянии говорят не только критические статьи и заметки, но и отзывы людей со всего мира, так, например: «Читалось на одном дыхании. После прочтения зашкаливал пульс».

Или, Доминик Самсон Норман де Шамбур, литературовед, литературный переводчик, докторант Государственного института восточных языков и цивилизаций, описывает своё состояние от соприкосновения с книгой: «Когда я в первый раз переводил отрывок романа Е. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах», я принёс присягу. Ни Медведем, ни Крестом, ни Библией. Я убаюкал поочерёдно в руках моих белые, как весенний снег, трупы Анны, Романа, «последнего кормильца, последнего воина», Марии; я вскрыл себе вены, чтобы смешать мою кровь с кровью порезанной груди Матери Детей, чтобы кормить её последнего ребёнка; я упал под огненными камнями военной птицы, крылья которой закрывали небесную красоту лица Богоматери, и я поднялся, один из обрызганных кровью слов, похожих на обломки; бродя по преданной Югре, я звал выживших, какзывают к богам.

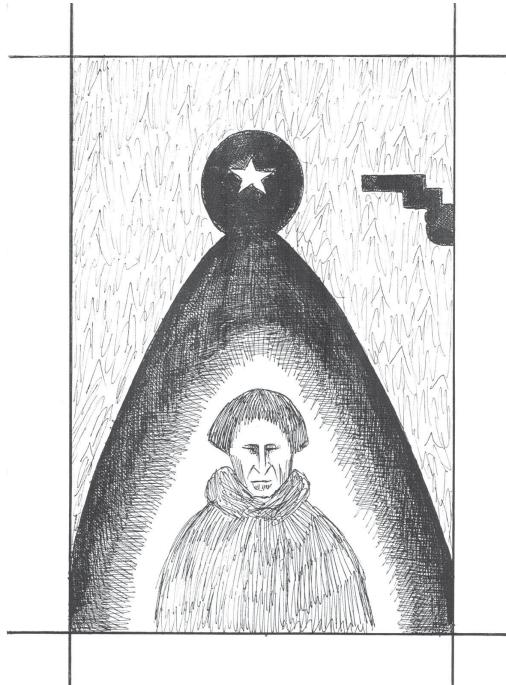
Когда я в первый раз переводил отрывок романа Е. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах», я принёс присягу. Перед всеми, с которыми я встретился бы сегодня» [7].

В биографических данных, опубликованных в альбоме «Геннадий Райшев. Графика» (Екатеринбург, 2004), исследователем творчества Райшева Галиной Голынец, мы узнаем, какую печать наложила перемена государственного строя страны на судьбу художника: «Отец мой, – вспоминает Г. Райшев, – как особо одарённый из хантов, до революции окончил церковноприходскую школу. Любил чтение, стихи, грёшил рифмой, в доме были книги. Он не терпел унижения и не мог видеть, как обижают других. Тридцать седьмой год откликнулся ему...».

В марте 1938 года Степан Миронович Райшев был расстрелян, обвинённый в том, что «является человеком контрреволюционной организации для борьбы с Сов властью». Тройка при УНКВД по Омской области 15 марта 1938 года приговорила С.М. Райшева по статье 58-10, 11, УК РСФСР к расстрелу. Через 11 дней приговор был приведён в исполнение в г. Ханты-Мансийске. В материалах архивного уголовного дела данных о месте захоронения нет, однако документально подтверждено, что массовые захоронения в г. Ханты-Мансийске проводились на

Наушник.

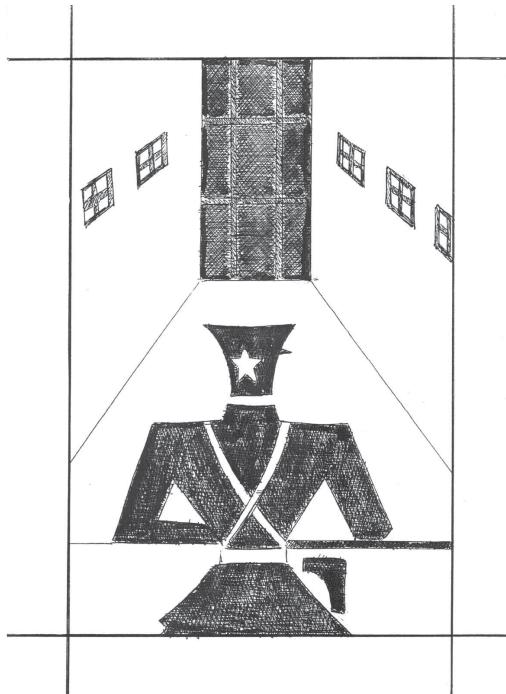
Образ расстрелянного.

территории, прилегающей к зданию ГООВД. Тюменский областной суд Райшева С.М. реабилитировал 23.07.60. (Информация из ответа Министерства государственной безопасности Российской Федерации от 23.09.93 № 10/5-р-12 на запрос В.С. Райшева, г. Тюмень).[2]

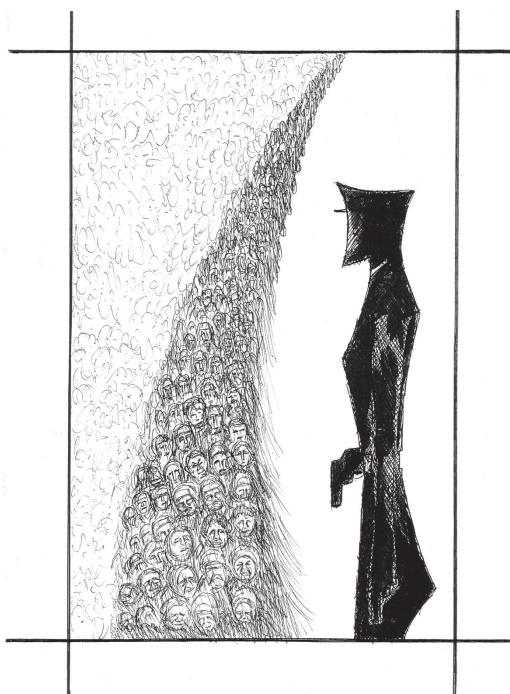
В дальнейшем судьба художника складывалась нелегко, даже уже тот факт, что после окончания четвёртого класса он был вынужден прервать учёбу и в течение нескольких лет помогать семье охотничим и рыбачьим промыслом, говорит о многом. «Мать возила почту на тройке коней, была смела и независима. Ушла из колхоза, так как заработка там фактически не было. После окончания начальной школы я несколько лет сам промышлял, приносил домой добычу – уток, белок. Сшил бродни – болотные сапоги – себе и матери. Дратва до крови врезалась в ладони, плакал... Чтобы заплатить налоги, мать продала дом, корову. Постепенно после войны все односельчане покинули Сивохрап...» – рассказывает Г. Райшев.

Сегодня с именем Геннадия Райшева знакомы не только его земляки, но и жители нашей страны и заграницы. Персональные выставки художника проводились в Ханты-Мансийске, Сургуте, Екатеринбурге, Тюмени, Тобольске, Карпинске, Москве, Будапеште, Секешфехерваре (Венгрия), Йоэнсуу (Финляндия), в других городах.

Художник Райшев и писатель Айпин сотрудничают уже давно, ранее Геннадием Степановичем были проиллюстрированы книги: «Ханты, или Звезда Утренней Зари», «Я слушаю землю», «Клюквинка и травяная косичка: потешки, сказ-

Следователь.

По этапу.

ки, были сургутских осяков» из серии «Сказки моего детства», «Река-в-январе» и многие другие.

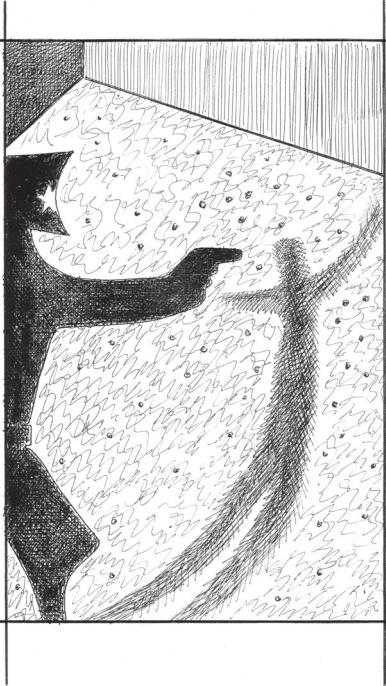
В 2006–2007 годах в Государственной библиотеке Югры состоялась выставка «В пространстве книги», где было представлено 119 графических работ-иллюстраций.

В период Саммита «Россия – Евросоюз» и V Всемирного конгресса финно-угорских народов, проходившего в Ханты-Мансийске в стенах той же библиотеки с 25 июня по 25 июля 2008 г. была развернута Выставка графики по произведению Еремея Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах», в которую вошла серия из 15 графических листов, в том числе и те, которые не были помещены в книге.

Роман Еремея Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» включает иллюстрации художника. Геннадий Райшев даёт собственное прочтение трагических событий на Севере, через визуально-образное восприятие.

Иллюстрации повествуют о закадровой части Казымского восстания, о противостоянии железной системы советского государства и человеческой судьбы.

Автор не предполагает дословного прочтения текста книги. Геннадий Райшев поясняет: «Литературный материал интересен мне как таковой: могу ли я сделать то, что вижу внутренним взором. У меня есть определённые знания в области литературы, кинематографа, театра, музеев, материальной культуры народов, – всё это даёт возможность интерпретировать, находить изобразительные соответствия словесному образу. Я не делаю иллюстрации, а создаю общее впечатление. Все картины рисуются от глубоко личного впечатления. Это абсолютно не ил-

Расстрел.

люстрация в традиционном понимании этого слова». Вынесенные в отдельный блок, они органично развиваются тему романа Еремея Айпина.

Пластика формы, доведённая в некоторых случаях до знака, чётко даёт представление о состоянии, атмосфере, накале момента.

Графические средства художник выбирает не случайно, так как, именно через их остроту, появляется возможность передать мрачную событийность и дух того времени.

Читателя и зрителя порой смущает некоторая простота изображения, в работах нет ничего лишнего, они как выстрел, как предел, как пойманый момент во всей его пространственно-временной остановке. Будто ребёнок изобразил увиденное, вложив в них всё своё знание, понимание и умение. Да и как может быть иначе, ведь такие же, как и запечатлённые в романе, события повлияли на судьбу художника в реальной жизни, жизни, когда в один момент из маленького ребёнка ему пришлось стать мужчиной, кормильцем своей семьи.

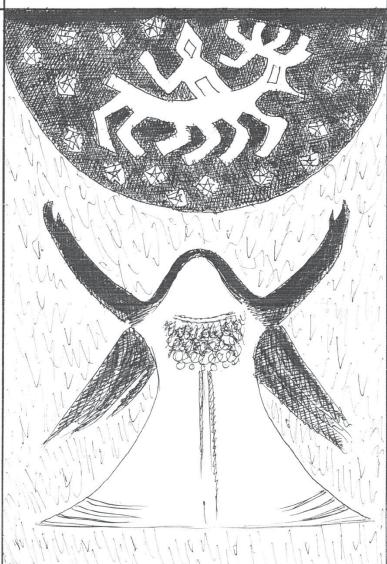
По словам Геннадия Степановича, на рисунках – не конкретные люди, а символичные образы-тени. Изобразительный стиль – тоже родом из 1920–1930-х годов. Немного футуризма и авангардизма, немного плакатности, заваренного крутым кипятком пугающие знакомого прошлого...

Тема огульных опал и расстрелов без суда и следствия, хоть и шокирующая, в качестве повода для иллюстраций оказалась наиболее яркой. Особенности интерпретации событий, разворачивающихся в романе, мы уточнили в диалоге с художником[4].

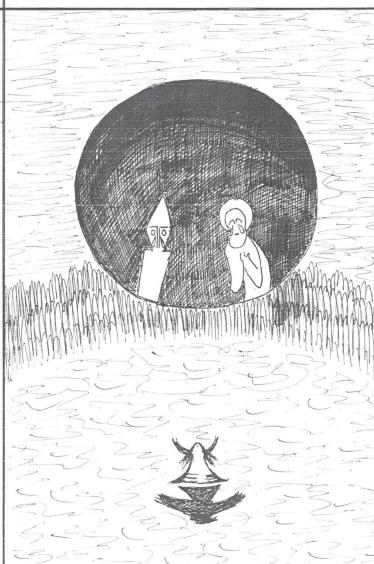
«Эти иллюстрации не конкретные, а передающие общее состояние, – поясняет Геннадий Райшев, – здесь представлены и те, кто наушничал, и те, кто уводил на расстрел и убивал, и те, кто забирал не только из домов, но и из чумов».

Дальше автор переходит к самим иллюстрациям: «В первую очередь нужно сказать, «Наушник (доносчик)» – это изображение символическое, оно обезличено, как и КГБшники, НКВДшники в то время, они не имеют лица – таковы их признаки. Так и сам наушник не имеет лица. Он изображён в виде некой хищной птицы льстивой, это такое своеобразное птичье состояние – нащёбтывать, наговаривать и так далее.

Вот – «Арестованный», понятно, что не так расстреливали, как я здесь изобразил. Скорее всего, здесь ведёт на расстрел уводящий из дома. Тот, кто ведёт на расстрел, не имеет лица и тот, кого ведут на расстрел, тоже не имеет лица, но мы

Обращение к Торуму.

Торум и Николай Чудотворец.

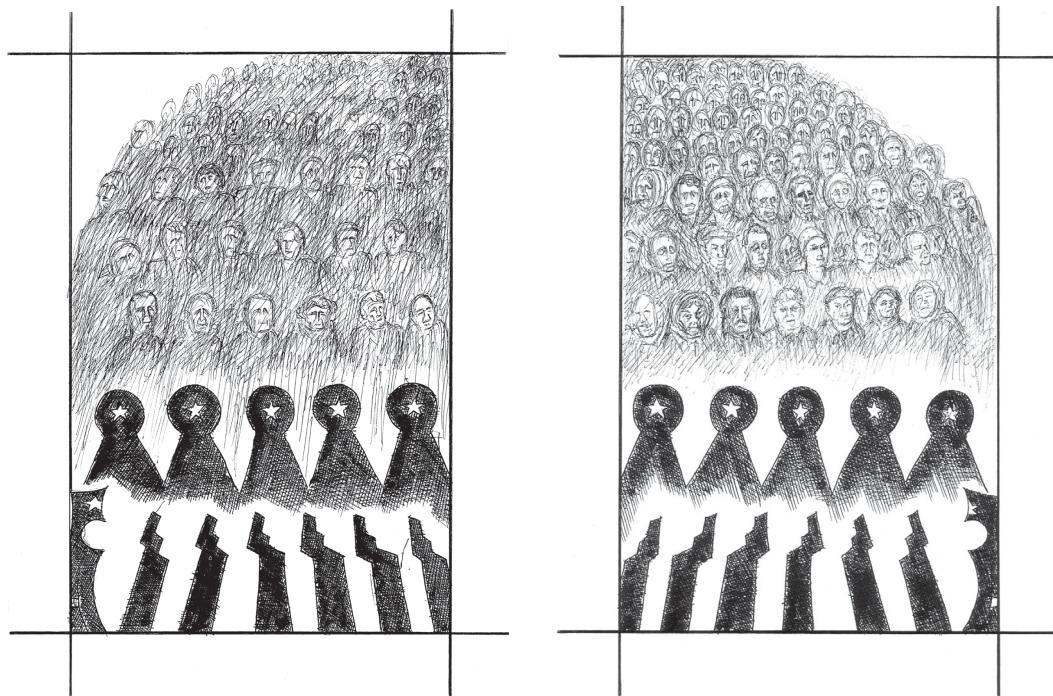
понимаем, что это человек 30-х годов, это видно по кепочке, по косовороточке. А милиционеры той поры многие носили шлемы – это тоже символ. Вот там, в доме, – мать сидит, жена. Кругом изображены пулевые следы. Сам расстреливающий изображён остро и символично как тень, но тень плотная. А расстрелянный – неплотный, уходящий».

В статье журналист С.Симакова приводит слова художника: «Железная система оболванивания» (по выражению Райшева) представлена так: множество ликов — больше призрачных, чем реальных — сгрудилось какой-то одной сплошной серой массой. Перед ними на переднем плане чёрные фигуры людей «со звёздной дыркой в голове». [6]

«А «Следователь» – это определённое состояние строгости, камерности. Позы, решётка. Всё обозначено через символы», – продолжает пояснить автор.

«По этапу». Здесь опять же изображена символическая фигура, которая ведёт этот этап. Конечно, у нас в Сибири было несколько иначе это. Этапы возили зимой, одеты они были в зимние одеяния. Но это всё равно есть символ. А толпа народа очень конкретна и даже здесь портретные характеристики можно увидеть. Толпа сама по себе, как нечто большое, бесконечное, а сами лица конкретны, как и судьбы».

Впечатляет работа «Образ расстрелянного», в ней соединены два состояния – жизни человека и системы, несущей смерть. «Это образ расстрелянного ханты, – продолжает художник объяснение, – то есть я брал образ, который, в данном случае, очень конкретен. Но не конкретна, а символична его тень, как некий

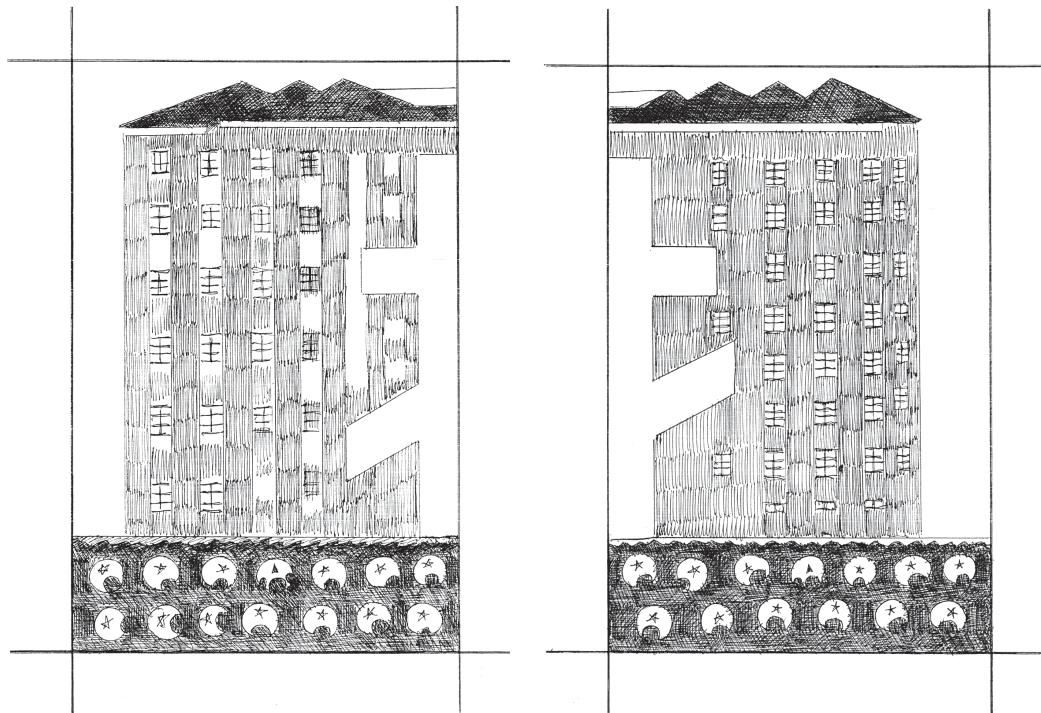

Памяти убиенных.

памятник. Чёрный абрис вокруг человека — это тоже человек, это, так сказать, обобщённый образ этого человека. Здесь также изображён наган. Это, конечно, несколько наивно изображено всё, но достаточно точно, потому что наган в то время присутствовал всегда».

Обращая внимание на иллюстрацию «Железная птица (Аэроплан)», мы видим аэроплан, кружящий над лесом, Геннадий Райшев поясняет изображённое: «Он пролетает над стойбищем и смотрит. Птицей его называли обитатели чумов. На картинке чётко прорисован крутящийся винт — механика, нагнетающая страх на тех, кто внизу, и ожидает, что «птица» может сбросить бомбу или «рассыпаться» единичными, но прицельными выстрелами. Были и расстрелы с самолёта, в произведении Еремея Даниловича они описаны. Это символическая тень, но она материальная, она плотная. А пространственное состояние неплотное, поэтому между ними находится много воздуха. Как видите, изображение здесь символично — вот лётчик, вот — шасси, звёзды, но это не портретная копия аэроплана-самолёта, а символическое изображение, но в образе оно очень точное. Все детали, так сказать, тут налицо. Как отражено в следующей работе «Аэроплан пролетел», последствия стали ужасающими — осталась убиенная женщина и воющая собака».

На следующей иллюстрации «Обращение к Торуму» — женщина, которая обращается к своему хантыйскому богу, ко всему, что ещё может человека хоть как-то защитить, ведь Мир Сусне Хум на своём коне объезжает весь свет и должен видеть, что творится. Если же молитвы не достигали своего Бога, то, не

Осенённый крестом.

теряя надежды, молились и просили русского святого Николая Чудотворца, что и показано в работе «Торум и Николай Чудотворец».

Очень тонкая и трепетная иллюстрация под названием «Душа Матери», автор говорит о ней: «Она как ласточка, бьющаяся, летающая. Как состояние тревоги и темноты и белого бесконечного снега, и сама мать среди этого становится тоже, как ласточка».

О работе «Памяти убиенных» Г.С. Райшев рассказывает: «Здесь как раз расставлены все эти расстрелянные головки со звёздочками, руки с наганами. Изображение расстрелянных портретное. Эти портреты я рисовал с фотографий тех времён, а некоторые – просто портреты моих односельчан. Где-то среди них и отец есть, его расстреляли здесь, в Ханты-Мансийске, мне до сих пор неизвестно, где он похоронен, и Косыгин есть, и Кудреватый. Это образы тех ушедших, это память о них фотографическая, а это (фигурки со звёздами) – символическое состояние. Это символы этой жестокой репрессивной системы, символы того, что она делала».

Работа «Осенённый крестом» не вошла в книгу, на ней изображён крест, в ней художник призывает, чтобы в будущем не повторялись подобные действия со стороны государства относительно своего народа. То есть крест должен их вразумлять и сдерживать. Это призыв автора к правильному отношению к жизни и к народу.

Уже из названий и описаний работ можно представить себе содержательную часть романа. Каждая иллюстрация несёт в себе колossalную историко-философскую нагрузку.

В конце 2007 года в Ханты-Мансийске завершили съёмки историко-приключенческой драмы, по одноимённому роману. У фильма несколько рабочих названий: «Лёд» и «Сага о хантах». Режиссёр фильма – Олег Фесенко, известный по таким фильмам, как «Тарас Бульба», «Стрите́йсеры», «Час пик», «Ведьма». Выход фильма в прокат предполагают в 2009 году. Премьера короткометражки состоялась в период V Всемирного конгресса финно-угорских народов. Кинематограф можно назвать не только искусством развлечений, если грамотный режиссёр, то видео может начать транслировать прошлое, что является передачу культуры и памяти о ней.

В памяти нет лиц из убивающей системы, есть только их тени, которые живы в воспоминаниях людей и их произведениях.

В романе Еремея Айпина через Казымское восстание переданы все трагические события, прокатившиеся по бывшей Российской империи. Это трагедия не только всего народа, но и каждого человека, жившего в тот исторический период. Это судьба Геннадия Райшева, Еремея Айпина и Матери Детей...

Литература:

1. Айпин Е.Д. Божья Матерь в кровавых снегах.– Екатеринбург, 2002.– 304 с.: ил.
2. Голынец Г.В. Геннадий Райшев. Графика. Альбом.– Екатеринбург, 2004.– С. 320.
3. Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. – Новосибирск: изд-во «Сибирский хронограф», 2003.– 160 с.: ил.
4. Запись расшифровала А.А. Кляпышева, искусствовед. Запись произведена 9 июня 2008 года.
5. Игумнов А. Истинная цена воли // Литературная Россия – доступ к электронному ресурсу: <http://www.litrossia.ru/> № 48. – 26.11.2004.
6. Симакова С. Со звёздной дыркой в башке... // Новости Югры.– 2007.– № 8 (17423), (20 янв.).– С. 8.
7. Шамбур, де Д.С.Н. Личные мемуары переводчика // Материалы VIII Международного конгресса финно-угорских писателей «Фольклор и эпос финно-угорских народов» / Сост.: Е.Д. Айпин, Г.И. Краснухина.– Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006.– С. 74.

Ольга Панкрушева

Панкрушева Ольга Кузьминична. Родилась в 1949 году в г. Петровске Саратовской области. С 1952 года живёт в Республике Коми. Окончила историко-филологический факультет Коми государственного педагогического института. С 1974 года работает в Национальной галерее РК в должности научного сотрудника, заведующей отделом просветительской работы, завсектором передвижных выставок. С 2002 года – старший научный сотрудник, хранитель фонда графики. Сфера профессиональной деятельности – комплектование, научная инвентаризация и исследование произведений коми и российских графиков. Заслуженный работник РК.

Война в творчестве Р.Н. Ермолина

Народный художник РСФСР (1984)

Народный художник Коми АССР (1980)

Лауреат Государственной премии Коми АССР (1972)

Действительный член Петровской академии наук и искусств (1999)

Воинские награды.

Медали:

«За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

«20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

«30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

«40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1945–1985 гг.»

«50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1945–1995 гг.»

Тема Великой Отечественной войны является одной из ведущих в искусстве живописца Рема Николаевича Ермолина. Он прожил яркую, наполненную творческими достижениями, жизнь. Родился 24 декабря 1926 года в Ленинграде.

«*Отец, Николай Иванович, был батальонным командиром бронетанковой школы НКВД, мать, Варвара Ивановна, работала писарем-машинисткой 3-го стрелкового полка. В 1941 году после начала Великой Отечественной войны я и брат Владимир эвакуировались с ленинградскими детьми в Некрасовский район Ярославской области. Через год к нам приехала мама и увезла нас на родину отца в село Визинга Коми АССР*»¹.

¹ НГРК. Ф. 2, оп. 1, ед. хр. 22, л. 212.

Восемнадцатилетним юношей Ермолин был мобилизован в армию. Военную присягу принял 12 февраля 1943 года в 33 запасном стрелковом полку, который базировался в Архангельске.

«В октябре 1943 мобилизован в РККА. С октября 1943 года по сентябрь 1944 – курсант пулемётного отделения 33 запасного стрелкового полка, с сентября 1944 по сентябрь 1945 г. – командир отделения пулемётчиков 33 запасного стрелкового полка.

С сентября 1945 по декабрь 1945 – командир отделения хозяйственного обслуживания 104 В.С.О. младший сержант»¹.

В архиве НГРК находится двадцать писем художника 1943–1945 гг. Они адресованы матери, отцу и «Вове» – младшему брату, проживающим тогда в селе Бизинга Сысольского района. Сложеные треугольником, написанные на бумаге плохого качества: обёрточной для посылок, листке из блокнота, обратной стороне обложки книги или бланка, – они описывают довольно рутинную солдатскую жизнь. Рем Николаевич рассказывает о том, что «сегодня стоял в карауле», «был дневальным», обучали вновь прибывшее пополнение солдат, занимался ремонтными работами.

«Сейчас во взводе проходит ремонт, белим, штукатурим, красим»².

И только один раз – «занимался «художеством», оформлял кое-чего»³.

Письма написаны карандашом или чернилами, окружным каллиграфическим почерком, с лёгким наклоном влево, некоторые проиллюстрированы. На одном – поясное изображение фигуры солдата и рядом – расстёгнутая гимнастёрка (16.03.1944), на другом – рассказ о том, чтоостоял на посту с одной лычкой «ефрейтором», здесь же изображение солдата с одним погоном и стволом пулемёта системы «Максим» (28.06.1944). В зрелом возрасте почерк живописца изменился, стал более «графичным», размашистым и уверененным, буквы плохо прочитывались. Интересно, что все военные письма написаны исключительно грамотно, практически без орфографических и пунктуационных ошибок, налицо также безусловный литературный слог.

Хотя с фронта всё больше приходило радостных вестей о продвижении войск Советской Армии на запад, об освобождённых территориях, о победах, молодой солдат постоянно находился в ожидании отправки на фронт.

«Сейчас находимся на сержантских сборах, подготавливаемся быть командирами отделений. Учимся по 10 ч. в сутки, да ещё самоподготовка. Весь состав уже отправили на фронт, остались одни сержанты и будущие сержанты. Звание ещё не присвоили, носим по одной лычке»⁴.

Р.Н. Ермолин. 1944 год.

¹ НГРК. Ф. 2, оп. 1, ед. хр. 22, л. 27.

² Архив НГРК. Из письма 12.12. 1944.

³ Там же. Из письма 4.10.1944.

⁴ Там же. Из письма 15.12.1944.

Каждое письмо солдата проникнуто любовью и заботой о близких, особенно о матери, тоской по родному дому.

«Как письмо получаю, так и на душе веселей становится...»¹

К матери: *«Тебе, наверное, много работать приходится»².*

«Очень беспокоюсь, как у вас с питанием?»³.

«А ты, мама, всё бегаешь, не сидится на месте... ты себя побереги, не очень-то много в тебе силы так работать...»⁴

В каждом – уважительное обращение к матери, отцу, брату Вове, в конце писем обязательное – *«обнимаю и крепко целую»*. Но и сам юноша без внимания не был оставлен: регулярно получал письма и переводы от родителей, реже от брата, от *«Насти и Груни»⁵*. Однажды к нему в часть приезжала мать.

«Жаль, что мама мало побывала тут. Побыла и, кажется, будто дома сам побывал. Целую неделю жил, что надо»⁶.

Судьба была благосклонна к будущему художнику, берегая его от участия в боевых действиях, как бы сохранив его для совершенно иной жизненной задачи, он так и не попал на фронт, хотя мысленно постоянно к этому был готов. После окончания Великой Отечественной войны полк был переброшен в посёлок Петсамо Мурманской области, где Р.Н. Ермолин нёс службу в 104 Военно-строительном полку, который восстанавливал разрушенный комбинат. В 1946 году он возвращается домой к родителям, к тому времени переехавшим в Сыктывкар.

Мирное время требовало определяться с профессией. Вспомнилось давнее увлечение рисованием, в 1946–1947 годах юноша посещает изостудию, в которой занятия тогда вёл Валентин Викторович Поляков. В результате, тяга к искусству привела Рема Николаевича в стены Ленинградского художественно-графического педагогического училища, которое он успешно кончает в 1954 году. Желание совершенствоваться на профессиональном поприще заставило его идти дальше: в 1960 году он заканчивает живописный факультет Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Распределение получает в Сыктывкар.

«В среде молодых живописцев Ермолин заметно выделяется напористостью характера, деловой энергией и работоспособностью»⁷.

Эти качества быстро сделали ему имя, а затем составили и славу одного из ведущих живописцев Коми республики, работающего в разных жанрах, осваивающего основную тему творчества – современный Север. Он сумел вложить в неё свою любовь, уважение к людям труда, сумел передать самобытность уклада и обрядов северного края. Несколько сотен полотен, составляющих творческое наследие художника, представляют многогранную сюиту, воспевающую край его предков.

Тема Великой Отечественной войны – ключевая в творчестве живописца. В его картинах – личностные переживания, отфильтрованные временем, несут отзвуки событий, которыми жила вся страна. Богатый жизненный опыт художни-

¹ Там же. Из письма 4.05.1944.

² Там же.

³ Там же. Из письма 10.05.1944.

⁴ Там же. Из письма 16.07.1944.

⁵ Тётки художника – Анастасия Ивановна и Аграфена Ивановна Куликовы.

⁶ Архив НГРК. Из письма 29.05.1944.

⁷ А.С. Агошкова. Р.Н. Ермолин. Л., 1985. С. 7.

ка, помноженный на огромную работоспособность и талант, позволили Ермолину создать ряд программных произведений, которые можно отнести к лучшим в коми изобразительном искусстве. Р.Н. Ермолин поднимает тему глубоко прочувствованную и пережитую. Созданные в разное время полотна имеют в своей основе разрешение проблемы «человек и война», и в этом их успех.

Жанровые произведения художника о войне не замыщались как цикл картин. Они рождались как самостоятельные произведения о событиях, участником которых был сам автор.

«Я видел, как уходили на фронт от неначатой ещё жизни, от только обретённой любви. Видел, как возвращаются солдаты с надеждой, что их ждут. Видел и смерть ветеранов...»¹

Тематически открывает эту серию полотен о войне «22 июня 1941» (1971). Драматизм в нём достигнут путём контрастного сопоставления северного сурового пейзажа, стоящего сруба недостроенного дома, – всех примет мирной оборванной жизни молодой семьи, изображённой на переднем плане, и уходящего на фронт строя односельчан.

Теме блокадного Ленинграда посвящены две работы: «Возвращение» (1966) и «Ленинградка. Возвращение» (1975). Эмоционально-образная выразительность произведения первого раскрывается через состояние девушки-фронтовички, вернувшейся домой, в пустую квартиру, стоящей в глубоком раздумье у окна с подоконником, занесённым снегом.

Созданная много позднее картина «Май 1945 года» (1982) логически продолжает начатый цикл сюжетных работ. Светлым весенним днём вернулся фронтовик домой. Вот он, статный, с боевыми наградами, опустив вещмешок, стоит, отворив калитку родного дома, не решаясь войти. Что ждёт его? Художник намеренно создаёт в полотне некую недосказанность, заставляя зрителя додумать это самим. И в окружающем пейзаже, таком тёплом и солнечном, в набухших почках нераспустившихся деревьев, также ощутимо состояние ожидания. Человек на пороге нового жизненного этапа... Каким он будет?

К 40-летию Великой Победы Р.Н. Ермолиным было создано произведение. «Никто не забыт» (1984), впервые показанное на юбилейной выставке в Москве, в Манеже. Это полотно свидетельствует о стремлении живописца создать глубоко продуманное, композиционно выстроенное и завершённое по мысли и форме произведение. В нём нет места случайному, мимолётному. Всё строится на акцентировании важного и существенного. Сюжет представляет современную сцену у могилы умершего от ран ветерана войны. В скорбном молчании застыла группа людей, в которой представлены разные поколения: это и соратник ветерана, которому удалось уцелеть в военной бойне и даже встретить день Победы, и вдовы-солдатки, одинокие и состарившиеся, и молодые люди: мальчик, матрос и женщина, ожидающая ребёнка. Идея картины заключена в её названии. Это живописный реквием всем солдатам, отдавшим свою жизнь во имя Родины.

В 1975 году к 30-летию Великой Победы коми художникам был дан большой государственный заказ на создание портретной галереи ветеранов войны. Живописцы, скульпторы, графики побывали в творческих командировках во всех уголках республики. Разумеется, у каждого из них был свой круг тем, своя мане-

¹ Из интервью с Р.Н. Ермолиным. «Вдохновляет земля Коми». Г-та «Красное знамя». 31.12.1986.

ра, но единая художественная задача, соединённая с личным опытом, сопереживанием, позволила создать выразительную серию реалистических портретов фронтовиков, большая часть которых находится сейчас в фондах НГРК.

Единственный женский образ в портретной галерее ветеранов войны – Мария Петровна Безносикова – участница 28 Невельской стрелковой дивизии, медсестра, жительница села Объячево.

«...1921 г.р. Уроженка с. Лойма Прилужского района. Призвана Сыктывкарским ГВК в дек. 1941, младший лейтенант. Демобилизована в дек. 1944, умерла в с. Объячево Прилужского района»¹.

«В портрете художник постиг силу и человеческую мягкость, строгость и простоту характера. Вместе с тем, образ не лишён чисто женской привлекательности. Ощущаешь, что эти лучшие и определяющие человека черты обретены в результате глубокого понимания жизни, в которой Безносиковой выпало пройти трудный путь военных дорог»².

Портрет Чупрова К.М. (1975) оказался особенно близок его создателю. Впервые художник и его модель встретились на Усть-цилемской горке. «...скажу о портрете Кавалера трёх орденов Славы Кирилла Матвеевича Чупрова. При внешней флегматичности он оказался удивительно жизнерадостным человеком, сполнен наделённым чувством юмора, очень работящий, немногословный, особенно, когда речь заходит о его солдатских подвигах. Мне кажется, что эти черты характера удалось передать»³.

«Чупров К.М. родился в 1913 году в с. Усть-Цильма... В боях Великой Отечественной войны с октября 1941г. Стрелок 239 стр. полка (27 стр. дивизия, 26 Армия, Карельский фронт) рядовой Чупров 20–21.11.1943 г., оказавшись в окружении близ Большое Пукозеро, участвовал в отражении многочисленных вражеских атак, в ходе которых истребил свыше 10 пехотинцев противника, за что награждён орденом Славы III ст. 13.03.1945 г. в том же боевом составе (19 Армия, 2 Белорусский фронт) ефрейтор Чупров в бою за Гнездау (Германия, ныне Польша) сразил 5 и взял в плен 2 вражеских солдат, за что был награждён орденом Славы II ст. 4.04.1945 г. при завершении ликвидации вражеской группировки, окружённой в районе Гдыня, вышел из строя расчёт противотанковой пушки. В ходе наступления, ворвавшись в расположение противника, поразил 3 гитлеровцев, за что награждён орденом Славы I ст. В 1945 г. демобилизован. Вернулся на родину... После выхода на пенсию постоянно проживал в г. Сыктывкаре. Умер 29.08.2002 г. Награждён орденом Отечественной войны I ст. и медалями»⁴. Профессия К.М. Чупрова – самая мирная, он – пекарь. После войны, когда в Усть-Цильме образовался народный ансамбль, стал его запевалой. Называли его «великим печорским певцом».

Работа «Воспоминания. М.А. Бабиков в с. Усть-Цильма» (1975) создана на конкретном историческом материале. В основе её реальные жители села. Мы становимся свидетелями торжественной минуты – встречи односельчан с ветераном войны Макаром Андреевичем Бабиковым.

¹ Книга Памяти РК. Сыктывкар, 1997. Т. 5. С. 526.

² Агошкова Л.С. 30 лет Великой Победе. Каталог. Сыктывкар, 1975. С. 4.

³ Интервью с Ермолиным Р.Н. «О подвигах, о доблести, о славе». Г-та «Красное знамя». 31.05.1985.

⁴ Книга памяти РК. Честь и слава героям 1941–1945. Сборник статей и очерков. Сыктывкар, 2007. С. 373.

«Он родился в 1921 г. в с. Усть-Цильма, окончил среднюю школу, работал учителем начальных классов, а затем в райкоме комсомола. С 1939 года служил в Северном Военно-Морском Флоте. Участвовал в Великой Отечественной войне с начала и до окончания военных действий. ...в 1943 г., командуя взводом в разведке, уничтожил автоколонну вражеского зенитного полка, захватил пленных и обеспечил командование важными сведениями. ...на мысе Крестовый захватил артиллерийскую батарею и нанёс большой урон противнику в живой силе. Активно участвовал в августе 1945 г. в войне с империалистической Японией в составе отдельного разведывательного отряда Тихоокеанского флота, командовал взводом десантников в операциях по захвату южнокорейских портов Юки, Расин и др. Отличился геройством при операции по овладению г. Сеусин... Взвод Бабикова с боем захватил железнодорожный и шоссейный мост через реку, уничтожил более 50 солдат, 6 автомашин. Более 18 часов держались десантники, отбивая непрерывные атаки противника. 14 сентября 1945 г. Бабикову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Награждён двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I ст., Красной Звезды, «Знак Почёта» и медалями. В 1946 году главстаршина Бабиков М.А. уволен в запас. Окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС, работал на комсомольской, партийной, советской работе. Полковник в отставке, живёт в Москве»¹. Художник писал своего героя в один из приездов на родину. Трактовка образа здесь даётся на сюжетно-бытовом фоне. В персонажах, присутствующих на полотне: в молодой девушке, в участнике войны, в женщине в народном костюме – художник передал самобытность вольнолюбивых характеров усть-цилемов, в то же время, индивидуальность эмоционального переживания каждого.

В портретной галерее фронтовиков образ Северьяна Фёдоровича Панева (1975) один из самых трагичных. Он взвывает к памяти сурового и героического военного времени. «В комнате, у стоящего подле окна стола, сидит хрупкий пожилой человек. Опершись обеими руками о палку, он смотрит невидящими глазами в окно»². До сих пор бередят душу страшные воспоминания, болят раны старых солдат. Выразительный строй этого психологического образа лаконичен, чётко обозначена творческая задача автора, что делает портрет запоминающимся надолго.

«Панев Северьян Фёдорович. Родился 31.05.07. в д. Керос Прилужского р-на. Передвойной закончил Высшую партийную школу в Ленинграде. На фронт ушёл в начале войны добровольцем. Воевал в сост. 42-й гвардейской дивизии под Москвой, в Орловской обл., на реке Десне, где попали в окружение и выходили с боями. Комиссар батальона. Участник Сталинградской битвы, освобождал Прагу, Будапешт, Вену. Четырежды ранен. Майор, инвалид войны 1 гр., слепой. Демобилизован в 1946 г. Награждён орденами Отеч.войны I ст., Красного Знамени, Красной Звезды, медалями «За освобождение Праги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией»³. В НМРК хранится его записная книжка военных лет (кп-5888/1), фото и негатив военных лет (кп-6397.948, нв 3925/98).

¹ Книга памяти РК. Честь и слава героям 1941–1945. Сб. статей и очерков. Сыктывкар, 2007. С. 15.

² Агошкова Л.С. 30 лет Великой Победе. Каталог. Сыктывкар, 1975. С. 5.

³ Коллекция документов участников ВОВ 1941–1945гг. из собрания НМРК. Каталог. Сыктывкар, 2004. С. 194.

Северян Панев – участник Великой Отечественной войны. 1975. Х., м.

Замысел «Ветерана с Печоры. Портрет Д.И. Тенькова» (1968), одного из самых ярких портретов, Р.Н. Ермолин раскрывает в одном из интервью. «Меня поразило и привлекло, что этот вот участник трёх войн, в общем-то уже пожилой человек (ему в то время было уже более семидесяти лет), обладает таким богатырским здоровьем. Данил Иванович в сорокаградусный мороз бегал по снегу, ездил на мотоцикле. Привлекала какая-то сила. От него веяло уверенностью. Я познакомился с ним, долго пытался понять, приходил в гости, искал место, где писать, в каком характере, образе...»¹

«Теньков Данил Тимофеевич 1892 г. р. Призван Усть-Цилемским РВК в авг. 1941. Рядовой. Демобилизован в мае 1945 г. Умер в с. Усть-Цильма»². Работа входит в печенский цикл произведений живописца. Автор создаёт тип композиционного портрета, в котором большую роль играет сюжетно-повествовательное начало: интерьер крестьянской избы, крепко сколоченный стол, парадный угол избы с фотографиями близких, обрамлённый вышитым полотенцем. Сам герой – могучий старик, в расстёгнутом овчинном тулупе и ушанке на голове, окладистой бородой и мудрым, немного усталым взглядом, является хранителем патриархальных устоев и обычаев печенского края. Колорит построен на сочетании тёплого коричневого цвета и его градаций. Такое монохромное, в то же время, богатое по тональной разработке колористическое решение позволяет ярче раскрыть суть характера образа ветерана.

Тема войны – высокая тема. Она требует от художника обострённой гражданской позиции. Таково кредо живописца Рема Николаевича Ермолина, обозначенное им в одном из интервью: «...художник должен писать правду. Только, правда должна быть простой и глубокой»³.

¹ Интервью с Ермолиным Р.Н. «О подвигах, о доблести, о славе». Г-та «Красное знамя». 31.05.1985.

² Книга Памяти РК. Сыктывкар, 1997. Т. 6. С. 878.

³ Интервью с Ермолиным Р.Н. Г-та «Красное знамя» 24.11.1986.

Вера Морозова

Вера Семёновна Морозова родилась в 1951 году. Закончила Ленинградский институт культуры. Театральный критик. Член Союза театральных деятелей России.

Живёт в г. Сыктывкаре. Преподаёт в Колледже культуры.

Здравствуй и прощай, чеховский фестиваль!..

Снегу в Сыктывкаре в период с 23 по 29 ноября 2009 выпало много – выглядел наш город празднично, и приезжающие на театральный фестиваль, посвящённый 150-летию А.П.Чехова, все как один заворожённо рассматривали убелённые деревья, дома и улицы, а по окончанию своей работы – сыгранных спектаклей – благодарили устроителей фестиваля за то, что получили возможность наблюдать потрясающий снегопад осенью. Не удивительно: гости прибывали, в основном, из средней полосы – Тулы, Брянска, Казани, Твери, Москвы, Йошкар-Олы, Н.Новгорода, Пензенской области. Только один театр мог считаться северным – из Кирова, но зато ещё один прибыл прямо из солнечной французской Ниццы.

Прямо скажем: Сыктывкар не был избалован спектаклями по пьесам Чехова. Но ещё до создания профессионального театра сыктывкарскими любителями был поставлен водевиль «Предложение» на коми языке. Затем В.Савин со своими самодеятельными артистами поставил инсценировку по рассказу классика «Злоумышленник». Кроме того, в годы войны в репертуаре театра был «Вишнёвый сад». И много позже, – только в 1990 году – осмелилась ввести в репертуар коми театра «Чайку» тогдашний главреж Светлана Горчакова. Этот спектакль ещё сохранился в памяти театралов – игрой любимых актёров, великолепными декорациями И.Баженова, пленительным музыкальным сопровождением. Сыктывкарский зритель отлично помнит и постановку Виктора Свиридкина «Дядя Ваня» – с прекрасным актёрским ансамблем и цельностью режиссёрского замысла. К сожалению, ни одного спектакля по Чехову наш театр на фестиваль не предложил, хотя по художественному уровню мог бы стать достойным соперником иным постановкам.

На церемонии открытия фестиваля: министр культуры В.И.Юрковский, директор Брянского театра драмы им. А.К.Толстого – В.А.Макаров, режиссёр Кировского драматического театра И.Житинев.

Тем не менее, устроители составили любопытную программу для зрителей: программа фестиваля начиналась и заканчивалась не произведениями самого классика, а спектаклями по пьесам других авторов, по-своему ассоциирующихся с именем великого драматурга.

Театр из Брянска, получивший «благословение» от самой Л.Улицкой, показал её пьесу **«Русское варенье»** – о современной России, в которой проживают

потомки героев **«Вишнёвого сада»** и **«Трёх сестёр»**. Проживают в старом, бестолково обставленном доме с прогнившим полом, то и дело засоряющимся туалетом. Живут кучно, без ссор, понимая и прощая друг друга, мечтая о прекрасном будущем, но ничего не предпринимая ради него. В конце концов один из родственников, воспринимающийся современным Лопахиным, выманивает их из дома, и само здание в один миг рушится: то ли из-за подземных работ по проведению линии метро, то ли из-за того, что из дома была изгнана оберегавшая его душа. Интересно было следить за игрой старшего поколения артистов: им удалось сообщить роли тот объём, который возникает не только из текста. Удалось проявить богатство и многосложность характеров, живой интерес героев к людям, мягкость и интеллигентность – в прообразах Гаева (И.Камышев) и Раневской (С.Сырянная), советское правдолюбие при природной доброте – в приживалке Марии Яковлевне (М.Гаврилова). Все представители следующих поколений и драматургом, и актёрами переданы как более прямолинейные, однозначные натуры. Россию современную населяют именно они. То есть, мы...

Кукольный театр из Йошкар-Олы в последний день фестиваля показал спектакль по малоизвестной одноактной пьесе Т.Уильямса **«Тараканья леди»** (**«Тень Чехова»**). Она о том, как боятся за место под солнцем, как сражаются с мерзостью быта люди творческих профессий, эмигранты, приехавшие в Америку «покорять мир».

Сцена являет зрителям сложное сооружение, представляющее коробки квартир многоэтажного дома, в котором проживают самые разные жильцы, видимо, едва-едва сводящие концы с концами, не брезгующие никакими средствами ради своего существования. В коробках – окна, в каждом окне – своя жизнь: слышны обрывки разговоров, видны действия людей, но индивидуальностей нет. Дом-город будто кишит людьми, в котором не разобрать лиц – так их много. Театр ради этого впечатления использует только силуэтные изображения.

* Фотографии Дмитрия Напалкова.

В следующей части спектакля выделяется одна комната, она выдвигается из общего плана дома на первый план сцены. В комнате – кровать со спящей на ней актрисой. Ей снятся сны, и сны эти зритель видит так же ясно, как и героиня: то на одной, то на другой площадке разновысотной сцены время от времени проявляются из темноты картины былого сценического успеха мисс Хардвик-Мур в известных мюзиклах («Нью-Йорк, Нью-Йорк» или «Кабаре»). Там, во сне – на актрисе великолепные туалеты, рядом с ней толпы поклонников, её сопровождает гром аплодисментов... А в реальности вокруг неё царят уныние, запустение, тоска. Скрасить одиночество героини приходит сосед – Писатель, с которым они, коротая время, читают, а потом и разыгрывают «в лицах» произведения Чехова. Здесь исполнителями мастерски используются тростевые куклы, выполненные очень подробно: руки кукол членятся в плечах, локтях и кистях. Их лики отмечены резкой выразительностью и дают ясное представление о характерах героев, несмотря на то, что в гастрольном варианте постановщикам не удалось найти удачного освещения.

В центре спектакля – «живой план», когда на авансцену выходят актёры, разыгрывающие отрывки из читаемой героями пьесы А.П.Чехова «Чайка». По задумке режиссёра, это те же Писатель и мисс Хардвик-Мур. Каждый из них в течение спектакля пребудет в нескольких ролях. Писатель – он же Сорин, он же Тригорин, и он же – Треплев. Актриса – в роли Аркадиной сначала в дуэте с братом, потом – в сцене с любовником, и она же – в роли Нины Заречной. С сожалением приходится признать, что эти отрывки – самые неудачные сцены спектакля. Дело, видимо, в том, что законы исполнения, применимые к кукольным спектаклям, когда один актёр без потерь в художественном уровне играет сразу несколько ролей, – не всегда приемлем при работе в спектакле драматическом. Зритель, который видит возрастного актёра с седыми волосами, – воспринимает его только в одной этой ипостаси, если режиссёром не найден какой-либо особый постановочный приём (допустим, использование маски или плотного грима, напоминающего маску). Здесь же публика наблюдает артиста в возрасте старика Сорина, который тщится представить сначала мужчину в цвете лет, а потом – очень молодого человека. Так же воспринимается актриса, исполняющая за кукольную мисс Хардвик-Мур сначала женщину зрелого возраста, а потом – юную девушки. Весь «живой план» неубедителен, вызывает зрительское отторжение, отталкивает героев-кукол от своих оживших двойников. Если зритель уже начал было сочувствовать героям-куклам, то после «живых» сцен он пребывает долгое время в недоумении, пока заново не восстанавливает прежнее – трогательное – отношение к персонажам.

«Тараканья леди» (Йошкар-Ола); мисс Хардвик-Мур (кукольное воплощение – Г.Ковалева, С.Есменеева, Л.Степанова) и Писатель (В.Никитин).

Постепенно в кукольное действие вмешивается ещё один персонаж – владелец квартиры, с целью взять со своей жилицы деньги за проживание. Актриса просит отсрочки, мотивируя её необходимостью истребления заполонивших дом тараканов. Возмущённая, по её мнению, необоснованным требованием, хозяйка «идёт в наступление», и называет актрису «леди среди тараканов». Когда Писатель вступается за свою подругу, то и он, неудавшийся литературный гений, удостаивается своей порции издевательств. А далее – хозяйка, которая играет то в живом плане, то в кукольном (в данном случае обе ипостаси исполнения исключительно органичны) – вместе с другими жильцами, своими добровольными помощниками, скandalно выселяет, попросту вытряхивает их из дома. В финале, оставшись на улице, два товарища по несчастью будто заново знакомятся. «Ты кто?» – спрашивает актриса. Писатель отвечает очень просто, но и очень весомо: « Я – Чехов». И в этой фразе герой выражает и тоску по идеалу, и своё право прошедшего сквозь страдание приблизиться к тени великого писателя.

Спектакль «Тень Чехова» безусловно имеет фестивальный формат, поскольку сложен по исполнению, носит явно экспериментальный характер. Другое дело, что опыт с «живым планом» сразу в нескольких ролях не вписался в лирическую ткань постановки, оказался чужеродной заплатой на живой плоти кукольного спектакля. Как ни странно, несколько грубоватыми оказались великолепно исполненные самими артистами вокальные шлягеры из американских мюзиклов. Эти сцены смотрелись вставными номерами, вырванными из чужого контекста, похожего на «Необыкновенный концерт» Театра Образцова.

Вместе с тем, спектакль производит впечатление – и бесстрашием экспериментаторов, и умением исполнителей создавать необходимую атмосферу – в данном случае, атмосферу трепетного отношения к искусству и людям искусства.

Драматический театр имени Франсиса Гага привёз из Франции «Предложение» А.П.Чехова. Наталья Петровна названа в нём Маргаритой, Ломов – Батистином, Чубуков – Сессау. Воловьи Лужки стали Цветочным лугом, спорные собаки также переименованы на французский лад. Тем не менее, водевильная ситуация разыгрывается без потерь, очень искренно, пусть и без особого разнообразия в приёмах. Интересен исполнитель роли Чубукова – Жан Демикелис: он убедителен в роли хозяина поместья, который с наслаждением посиживает в ухоженном дворике у дома со стенами, увитыми плющом, и философствует в одиночестве с кувшинчиком молодого вина за столом. С приходом Батистина (Фредерик Жолибуа) он даже не сразу вспоминает о своей роли отца дочери на выданье. Но предложение соседа тут же меняет его поведение: мы увидим, что на самом деле он человек очень предпримчивый и энергичный. Его Маргарита – миниатюрная, хорошенькая Анжелик Марсе – играет озабоченным хозяйством девушку, которой и в голову не приходит пококетничать с соседом. Она пунктуальна и обстоятельна – было бы иначе – поместье пришло бы в упадок. А Батистин-Ломов другой: со своими бровками-дужками над испуганными глазками-маслинами он кажется болезненно робким из-за того, что в нём борются два взгляда на женитьбу – «надо» и «не хочу». Сексапильности соседки он просто не замечает. Но в финале всё-таки восторжествует коллективный разум: семьям и хозяйствам – объединяться!

Труппа из Ниццы любопытна ещё и тем, что играет не на современном литературном французском языке, а на одном из его провинциальных диалектов, которым пользуются около двух миллионов населения на юге Франции. Все актёры и другие участники постановки – большие энтузиасты в деле возрождения и сохранения языка своих предков. Этот аспект стал одним из мотивов приглашения театра к участию в фестивале, проводящемся в Сыктывкаре.

«Предложение» (г.Ницца); в ролях: Жан Демикелис, Фредерик Жолибуй, Анжелик Марсе.

В один вечер с французами показали свою версию «Медведя» в режиссуре Игоря Житинева артисты Кировского драматического театра.

Стильная декорация: несколько белых оконных рам без стёкол и голые забелённые кусты, заглядывающие в окна и даже в сам дом – он без стен, внутри «чёрного кабинета». В центре комнаты – стол и пара зачехлённых стульев, ещё небольшой диванчик слева. Всё это – абсолютно белого цвета. То сидит за столом, то потерянно бродит по комнате с портретом мужа немолоденькая дама в тёмном закрытом платье (С.Золотарева) – под аккомпанемент надрывного романса о страстной неугасающей любви – чем сразу же задаётся жанр. Её слуга Лука с уморительными пучками бровей, одетый как нищий живописец, в богемно накинутой рваной шали вместо шарфа («Ливрею мыши съели») уговаривает хозяйку не хоронить себя (и его тоже) в четырёх стенах поместья. Свой монолог Д.Боков произносит так артистично и пылко, будто играет роль запертого, взыскивущего воли арестанта. Вдова с гневом и горячностью отвергает его предложение и продолжает скорбеть: домашний театр, да и только – за неимением другого.

Появляется Смирнов (В.Лысенков) – усталый, в белом тулупчике, сапогах, картузе. И начнётся увлекательнейшее действие по взаимному укрощению строптивости, которое очень изобретательно, с остроумными приспособлениями поведут два опытных мастера сцены. Исполнители не загrimированы красавцами, в них не наблюдается кокетства. Героиня, как только речь заходит о деньгах, из роли выразительно тоскующей вдовы очень скоро выбирается и предстаёт хваткой, прижимистой хозяйствкой, а озабоченный взысканием долгов помещик именно этому обстоятельству и обрадуется: найдёт «свою, в доску», – родственную, значит, душу.

Очень сердечный, истинно чеховский – по тонкости решения темы – спектакль «Дама из города С.» привёз театр из Пензенской области (г. Заречный). Хотя приём не нов: артисты репетируют – «Даму с собачкой» (режиссёр М.Гаврилов). Постановщики явно знакомы с понятием «постмодернизм», – но зрителям с традиционными вкусами это нисколько не помешало. Гармония всех со-

ставляющих спектакля была несомненно явлена. Даже известная разорванность текста на куски, что ещё и акцентируется – повторами (будто режиссёр подсказывает, а актёр за ним повторяет реплики) – не надоедает, а наоборот, заставляет вслушиваться в чеховское произведение. Контрапункт повторов поддерживает эмоциональное напряжение, помогает созданию особой лирической атмосферы.

Свежо, современно решена сценография (В.Нуйкин): с левой стороны выше голов артистов подвешены две больших плоских рамы, внутри которых закреплены объёмные шары – красный и синий. Справа – два полотнища одно за другим: всё-таки действие происходит в театре. Такая – парящая в пространстве сцены – инсталляция интересна сама по себе, но в театре её всем хочется разгадывать в связи с происходящим: возможно, шары – это планеты, движущиеся каждая своей орбитой и нечаянно столкнувшиеся в бесконечности...

На площадке с белой узорной мебелью играют трое. Одна – исполнительница роли Анны Сергеевны (Елена Бычкова), двое других – первый и второй актёры. Первый играет Гурова (Владимир Кшуманев), второй (Олег Кшуманев) – то татарина-дворника, то посыльного, то мужа Анны Сергеевны, а в основном – репетирующего режиссёра. Остроумно решён чеховский забор (страшная преграда) – его собрали из подготовленных досок: чтобы увидеть Анну Сергеевну, Гуров даже встаёт на скамейку, чтобы стать повыше. Потом из-за забора с другой стороны он – чуть с возвышения (как будто с балкона) рассматривает в театре её, сидящую в партере. Лаконично и функционально решены костюмы, детали которых снимаются со стоек по краям сцены. К примеру, актриса не раздевается, а необходимое впечатление создаётся через пристёгивающийся и отстёгивающийся турнюр к платью. Сцена близости решена как простой, красивый, пластически ясный танец с объятиями. Ритм спектакля великолепно выдерживается, имеет ощутимое нарастание, эмоциональную кульминацию, финал сюжета и финал самого спектакля.

Постановщикам удалось через форму репетиции не только передать смысл рассказа А.Чехова, но ещё и несколько приподнять занавесу над самим процессом творчества, над процессом вживания актёра в образ и «выхода» из образа. Эта своеобразная интрига, возникающая из разницы в отношениях партнёров по сцене и в отношениях героев сюжета, тоже повышает зрительский интерес.

Очень живой, многоголосый, щедрый на гротесковые решения спектакль «Свадьба с генералом» привёз из Казани режиссёр ТЮЗа В.Чигишев. Слаженностью и живописностью были отмечены массовые сцены, задуманные как ожившие кадры старого кино. Этот приём использовался в специально сочинённых постановщиком интермедиах, когда необходимо было зафиксировать внимание на том, что требует не текста, но движения группы персонажей. В особом, выбириющем свете и при звуках якобы работающего допотопного «движка», толпа ритмично волновалась, что создавало полное ощущение объёмного кинокадра. Особо запомнилась сцена, когда Апломбов пробовал прогнать Яти: жених вставал в позу – «Вон!», – а соперник язвительно его жест передразнивал (в этот миг они соприкасались указующими перстами). И тут же окружавшее их плотное многоголовое желе толпы передёргивалось как от прошедшего по её субстанции разряда тока: настолько электризованной оказалась ситуация.

Естественностью и заразительностью образов отличалось исполнение Алексея Зильбера и Алсу Густовой (Ять и Змеюкина). Интересен был Александр Кокурин (Дымба): очень актуально звучали его реплики о любимой Греции. Свообразно решённый образ Ревунова-Караулова (Вячеслав Казанцев) позволил заметить в водевиле драму маленького человека.

Сомнительной идеей представляется ввод в классический текст чеховского водевиля инсценированных рассказов А.Чехова – в частности, «Размазни» и «Ушла». Герои прозы А.Чехова явно «выламываются» из той социальной среды, что наблюдаеться в «Свадьбе». К примеру, в сцене из «Размазни» хозяин ведёт расчёт жалованья гувернантке и пытается одновременно воспитать в милой, но слишком робкой девушке способность постоять за себя. Но эта же робкая девушка в данном спектакле через несколько минут предстаёт в совершенно противоположном образе: она откровенно кокетничает, прилюдно целуется и пр. Её хозяин – поначалу будто чуткий и тонкий человек – про эти свои качества очень скоро «забывает», поскольку на самом деле образ отца из «Свадьбы» напрочь лишен интеллигентности. То же самое можно сказать и о героях рассказа «Ушла». Особенно показателен «слом» женского образа. В «Ушла» – это капризная, томная молодая женщина, знающая себе цену, а в «свадебном» куске – сварливая, торгающаяся из-за каждого салопа пожилая будущая тёща, имеющая двух замужних дочерей. Логика спектакля из-за отсутствия логики развития характеров «буксует», распадается на куски.

Серьёзнейшую работу – чеховского «Иванова», – пусть и несколько утяжелённую идеино-установочными моментами, представил кукольный (!) театр из Тулы (режиссёр О.Трусов). Выразительнейшие, выполненные в гротесковом ключе ростовые куклы управлялись актёрами с помощью специальных приспособлений: их герои передвигались то на стариинном велосипеде (Боркин), то в инвалидной коляске (Шабельский), то на маленьком паровозике (Львов), то на игрушечных лошадках, то в креслах. Не имели своих двойников-кукол только три персонажа – сам Иванов, Сара и Саша. Действительно, их переживания – в отличие от переживаний всех остальных – не игрушечные, не придуманные, а от боли настоящей, происходящей от нравственной чуткости. Интересно задуман приём, который отделял в человеке настоящее и живое от суетного и мелкого: к примеру, исполнители ролей Лебедева или Шабельского иногда отделялись от своих двойников-кукол и напрямую общались с Ивановым. Постановщики как бы давали им шанс стать бровень с ним, но, увы, этим героям всё же не суждено понять: отчего Иванов так мается, чего взыскивает? В

«Свадьба» (Казань). Змеюкина – А.Густова, Ять – А. Зильбер.

«Иванов» (Тула); Гости в доме Лебедевых – Д.Рожков, Е.Романов, И.Паюсов.

рой в спектакле нарушалась жизненная логика, терялась убедительность исполнения, хотя отдельные сцены звучали по-своему любопытно. Больше всего подходит к спектаклю определение «архаичный», то есть, основывающийся на старых добрых штампах, но при этом ещё и на желании представить непременно новую трактовку образов или отдельных ситуаций. Надрывная Елена, мечущаяся от неудовлетворённых желаний, избыточно лиричный Астров, являющийся в дом с букетом, слишком обыгрованная гитара, на которой играют все. В том числе и Елена, закончившая консерваторию. Из спектакля купированы важнейшие куски – к примеру, знаменитый отрывок с фразой Серебрякова – «Нельзя!» – на робкое желание Елены помузенировать ночью. Тем не менее, оказалось интересным первое появление Серебрякова – капризного, нервного, пьющего из близких «кровь»... Театр представил красивые декорации, но слишком мрачные для усадьбы чеховского времени – скорее, для «Леса» Островского... Представил красивое музыкальное оформление, но звучащее словно бы само по себе – отдельно от сути спектакля.

Неискущённым сыктывкарским зрителем с некоторым недоумением была воспринята постановка московского духовного театра «Глас» – «Репетируем «Чайку». Режиссёр спектакля Н.Астахов объяснил форму репетиции желанием найти и выявить в пьесе Чехова указанный автором жанр – комедию. Возможно, поэтому в постановке фигурировали две исполнительницы роли Аркадиной, четыре ипостаси Нины Заречной, один Тригорин, но... после пережитого инсульта, а также – материализовавшиеся в быстроногих дев «боготные огни» (из пьесы Треплева) и воплощённая в девушку в белом реплика «Тихий ангел пролетел...». Тем не менее, многие режиссёрские «вольности» были оправданы возникшими в finale спектакля легчайшими, почти призрачными, будто искусно вырезанными из тонкой бумаги величественными вратами и кущами райского сада (сценография О.Головачевой и И.Красникова), – того духовного идеала, к которому стремились герои спектакля, но так его и не достигли...

финале, когда сатирический паноптикум окружения Иванова отходил на задний план, – драма жизни героя воспринималась с настоящим волнением.

Тверской академический театр драмы привёз в Сыктывкар своего «Дядю Ваню» – с молодыми исполнителями возрастных ролей, с гитарой, но без фортепиано для Елены, с декорацией усадьбы, находящейся в глухом лесу. Из-за этих «нововведений» по-

Сказать, что на всех спектаклях был аншлаг – значит, ничего не сказать. На подходах к каждому театральному зданию (всего их три в столице Коми) в урочный час стояли страждущие «лишних билетиков». На все спектакли гораздо ранее намеченного срока билеты были раскуплены: зритель заранее предположил, что классика, тем более классика А.Чехова – это гарантия художественного уровня. Поэтому на единственном фестивальном детском спектакле театра «Вера» из Нижнего Новгорода, что называется, яблоку было негде упасть. Театр показал «Каштанку»: с движущимися городскими фонарями вокруг потерявшейся заглавной героини, с эффектно светящимися в темноте цирка костюмами и шарами, с выдумщиком-клоуном и его весёлыми дрессированными зверями. Один из юных зрителей, сочувствуя замерзающей в снегу собачке, сказал своему другу очень уважительно: «Почти как настоящая!..»

«Каштанка» (В.Новгород); в заглавной роли – О.Куллина.

Привлечение зрительского внимания к творчеству А.П.Чехова (на спектаклях побывало около 3500 человек) происходило не только посредством демонстрации спектаклей, но и благодаря научно-практической конференции «Личность А.П. Чехова в культурном пространстве XXI века», проведённой совместно министерствами культуры и образования Республики Коми на базе Коми государственного педагогического института, а также – проведению литературной викторины по творчеству классика при поддержке Национальной библиотеки РК. Кроме того, были проведены два мастер-класса: члены жюри О.И. Пивоваров (главный редактор журнала «Театральная жизнь») и С.И. Яшин (художественный руководитель театра им. Н.В. Гоголя) дали их для журналистов и студентов, для актёров и режиссёров, а также для широкой общественности.

Фестиваль содействовал укреплению творческих контактов с режиссёрами и артистами театральных коллективов России и через вечера встреч в специально организованном театральном клубе для создания среды неформального общения, для обмена опытом, с целью развития художественного потенциала мастеров сцены и руководителей любительских театральных коллективов, которые работали в рамках своего творческого семинара.

Неудивительно, что фестиваль вызвал большой резонанс среди общественности Республики Коми, множество благодарных зрительских отзывов: в общей сложности в программе мероприятия приняло участие 234 человека из 10 регионов России и одного коллектива из Франции. Фестиваль содействовал выдвижению г.Сыктывкара в число театральных центров Северо-Западного региона России, налаживанию контактов для проведения следующих театральных форумов.

Директор фестиваля С.Г. Горчакова передала виртуальную эстафетную палочку организаторам из Великого Новгорода: новый чеховский фестиваль состоится именно там.

Новости. Юбилеи. Памятные даты

Писательский форум

10 декабря 2009 года в Сыктывкаре прошёл XII Съезд писателей РК. Подобные съезды проходят раз в 5 лет. В числе приглашённых на мероприятие были тогда ещё Глава Коми Владимир Торлопов, заместитель Председателя Госсовета Валерий Марков, а также представители ряда республиканских министерств.

Съезд начал свою работу с печальной констатации, что за пять прошедших лет из жизни ушли такие яркие представители литературы, как Геннадий Юшков, Пётр Шахов, Лев Смоленцев, Александр Клейн, Владимир Безносиков и Юрий Васютов.

В отчётом докладе председателя правления Союза писателей РК Елены Козловой были отмечены высокие достижения региональной организации, которая по праву считается одной из сильнейших в России.

За пять последних лет 10 писателей республики стали лауреатами премий Правительства РК. Нынешний год даже стал своего рода рекордным, премия Правительства РК присуждена четырём литераторам: Виктору Напалкову – в области литературы Государственная премия имени И.А. Курагова за книгу «Утка туй» («Млечный путь»), Владимиру Тимину – в области драматургии Государственная премия имени В.А. Савина за спектакль «Пармын вошом БТР» (Затеявшийся в парме БТР), Тамаре Ломбиной – в области образования за художественно-педагогическое произведение «Грамотейка», Нине Обрезковой – в области культуры за создание диска «В.А. Савин. Наследие».

За период между съездами Владимиру Тимину и Надежде Мирошниченко присвоено звание – народный поэт Республики Коми. Поэт Надежда Мирошниченко стала лауреатом Большой литературной премии России в номинации «За лучшее литературное произведение 2006 года» за книгу стихов «Белая сотня». Прозаик Елена Габова стала в 2006 году лауреатом Международной литературной премии имени В. Крапивина за книги «Никто не видел Рыжего», «Не вставайте с левой ноги», а в 2009 – лауреатом Международной литературной премии им. А.Толстого за повести для подростков. Молодой писатель Эдуард Веркин трижды признавался лауреатом Национальной премии «Заветная Мечта» в 2007 – за лучшее произведение в жанре фантастики и фэнтези (повесть «Место Снов»), а два последних года «Заветная мечта» присуждала ему Большую премию – отмечены книги «Кошки Ходят Поперёк» и «Мертвец».

В ходе съезда были обсуждены самые различные вопросы: например, почему на политическое строительство, на финансирование партий у государства находятся немалые денежные средства, а на культурное строительство кошелёк пуст?! Давно уже пора вывести понятие «творческий союз» из понятия «общественная организация». А то наше культурное пространство становится всё неуютней. Почему бы не перенять опыт соседних стран? Например, каждый член Союза писателей Финляндии получает государственную поддержку. Если ничего не предпринимать в этом направлении, то нас ожидает более глобальный кризис, чем происходящий сегодня в экономике – кризис души.

Ежегодно Агентство по СМИ РК проводит конкурс социально значимой литературы, по результатам которого издаются книги – своего рода государственный заказ. В этом году социально значимыми были признаны около 40 рукописей. Повторюсь, что хорошо работают писатели. Однако изданы будут только около 10 книг, на остальные нет денег. Снова этот пресловутый экономический кризис. Если в 2007 и 2008 годах обозначилась тенденция на увеличение книгоиздания по категории социально значимой литературы, то ныне приходится констатировать стагнацию. Следующий год, как говорят, будет ещё сложнее. Почему только больше всех проигрывает культура, литература в частности?

Обсуждение прошло в конструктивной форме. Дискуссии носили уважительный дружеский характер. Это позволило назвать прошедший съезд съездом согласия. Председателем правления Союза писателей РК вновь была избрана – единогласно – Елена Козлова.

Андрей ПОПОВ, поэт

* * *

7 января 2010 года отметил своё 80-летие известный коми драматург Александр Ларев. А 17 февраля – Нина Куратова, первая коми женщина-прозаик.

Мы ещё раз от души поздравляем наших замечательных юбиляров, желаем им крепкого здоровья и новых творческих удач!

* * *

21 декабря 2009 года в г. Саранске состоялась защита кандидатской диссертации нашего автора и замечательного коми поэта Е.В. Ельцовой «Ритмическая организация произведений В.Т. Чисталёва» (науч. рук. В.А. Лимерова). Работа посвящена исследованию особенностей ритма стихотворной и прозаических произведений писателя, в творчестве которого, благодаря его стремлению к новаторству, ритмика играет важную роль не только в оформлении художественного произведения, но и в раскрытии его смысла.

* * *

В 2010 году республика Коми отмечает ряд памятных дат, связанных с творчеством коми и русских писателей, работавших в своё время в Сыктывкаре, Ухте, Усть-Цильме, Ижме и т.д.

200 лет исполняется со дня рождения В.Н. Латкина, крупнейшего исследователя Коми края;

100 лет – со дня рождения прозаика И.В. Изъюрова;

80 лет – со дня рождения поэта, прозаика В.С. Журавлёва-Печорского.

А 27 декабря республика будет отмечать 115 лет со дня рождения коми поэта, финно-угроведа с мировым именем, Василия Ильича Лыткина.

И в нынешнем году, и в последующие, неюбилейные годы, журнал, конечно, будет возвращаться к творчеству наших земляков.

Дни финно-угорских культур пройдут в Карелии

Филиал Государственного Российского Дома народного творчества «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации» совместно с Центром национальных культур и народного творчества Республики Карелия и Государственным историко-архитектурным и этнографическим музеем-заповедником «Кижи» с 18 по 20 февраля 2010 года провёл Дни финно-угорских культур в Республике Карелия.

В Государственном историко-архитектурном и этнографическом музее-заповеднике «Кижи» состоялось открытие VI Международной выставки детского художественного творчества по мотивам легенд, преданий, сказок финно-угорских народов «Завещание предков». Передвижная галерея включает в себя около 160 детских работ со всего финно-угорского мира: живопись, графику, предметы декоративно-прикладного творчества, любительские фильмы и мультфильмы о традиционной культуре финно-угорских народов.

В Центре национальных культур и народного творчества Республики Карелия открылась выставка «Мы есть и будем», которая представила 30 работ фотожурналистов и фотолюбителей из Карелии, Коми, Коми-Пермяцкого округа Пермского края, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Ханты-Мансийского и Ямalo-Ненецкого автономных округов, Мурманской области и Санкт-Петербурга.

В рамках Дней состоятся творческие встречи с представителями учреждений культуры и искусства и общественных организаций.

Подробная информация на сайте www.finnougoria.ru.

* * *

Произошли изменения в руководящем составе филиала ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации». Светлана Белорусова, занимавшая с момента основания Центра должность руководителя, назначена заместителем министра культуры Республики Коми. Новым руководителем Финно-угорского центра стала Татьяна Барахова.

Татьяна Тихоновна Барахова вместе со Светланой Белорусовой стояла у истоков становления Финно-угорского культурного центра России: участвовала в разработке стратегии его деятельности и создании концепции по сохранению культурного наследия финно-угорских народов. Она автор и руководитель таких проектов, как «Международный фестиваль искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит: культура народов» (2008-2009 гг.), «Всероссийский фестиваль искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит: этническая феерия» (2010 г.), выпуска серии CD-дисков «Памятники музыкального фольклора финно-угорских народов России».

* * *

26 февраля 2010 года Национальная галерея Республики Коми пригласила любителей графики на открытие выставки «Калевала» в гравюрах Мюда Мариевича Мечева, народного художника России.

За свою творческую жизнь М.М. Мечев стал участником десятков российских и международных выставок, имеет множество званий и наград. Но самая большая награда, по его же словам, это профессия художника – одна из самых счастливых в мире. Мюд Мариевич Мечев родился в 1929 году в Москве в семье художника Константина Пантелеева-Киреева и учительницы Марии Мечевой. Учась на втором курсе Строгановского училища, молодой художник впервые обратился к народному карело-финскому эпосу «Калевала». Через семь лет большая работа в жизни Мечева завершена; создано более 200 акварелей и рисунков чёрной тушью. В течение своей жизни Мечев ещё не раз обращается к «Калевале». 25 гравюр в собрании галереи – это подлинные произведения искусства.

Роман Г.Спичака «Цитала»: возвращаясь к прочитанному

Признаться, не доводилось читать ничего подобного не только в нашей региональной литературе, но, пожалуй, и в общей русскоязычной российской. Роман Григория Спичака «ЦИТАЛА. Украденный посох» по формальным признакам похож на детектив с фантастическими элементами. Читатель уже к 15–20 странице обнаруживает узнаваемые психологические состояния, природу таинственного «в себе», некий экзистенциальный опыт, который магнетически заставляет бежать по строкам книги дальше и дальше. Природа дежавю и разноплановые сны, считка реальности нелогичным, абстрактно-ассоциативным, символическим пониманием. При этом ирония и самоирония, плотная критика «психологии догадок» трезвыми героями, выполняющими роль контролёров, создают потрясающее ощущение реальности – с запахами и звуками, с деформацией пространства и времени в совершенно простых ситуациях и даже в среде узнаваемой географии. Для филологов здесь полным-полно так называемого «регионального компонента».

Автору удалось уйти не только от типичного для современного чтива коктейля убийств (убийства есть лишь как отдалённые факты – нет крови), любовных треугольников (даже любовной линии нет вообще), погонь и хеппи-энда с супергероем, ему удалось уйти от однотипности конфликтов в романе. Конфликтов здесь несколько, и они разных уровней, что создало «косичку фабул». Одна фабула – поиск героями причин гибели своих товарищей, другая – самого героя ищут спецслужбы и преступники, третья (чуть ли не ключевая кульминация) – встреча со своим прошлым, когда не только другу юности, но и самому себе перед своим двойником надо дать ответ – а зачем всё это – и эксперименты, и жертвы, и сами вопросы?..

«ЦИТАЛА» – это роман-вопрос, роман-напоминание, роман-будильник. Прежде чем взяться за написание отзыва, решили перечитать страницы книги, погрузиться, оживить впечатления... Результат – снова перечитываются последние главы. Причём произошло это незаметно и очень быстро. Поражает способность книги (автора) увлечь с первых же страниц так, что всплываешь в реальность редко и очень ненадолго, чтобы хлебнуть неизбежного – работы, дома, снова обратно в

мир Цитала: лифты, переходы, лестничные пролёты исторических событий и жизней героев... буквально ощущаешь себя среди них – за ними перемещаешься во временном и географическом пространстве – в поезде, в Касимове, на тренингах ли в Москве, на Амуре ли, в Коми... Круговорот событий не отпускает, но с каждой страницей только глубже погружает во всё новые темы, вопросы, мысли...

Кроме событий самого сюжета книга открывает множество дополнительных дверей: об этом ещё нужно почитать, это не забыть – узнать, про то где-то помню, надо восстановить. Есть такое понятие – книги, которые развивают читателя. Это «Цитала» Григория Спичака.

Язык простой и понятный – как будто едем с попутчиком в поезде, и он потихоньку под стук колёс раскладывает свою жизнь. И вместе с тем ловко обыгранные слова, яркие метафоры делают повествование лёгким и запоминающимся, несмотря на обилие слоёв, плоскостей, измерений. Цитала. Яркое, многообразное, насыщенное, глубокое действие с ходами и выходами в разные двери истории, литературы, психологии – каждый найдёт свой вход, свой путь и свои ответы... и каждый следующий раз всё новое снова... Туда и Обратно.

Анна Бенджик, Сергей Федотов

* * *

С 20 по 23 октября 2009 г. в г.Сыктывкаре состоялся Десятый Юбилейный Российско-Финляндский культурный форум «Этнокультурное многообразие: традиции и инновации». В рамках форума в редакции журнала «Арт» состоялась беседа с Паулой Туомикоски, директором отдела культуры Министерства культуры и спорта Финляндии.

– Мы хотели, чтобы Вы поделились своими воспоминаниями, как всё начиналось, как пришли к идеи культурного форума.

– В 1999 году министр культуры Российской Федерации Н.Л. Дементьева была в Финляндии. И мы с ней встречались, и решили, что с развалом Советского Союза распались и какие-то связи между двумя государствами. Мы также были уверены, что между Россией и Финляндией есть большое желание сотрудничать. Министр гостила летом в Финляндии, а потом я сама приезжала в Москву, там уже и принимали решение. Наталья Леонидовна поддержала мою идею. Я предложила, чтобы финны, у которых есть уже какие-то проекты и идеи, нашли своих партнёров в России. Чтобы финны официально предложили, что мы хотим найти таких русских партнёров. Но как искать этого партнёра? Наталья Леонидовна предложила: на Северо-Западе России тридцать регионов, и министры культуры регионов будут ответственны найти партнёров. Решили, что в следующем году русские уже будут предлагать проекты. Итак, прошло уже десять лет. Надеюсь, такая работа нужна. Начало мы сделали. В следующий раз форум будет проходить в финском городе Хяменлинна в октябре 2010 года. Предложения можно вносить до конца февраля. Моего помощника пригласили презентировать этот метод в Комиссии Европейского Союза, думают, что это удачный метод сотрудничества. Сейчас идут переговоры между Европейским союзом и Россией в целях развития сотрудничества в сфере культуры, и ваш министр, и министр культуры Европейского союза встречались год назад первый раз (это были партнёрские

переговоры в Лиссабоне), они решили подготовить программу сотрудничества в сфере культуры между Европейскими странами или между Европейским союзом и Россией. Через несколько недель будет конференция деятелей культуры Европейского союза и России в Москве. Такие методы нужны, чтобы найти партнёров. Но нам очень важно, чтобы партнёр был искренним, чтобы было сделано что-то конкретно, поэтому мы и организуем этот форум. Когда есть предложение, и получен ответ, тогда встречаются, смотрят возможности. И если партнёр скажет, что он не может на это согласиться, это нам тоже важно услышать, как и то, что партнёр положительно ответит на наше предложение.

– Расскажите о самых интересных проектах, которые сегодня реализуются.

– Очень много проектов реализовалось. Один из проектов называется «Из крепости в крепость». Начал работать этот проект в 2001 году на форуме в Новгороде и продолжается до сих пор. Благодаря этому проекту развивается туристическая сфера.

Разработаны и работают многочисленные проекты по образованию. Среди них можно назвать лучшими проекты от академии Сибелиуса и от института Санкт-Петербурга.

– А проект от академии Сибелиуса – это обмен студентами или концерты?

– Это культурный менеджмент. Образовательные программы для руководителей.

– А есть ли совместные экономические проекты?

– Считаем очень важным соединить культуру и экономику, чтобы найти совместную пользу. Центр молодёжи организует курсы для русских семей, особенное внимание уделяется детям. Центр молодёжи реализует проекты в сфере туризма и делает это вместе с туристической фирмой. Проект «Из крепости в крепость» тоже можно назвать экономическим проектом. Но самое главное – это культурное содержание проекта, обмен информацией, фестивали на территории этих крепостей, мероприятия, которые приносят впечатления.

– Были ли какие-то проекты от Коми?

– Много проектов. Проводится совместная работа с Национальной библиотекой Республики Коми и Центром промышленности «Зарань». Проходят многочисленные выставки то на территории России, то на территории Финляндии. На нынешнем форуме всё это тоже обсуждается.

– Для какого-то дела всегда должен появиться человек, которому больше всех надо. Вы за это взялись, и образовался такой глобальный проект. Проделана очень большая работа. Когда всё это организовывалось, Вы где работали?

– Я работала в Министерстве образования и культуры. А сейчас я работаю директором отдела культуры в Министерстве культуры и спорта.

Я хочу сказать, что все министры и после Дементьевой поддерживали этот проект. Между нашими министерствами есть соглашение, оно было подписано первый раз в 2005 году в Вологде, на форуме. Министры договорились, что мы

вместе развиваем работу форума, вместе поддержим развитие сотрудничества между Европейским союзом и Россией. Каждый год, когда собираются министры на форум, рассматривают, как реализуется это соглашение, как продвигаются дела. На этот раз вашего министра не было, но он рассматривал весь этот материал и подписал, и самое главное, ваш министр констатировал, что в первом квартале следующего года министры могут встретиться вдвоём. Это второй результат форума, что на политическом уровне есть такие близкие связи, что министры хотят общаться открыто. Ваш министр очень активно работал, чтобы сотрудничать с Европейским союзом и «Северным измерением». И наш министр тоже.

«Северное измерение» – международная официальная политика между Россией и Европейским союзом, Норвегией, Исландией. Норвегия и Исландия – не члены Европейского союза. Они севернее. «Северное измерение» – это политика, которая развивается через партнёрство. Первое партнёрство есть в области окружающей среды, для этого собраны два миллиарда евро, чтобы финансировать проект, второе партнёрство – это социальная сфера и сфера здравоохранения, третья – в области логистики (визы, таможенная работа и т.д.), четвёртая – в сфере культуры. И Финляндия, и Россия очень поддерживают этот проект.

– Вообще, сколько регионов участвуют в вашем проекте?

– Больше тринадцати. Идея такая – развивать большие культурные проекты, у которых есть экономический аспект. Этот проект партнёрства помогает найти финансирование для ваших проектов. Экономический фундамент необходим. И хотя между нами есть действие форума, это уже нам помогает развивать такие партнёрские проекты. Сейчас надо развивать большие проекты.

– Что такие большие проекты в вашем понимании?

– В сфере кино, культурного туризма, серьёзные работы между фестивалями, турне, организация культурного туризма.

– Были ли какие-то проекты на уровне книгоиздания?

– Да, были. Между Карелией и Финляндией.

– Издавали карельских авторов в Финляндии, а финских авторов – в Карелии?

– Да, есть такой обмен.

Есть проект резиденции для художников. Резиденции находятся в разных частях Финляндии. Художники могут там жить месяц, четыре месяца, полгода, получать стипендию. Можно оформить заявку, рассказать о себе, почему есть желание работать именно в Финляндии, и сделать предложение для следующего форума.

Есть сотрудничество между Национальной библиотекой Республики Коми и библиотекой Финляндии, в вашу библиотеку должны были поступить новые книги, которые уже переведены на русский язык.

Паула Туомикоски пообещала, что будет сообщать о новых проектах в области книгоиздания, библиотечного дела, принятых в рамках форума.

Summary

The first issue of the magazine in 2010 begins with the rubric Point of View. There readers answer the question The Year of Komi Language: Resume or Beginning? This rubric is the magazine's response to the year of Komi Language that took place in Komi Republic.

In 2010 the 65th annual of the victory in the Great Patriotic War is celebrated. In the issue you may find collected poems in Komi and Russian languages, and diaries of the war time. This material is exclusive because war eyewitness accounts are the facts of real testimony without any further reconsideration and fictionalization. We offer you a diary of a red soldier who took part in Finnish War and a diary of a civil man who was found by the war in the Old Petergoph.

We continue publishing a narrative Blue Gramophone by B.Shahov. We also would like to present new poems by a well known komi poet Vasiliy Lodyginov.

Another well known writer, G.Yushkov, passed away last year. In memory of him our magazine publishes two his old but still actual articles that cover the theme of literally creative work.

The article by L.Proschak That Mighty Spirituality covers the theme of spirituality in the modern world.

You can find three articles in the column Art Fact. The first covers works of G.S. Rayshev by the motifs of a novel by Khanty writer E.D. Aypin the Mother of God in Blood Red Snow. The article was written by a young art historian from Altaian University A.Lebedevoy. The art historian O.K. Pankrusheva's article by War in the works of R.N. Ermolin opens a little known page of creative biography of an artist R.N. Ermolin – his works that cover war theme.

V.I. Silin, a geographer and a student of local history, offers an article about portraits of famous figures of Russian North of XVIII century painted by well-known Russian artists.

V.S. Morozova shares her impressions on the Chehov theater festival that took place in Syktyvkar .

At the end of the issue you can find cultural news of Komi Republic. In the attachment there is a CD with songs of the Great Patriotic War performed by Lubov Rosa. The disk is devoted to the 65th annual on the Victory.

Translated by Ksenya Zhmako

Отец, Николай Иванович, был батальонным командиром бронепарковой школы НКВД, мать, Варвара Ивановна, работала писарем - машинисткой 3-го стрелкового полка. В 1941 году после начала Великой Отечественной войны и брат Владимира эвакуировались с ленинградскими детьми в Некрасовский район Ярославской области. Через год к нам приехали мама и увезла нас на родину отца в село Визинга Кольской АССР...

Рем Ермолин